

Воронежский Государственный Университет
Факультет международных отношений
Кафедра международных отношений и регионоведения
Научное Общество Факультета международных отношений
Российская ассоциация исследователей Иберо-Американского
мира

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

6

Воронеж
2010

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

Редакционная коллегия: проф., д.полит.н А.А. Слинько (пред.), доц., к.и.н. В.И. Сальников (секретарь ред.коллегии), преп., к.и.н. М.В. Кирчанов (сост.)

Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 6. – 112 с.

В настоящий сборник вошли статьи российских и зарубежных исследователей, посвященные проблемам политических процессов в современной Латинской Америке, политической динамике в регионе, отношениями между странами Южной Америки, особенностям развития правого спектра политического поля, гуманитарным и социальным исследованиям в Бразилии.

Латинская Америка – политические процессы – международные отношения – гуманитарные исследования – Бразилия – Колумбия

ISBN: 5-00-001644-0
ISBN: 11-04-2010-06-3

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

© Авторы, 2010
© Перевод, 2010
© Факультет международных отношений ВГУ, 2010
© Воронежское отделение РАИИАМ, 2010
© <http://ejournals.pp.net.ua> 2010

Universidad Estatal de Voronezh
Facultad de Relaciones Internacionales
Departamento de Relaciones Internacionales y Estudios Regionales
Sociedad Científica de la Facultad de Relaciones Internacionales
Asociación Rusa de los investigadores del mundo Iberoamericano

Universidade do Estado da Voronezh
Faculdade de Relações Internacionais
Departamento de Relações Internacionais e Estudos de Estudos Regionais
Sociedade Científica da Faculdade de Relações Internacionais
Associação Russa de Investigadores del mundo Ibero-americano

Voronezh State University
Department of Interantional Relations
Chair of Interantional Relations and Regions Studies
Scientific Society of Department of Interantional Relations and Regions Studies
Russian Association for Iberian and American Studies

ACONTECIMIENTOS POLÍTICOS EN AMÉRICA LATINA: PASADO Y PRESENTE

6

EVOLUÇÃO POLÍTICA NA AMÉRICA LATINA: PASSADO E PRESENTE

Voronezh
2010

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.А. Слинько , Центральная Америка: модели политической стабилизации	6
М.В. Кирчанов , No paz, o progresso... na guerra, a vitória: бразильские военные <i>lieux de memoire</i> в контексте развития политического национализма	18
Е.С. Вargасова , Наркобизнес в Колумбии: проблемы и противоречия	26
Вильгельм Хофмейстер , Начало новой эры: стратегическое партнерство Бразилии и ЕС	29

«Левые» в современной Латинской Америке

Иммануил Валлерстайн , Левые векторы политического развития Латинской Америки	32
Джэймс Петрас , Кризис «новых левых» в Латинской Америке: падение свободного рынка	35
Хорхе Ланзаро , Социальная демократия и Латинская Америка	44
Л.В. Дьякова , Левоцентристы в Уругвае: приоритет социальной политики	47

Европейцы в Латинской Америке: история и современность

Т.Е. Багатурия , Политическая испанская (кастильская) эмиграция в Мексике: некоторые проблемы истории	55
Армандо Паредес , Интеграция иностранцев в «республику метисов»	60

Современная Бразилия: проблемы и противоречия развития

Иммануил Валлерстайн , Давняя дилемма левых: бразильский опыт	66
Питер Фишер-Боллин , Президентские выборы в Бразилии: социальная политика Лулы против неолиберальной экономической политики?	70
Мишель Чоссудовски , Бразилия: Лула и «неолиберализм с человеческим лицом»	72
К.В. Беденко , Политические процессы в Бразилии: «Партия трудящихся» у власти	77

Критика и библиография

Хайме Партш , Гегемония, пространство и сообщество в колониальном государстве: земельная собственность в Пуэрто-Рико	86
М.В. Кирчанов , Российское бразиловедение: между консервативной стабильностью, методологическим кризисом и маргинализацией	90

Латиноамериканистское сообщество

Latin American Studies (Латиноамериканские исследования) в Дьюкском, Колумбийском, Мэри-лэндском и Берклийском Университетах	102
--	-----

*Факультет международных отношений ВГУ,
Воронежское отделение Российской
Ассоциации Исследователей
Иберо-Американского Мира
поздравляют в с 80-летием
доктора исторических наук
Бориса Иосифовича Коваля*

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Слинко

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА:

модели политической стабилизации

Никарагуа: возрождение революции

Возвращение революционного лидера Д.Ортеги и его Сандинистского фронта национального освобождения к власти после победы на выборах 2006 года было бы так же трудно характеризовать как левый поворот. Изначально в борьбе против диктатуры семейства Сомосы (1936 – 1979 гг.) поэтапно объединились все политические силы страны «справа-налево». Начало народной революции связывалось именно с убийством в январе 1978 года правительственными агентами лидера либеральной оппозиции, редактора газеты «Ла Пренса» П.Х. Чаморро. В 1979 – 1980 гг. вдова Чаморро В. Барриос де Чаморро входила в руководство революционной республики, а после ухода Сандинистской власти возглавила Национальный союз оппозиции. Возник режим соправления сандинистов и либералов, отражавший давние традиции взаимодействия либералов и радикалов. Первые признавали революцию как метод свержения правых диктатур, вторые – как метод институционального управления по примеру Кубы. Но кризис реального социализма и господство неолиберализма в 1990-е годы сблизили позиции оппонентов-союзников. В конце 1999 года был заключен пакт, согласно которому сандинисты и либерально-конституционная партия обязались поддерживать новый избирательный закон, при этом предусматривался паритет при распределении мест в Высшем избирательном совете, Конституционном суде, органах прокуратуры и финансового аудита. Либеральное влияние на сандинизм выразилось в переносе политической борьбы в плоскость конституционных реформ. Так, ограниченная популярность сандинистов (на уровне 40%) не позволяла им провести своего лидера на пост главы государства. СФНО добился снижения числа голосов, необходимых

для победы на выборах до 40%, а при условии, что лидер избирательной гонки на 5% опережает главного соперника до 35%¹. Таким образом, путь к возвращению к власти Д.Ортеги был открыт.

В целом, в нынешнем сандинистском режиме успешно сочетались три никарагуанские политические традиции:

1. Соправление. В частности, вице-президентом стал Х.Моралес Карасо – бывший сомосовец и полевой командир контрас;

2. Либерально-революционная традиция, легализированная кризисом неолиберализма и американским вмешательством в электоральный процесс;

3. Альтернативность – плод совмещения революционной и «прямой» демократии, с опытом альтернативных движений в Аргентине, Бразилии и Венесуэле.

Харизматический лидер никарагуанской революции Д.Ортега активно использовал организаторский талант своей молодой жены поэтессы Росарио Мурильо, которая смогла представить его избирателям как сторонника национального примирения, политика – рыцаря компромисса, трансформировавшего принцип социальной революции в идеи революции духовной и культурной, акцентировавшего внимание на гарантиях частному сектору и борьбе за искоренение бедности. Однако никакая харизма, даже подновленная и омоложенная, не смогли бы привести Д.Ортегу к победе на выборах, не будь на его стороне опыт трагической истории Никарагуа, когда американская интервенция сменилась марионеточным режимом Сомосы. Радикализм никарагуанской, прежде всего, либеральной традиции – один из факторов быстрого признания Никарагуа Южной Осетии и Абхазии, которые воспринимались как жертвы американской марионетки – Саакашвили.

В итоге, Даниэль Ортега добился победы 5 января 2006 года с искомым результатом 38,07%. Соперники – лидер Никарагуанского либерального альянса (НЛА) Э.Монтеалегре (29%) и представитель Либерально-конституционалистской партии (ЛКП) Х.Рисо (26,21%) – существенно отстали². По конституции, разрыв в пять процентов с ближайшим конкурентом гарантировал СФНО возвращение к власти. Однако бросается в глаза, что оппозиция – старые и новые либералы – в сумме собрала 55,21%, более половины электората, а это фактор неустойчивости неосандинизма. При этом следует отметить, что эта победа – свидетельство действенности альтернативного интернационализма. Так, в канун выборов в Никарагуа, вечно

испытывающую проблемы с энергоносителями, прибыли два танкера с венесуэльской нефтью, поставленной на основе соглашения СФНО и нефтяной компании Венесуэлы.

Неосандинистский режим носит все признаки неустойчивости (21% поддержки в 2008 году), хаотичности (к примеру, революционная риторика, с одной стороны, и закон о запрете аборт – с другой), но при этом имеет достаточно прочную опору в специфическом никарагуанском радикальном либерализме, поддерживаемым и печальным историческим опытом (от авантюры Уокера до сомосовской диктатуры) и современными событиями (попытки политического диктата в ходе последних выборов).

Коста-Рика: новые формулы стабилизации

Коста-Риканская модель «радикального либерализма» основана на более глубоком влиянии Европы и США, на практически полном отсутствии индейского и негритянского компонента в этническом составе населения, на постоянном модернизационном процессе в сфере политики и экономики. В стране сразу же после провозглашения независимости и в рамках Федерации Соединенных провинций Центральной Америки и после ее распада проводились основные институциональные реформы с целью ускорения развития страны. Особенно отличились в этом смысле правительства президентов Х.Моры Фернандеса (1824 – 1833 гг.) и Б.Каррильо (1835 – 1842 гг.). Коста-риканцы уже в середине XIX века продемонстрировали свое умение бороться против американского интервенционизма. Именно коста-риканская армия в 1856 году разбила наемников авантюриста Уокера, что означало на практике крах всей интервенции против Центральной Америки.

Между тем, к середине XX века реформистский «запас» традиционного либерального прогрессизма стал уменьшаться. К примеру, лидер Национально-республиканской партии Р.А. Кольдерон Гуардиа провел ряд принципиальных либеральных реформ, однако, потерпев поражение на выборах 1948 года, призвал на помощь войска псевдолиберала диктатора А.Сомосы, повторив этот политический маневр и в 1955 году. Несмотря на активное продолжение реформ президентом Т.Пикадо (1944 – 1948 гг.), в стране в 1948 году вспыхнула гражданская война, закончившаяся роспуском армии при сохранении в целом либерально-реформистского режима.

Продолжение реформ и сохранение либеральной системы требовали в условиях «после гражданской войны» введения почти однопартийной системы. Роль правящей партии взяла на себя Партия

национального освобождения во главе с Хосе Фигересом Феррером (создана в 1945 году). Это левопопулистское институциональное движение правило страной вплоть до 1978 года с небольшим перерывом в 1958 – 1962 и в 1966 – 1970 годах. Модернизация партии в социал-демократическом направлении позволила ей вернуться к власти после президентства Родриго Карасо Одио (1978 – 1982 гг.) – лидера коалиции консервативных партий. В 1982 году президентом стал вновь представитель ПНО Луис Альберто Монхе (1982 – 1986 гг.). Характерно, что реформы европейского модернизационного типа сохранили, тем не менее, патриархальную консервативную систему в Коста-Рике. Для которой характерна и кастовость, и замкнутость правящего класса. Яркий пример этого – политические династии. Так, в 1990 – 1994 гг. страной правил консерватор Рафаэль Анхель Кальдерон Фурнье – сын президента Р.А. Кальдерона Гуардии. Его сменил правивший в 1994 – 1998 гг. сын основателя ПНО Хосе Мария Фигерес Ольсен.

Сочетание радикального либерализма и традиционных черт в коста-риканском режиме способствовало успешному выполнению им миротворческих посреднических миссий по урегулированию конфликтов в соседних странах. Президент О. Ариас Санчес (1986 – 1990 гг.) выдвинул ? план урегулирования в Центральной Америке, который был принят всеми враждующими сторонами, а лидер либерально-национальной партии удостоился Нобелевской премии мира в 1987 году.

Для политической системы страны с середины 1980-х годов были характерны консолидирующие процессы в консервативном лагере. В 1984 году институционализировалась партия Социал-христианское единство (СХЕ), которая и ввела страну в ХХ1 век. Ее представители Мигель Нахель Родригес Эчеверия (1998 – 2002 гг.) и Абель Почино (2002 – 2006 гг.) правили страной в духе консервативного неолиберализма. Кризис неолиберализма и усиление процессов глобализации способствовали возвращению к власти всемирно известного миротворца О.Ариаса (2006 г.), который принял участие в решении тяжелейшего внутривнутриполитического кризиса в Гондурасе 2009 года. Реанимация военного каудильизма в соседней стране была воспринята достаточно настороженно во всем мире. Ситуация осложнялась тем, что в правовом поле ОАГ такой режим существовать не может. «Радикальный либерализм» Коста-Рики при всех его успехах, особенно в области экономической политики, все еще ищет свой вариант альтернативной неевклидовой политики,

опасаясь попасть под влияние патриархально-традиционалистских тенденций. Одной из таких неожиданных альтернатив стала победа на президентских выборах первой в истории страны женщины Лауры Чинчильи от Партии национального освобождения в феврале 2010 года.

Объединение расколотой нации в Сальвадоре

К политической модели «компромиссного развития» современный Сальвадор пришел не сразу. Еще в XIX веке борьба партий – консерваторов и либералов – носила крайне ожесточенный, непримиримый характер. Так, прогрессистские реформы правительств либералов Х.Барриоса (1860 – 1863 гг.), С. Гонсалеса (1871 – 1876 гг.), Р. Сальдивара (1876 – 1885 гг.) были во многом перечеркнуты в период правления консерваторов К. Эсеты (1890 – 1894 гг.) и Р.А. Гутьерреса (1894 – 1898 гг.)

Жесткая консервативная политика, отражавшая сомнения верхов в действенности законодательных институтов окончательно возобладала с начала 1930-х годов, когда после подавления восстания 1932 года в стране утвердилась многолетняя диктатура М.Эрнандеса Мартинеса (1931 – 1944 гг.). Беспрерывный полуолигархический или популистский консерватизм сохранил свою действенность даже после всемирного демократического потепления в 1945 году. Именно в этом году у власти утвердилось достаточно реакционное правительство С.Кастаньеды Кастро (1945 – 1948 гг.). Лишь конституция 1950 года впервые провозгласила демократические свободы. Однако веяния «холодной войны», традиционный консерватизм многочисленных земельных собственников Сальвадора придавали реакционный облик и правительству О.Осорио (1950 – 1956 гг.), и временам правления президента Х.М. Лемуса (1956 – 1966 гг.). Активизация демократической оппозиции после победы кубинской революции выразилась в деятельности Национального фронта гражданской ориентации и военно-гражданской хунты, которая правила с октября 1960 по январь 1961 годов (т.н. «хунта М.А. Кастильо»).

После этого начинается резкая консолидация всех правых сил, формируется главная организация консервативного институционализма – Партия национального примирения, которая удерживается у власти в 1962 – 1979 гг. Режимы президентов Х.А Риверы (1962 – 1967 гг.), Санчеса Эрнандеса (1967 – 1972 гг.), А.А. Молины (1972 – 1977 гг.) продолжали действовать в рамках своеобразного ультраправого фундаментализма.

Во время правления К.У. Ромеро Мены (1977 – 1979 гг.) стало ясно, что правящая элита утратила чувство реальности, не отражает интересы большей части общества. Начало формироваться ядро левой оппозиции, настроенной против ультраправых столь же жестко, как режим против социалистов, коммунистов и других левых. Попытки реформировать режим со стороны президентов Х.А. Гутьерреса (1979 – 1981 гг.) и христианского демократа Х.Н. Дуарте (1981 – 1982 гг.) успехов не принесли. Страна стремительно втягивалась в гражданскую войну, спровоцированную ультраправым террором. От рук правых экстремистов погибли многие лидеры левых и священники-миротворцы.

Левые ответили жесткой консолидацией. 11 сентября 1980 года был создан Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНОФМ), в который вошли пять крупных левых группировок: Народные силы освобождения имени Фарабундо Марти, Революционная армия народа, Национальное сопротивление, Сальвадорская коммунистическая партия, Революционная партия Центральноамериканских трудящихся. При этом каждая организация направляла по три представителя в руководство ФНОФМ. Неофициальным лидером этого своеобразного блока стал Т.С. Каэтано Карпью, а после его кончины – Х. Вильялобос.

Фронт решительно воевал с ультраправыми правительствами при помощи Никарагуа и Кубы в 1980 – 1992 гг., контролируя порой от четверти до трети территории Сальвадора. Однако руководство блока не менее решительно пошло на демобилизацию после мирного соглашения 1992 г. Демократические выборы демонстрировали постоянный рост влияния левых. Наконец, в начале XXI века стало ясно, что и народ, и элита устали от семидесятилетнего правления ультраконсерваторов. Военное равновесие сил стало трансформироваться в политическое. Уже в 2003 году ФНОФМ получил относительное большинство в парламенте. Наконец, после парламентских выборов 2009 года сложились политические условия для формирования новой, ранее не характерной для Сальвадора модели политического развития. Парламентский расклад сложился следующим образом: ФНОФМ набрал 42,83%, ультраправый Националистический республиканский союз – 38,16%, Партия национального примирения – 6,74%, демохристиане – 6,77%. На президентских выборах победил представитель умеренного крыла ФНОФМ Маурисио Фунес, набрав 51,27%, а представитель правя-

щего национального республиканского союза собрал 48,73% голосов³.

Сложилось политическое равновесие сил, при котором у ультраправых пока нет оснований обвинять ФНОФМ в нарушении демократических правил игры. В нынешней ситуации реализации сальвадорской модели неевклидовой политики могут помешать лишь призраки прошедшей гражданской войны.

Гватемала – движение к демократии

Между тем, события благоприятствовали «модели раскола» в Латинской Америке. Так, жесткая правая диктатура Х.Убико Кастанеды (1931 – 1944 гг.) сменилась десятилетним режимом гватемальской революции (1944 – 1954 гг.), который институализировался и действовал в рамках левопопулистской парадигмы. Время ультраправой реакции (1954 – 1984 гг.) прерывалось только кратковременным правлением правопопулистской Революционной партии во главе с Х.Мендесом Монтенегро (1966 – 1970 гг.), которое, в конечном счете, только усилило раскол в обществе (именно в это время формируются «эскадроны смерти»). Герилья, начавшаяся в 1963 году, особых успехов не имела, но условия страны исключали победу над ней, а это доводило военных диктаторов прямо-таки до террористического безумия. В марте 1982 года к власти пришел фанатик антипартизанской войны генерал-протестант Х.Э.Риос Монтт – своеобразный герой ультраправых Гватемалы, обещавший подавить герилью быстро и окончательно. Провал затеи обнаружился уже в середине 1983 года, а в августе генерал О.У. Мехия Викторес сверг Риоса Монтта и объявил о восстановлении демократии. Уже в 1984 году были проведены выборы в конституционную ассамблею, а в 1985 принята конституция. Однако впоследствии обострилась яростная схватка между сторонниками и противниками ультраправого харизматического вождя. Во время правления противника Риоса Монтта А.Э. Арсу Иригойена (1996 – 1999 гг.) удалось подписать соглашение с партизанами Гватемальского национального и религиозного единства (ГНРЕ). Таким образом, с декабря 1996 в стране прекратилась гражданская война. Гватемальский республиканский фронт Р.Монтта еще побывал у власти в 1999 – 2003 годах в лице его ставленника А.А. Портильо Кабреры, но уже его преемник О.Х.Бергер Предомо (2003 – 2007 гг.), представитель правоцентристского Военного национального альянса начал следствие против ультраправых по обвинению в правонарушениях времен гражданской войны. Своеобразную точку в отношении политического

мятежника между ультраправыми и правыми поставила победа Алваро Колома Кабальероса на выборах 2007 года⁴. К власти пришла социал-демократическая партия Национальный союз надежды. Опора на альтернативные экономические программы поддержки беднейшего населения при полном консенсусе с крупным бизнесом и безусловной дистанции от стран группы АЛБА роднит Колома с бразильским левым правительством. Приоритет этого варианта неевклидовой политики прослеживается четко – уход от раскола страны в сторону национального единства.

Панама: параметры либеральной парадигмы

Политическая модель «либеральной революции» в Панаме сложилась исторически. Грандиозная и жестокая гражданская война в Колумбии, так называемая «Тысячедневная война» (1899 – 1902 гг.) закончилась поражением либералов. Многие либеральные силы страны сконцентрировались в Панаме – окраинной, но стратегически важной провинции. Восстание 3 ноября 1903 года – своеобразный реванш либералов за поражение в кровавой гражданской войне. С этого момента стало ясно – в республике Панама – этом заповеднике либеральной революции – влияние колумбийских генералов-консерваторов принципиально не будет допущено, а для этой цели вполне рационален союз с США вплоть до оккупации зоны Панамского канала. Но США «перегнули палку» с колониальными амбициями, особенно во времена «холодной войны», когда президентом был Х.А. Ремон Кантера (1952 – 1955 гг.). Президент заплатил жизнью за требование пересмотра договора о Панамском канале: новый договор, не менявший сути проблемы, был подписан вскоре после смерти президента. Сущность режима «либеральной революции» особенно ярко проявилась во время правления генерала О. Торрихоса Эрреры (1968 – 1978 гг.), который поставил целью своего правления не желание войти в историю, а стремление войти в зону Панамского канала. 7 сентября 1977 года договор был подписан, а в 2000 году канал передан панамцам.

Панамские левые режимы, даже пользуясь ультрареволюционной фразой, оставались, по сути, режимами «либеральной революции». Ограничение деловой активности в Панаме – зоне всемирного посреднического бизнеса, перекрестке деловой активности, оффшорной территории и банковском «рае» – было совершенно немыслимо. Среди преемников Торрихоса, к примеру, возобладало влияние генерала Норьеги, который прямо или косвенно контролировал страну с 1982 по 1989 годы, гибко сочетая славу мастера революци-

онной и социалистической фразы с успешной торговлей наркотиками. В конце концов либералы обратились в США с просьбой помочь убрать диктатора, который 15 декабря 1989 года объявил Соединенным Штатам войну. США пошли на непопулярное вторжение. Вскоре были приняты компенсационные меры, чтобы сгладить впечатление от интервенции: была создана НАФТА, и решением ОАГ было наложено вето на существование военно-диктаторских режимов в Латинской Америке (1992 г.).

Победа на выборах Мартина Торрихоса (2004 – 2009 гг.), сына национального героя О.Торрихоса и руководителя Революционно-демократической партии не вызвало особого интереса у крайних поборников боливарианского революционаризма. В Панаме господствует другой дух – дух традиционной либеральной революции и свободного предпринимательства. М. Торрихос симпатизировал левым на внешнеполитической арене. С удовольствием приветствовал российские военные корабли в ходе их «прогулки» по Панамскому каналу, но его внутривнутриполитический курс оставался очень жестким, антисоциалистическим и неолиберальным. Сложившаяся оппозиционная коалиция – Демократический выбор, Партия патриотического единства, Панамистская партия, Националистическое республиканское либеральное движение – быстро усиливала влияние. Как и в Парагвае, правящие силы решили использовать фактор политического феминизма. Наследницей М. Торрихоса должна была стать Бальбина Эррера, выдвинутая Революционно-демократической и Народной партиями.

Результаты были противоречивыми. Рикардо Мартинелли, лидер оппозиционной праволиберальной коалиции, получил 60,1%. За Б.Эрреру проголосовали 37, 54 % избирателей. Представитель старой политической элиты Г.Эндара и его партия «Моральный авангард» получили 2% голосов, что продемонстрировало усталость народа от старой политики и традиционных политиков.

Панамский режим, сохраняя ценности «либеральной революции» в современном мире латиноамериканской неевклидовой политики, оказывает отрезвляющее действие как на неолибералов, так и на поборников безоглядной и иррациональной псевдореволюционной левизны.

Гондурасский традиционализм

Гондурасская модель «традиционной двухпартийности» сыграла противоречивую роль в политической истории Гондураса. Стра-

на лето 2009 года оказалась вне зоны «антидиктаторского права», постулированной решением ОАГ в 1992 году.

Раннелиберальные эксперименты Ф.Х. Морасана и Х.С. дель Валье в 20-30-е годы XIX века были «поглощены» крайней политической нестабильностью, которая была приостановлена только М.А. Сото (1876 – 1883 гг.). Упорядочение финансов, государственного управления и образования, перенос столицы из оплота консерваторов Комаягуа в Тегусигальпу существенно стимулировали развитие Гондураса. Формирование банановых латифундий, с одной стороны, дало стране негативный имидж «банановой республики», а с другой – способствовало деловой активности.

Действующие ныне в стране Национальная партия и Либеральная партия являются законными преемницами консервативной и либеральной группировок гондурасской элиты, возникших в эпоху борьбы за независимость. Но их правление прерывалось умеренными консервативными режимами «стабилизационного типа». К таким периодам можно отнести правление Т. Кариаса Андино (1933 – 1948 гг.) и О. Лопеса Арельяно (1965 – 1971 гг.). Попытки активизации институциональных реформ в правление либерала Р. Вильеды Моралеса (1957 – 1963 гг.) были признаны консерваторами чресчур радикальными.

Гондурас оставался на протяжении всего XX века зоной абсолютного влияния традиционалистского военного консерватизма и каудильизма, находя опору в гражданском обществе среди промышленников, предпринимателей и землевладельцев. Страна стала базой для интервенции против Гватемалы в 1955 году, а также для деятельности никарагуанских «контрас» в 1980-90-е годы. Вектор гондурасской политики не изменило второе «либеральное» правление О. Лопеса Арельяно (1972 – 1975 гг.). Ограниченные реформы были быстро остановлены.

Лишь в январе 1982 года с приходом к власти либерала Р. Суасо Кордовы был положен конец череде военных переворотов. Победивший на выборах 1990 года консерватор Л. Калльехас Ромеро стал первым оппозиционным лидером, получившим власть в результате свободного волеизъявления народа. Наконец, в 1993 году либерал К.Р. Рейна Идьакес решительно ограничил влияние военных в стране.

Высшие политические посты получили гражданские лица, была отменена обязательная военная служба. Либерал К.Р. Флорес Факуссе (1997 – 2002 гг.) продолжил дело предшественника – при нем

был распущен Высший военный совет и ликвидирован пост председателя вооруженных сил.

Представитель Национальной партии Р.Р. Маудро Хоэст (2002 – 2005 гг.) продолжил прогрессистский курс, восстановив отношения с Кубой и выведя войска из Ирака. При нем началось практическое осуществление договора о свободной торговле Центральной Америки с США (03.03.2005 г.).

Победивший на выборах 2005 года либерал Х.М. Селайя Росалес вызвал значительное недовольство политической элиты. В недрах либерализма ощущалось влияние небольшой социалистической и неомарксистской группировки. В конце своего правления Селайя объявил себя социалистом и принял традиционный для современной левой волны план конституционной реформы для собственного переизбрания. Он не нашел понимания в своей партии, для большинства членов которой лозунг всех либералов континента – нет переизбранию! А мнение военно-консервативной элиты, свергнувшей Селайю 28 июля 2009 года, отразил Временный президент председатель сената Роберто Мичелетти: «Мы не должны страдать из-за притязаний какого-то умалишенного узурпировать власть в стране». Такая оценка значительно упрощает ситуацию. На самом деле Селайя своим указом от 25 июля 2009 года (речь шла об отставке почти всего гондурасского генералитета) пытался окончательно отстранить сверхвлиятельный генералитет от власти, тем самым осуществить конечную цель политических либеральных реформ – перейти к полноценному гражданскому правлению и «вырвать с корнем» наследие феодализма – военный каудильизм. Для этого он и использовал боливарианскую идею референдума о переизбрании. Таким образом, идеи боливарианского социализма служили вспомогательным инструментом для осуществления основной либеральной реформы.

Однако три фактора воспрепятствовали осуществлению этого плана. Во-первых – социалистическая фракция в гондурасском либерализме традиционно слаба, а механизм прямой опоры на массы в местных условиях не сработал, во-вторых, Селайя переоценил влияние «левого поворота» в Латинской Америке, который в рамках неевклидовой политики можно считать левым только с оговорками, в-третьих, Гондурас являлся «консервативным островом» старого американского влияния эпохи «холодной войны», тщательно оберегаемым американцами на крайний случай. Несмотря на

осуждение Б. Обамой переворота, смещенный американский посол был признан одним из его организаторов.

Левый поворот в Гондурасе столкнулся с консервативной национальной традицией. Пока победивший на выборах традиционный противник и Мичелетти, и Селайи Порфирио Лобо – глава оппозиционной Националистической партии – объявил о второстепенном значении для страны раскола в среде либералов, а также о создании правительства народного единства, цикл либерально-консервативной политики продолжается.

Список литературы:

1. Дабагян Э.С. К вопросу об эволюции партийно-политической системы Коста-Рики // Латинская Америка – 2003. – № 7.
2. Лобато Бланко Л.А. Центральная Америка на перепутье: ретроспективный взгляд на социальные и политические конфликты // Латинская Америка – 2002. – № 2.
3. Никарагуа: сандинисты у власти. ИЛА РАН. – М., 2008
4. Ортега Даниэль: «Главное событие в Никарагуа и в мире — провал неолиберализма». Беседа с президентом Никарагуа // Латинская Америка. – 2009. – № 1.
5. Сапожников К.Н. Гондурас — невидимая страна // Латинская Америка. – 2008. – № 1
6. Слинько А.А. Политический экстремизм и террористическая война в панораме истории. – Воронеж: Научная книга, 2006.
7. Строганов А.М. Латинская Америка в XX веке. – М.: Дрофа, 2002.
8. Чумакова М.Л. Политические перемены в Гватемале // Латинская Америка. – 2008. – № 2
9. Чумакова М.Л. Сальвадор: на пороге перемен // Латинская Америка. – 2009. – № 5.
10. Чумакова М.Л. Эквадор: перемены на политической арене // Латинская Америка. – 2007. – № 2.

¹ См.: Никарагуа: сандинисты у власти. – М., 2008. – С. 11.

² Там же. – С.15.

³ Чумакова М.Л. Сальвадор: на пороге перемен / М.Л. Чумакова // Латинская Америка. – 2008. – № 5. – С. 41.

⁴ Чумакова М.Л. Политические перемены в Гватемале / М.Л. Чумакова // Латинская Америка. – 2008. – С. 9 – 10.

NA PAZ, O PROGRESSO... NA GUERRA, A VITÓRIA:

бразильские военные *lieux de memoire* в контексте развития политического национализма

Современные гуманитарные исследования развиваются в условиях существования фрагментированного интеллектуального пространства. Исследователи, занимающиеся изучением национальных историй, литературы и культурных традиций вольны самостоятельно выбирать методологические принципы в соответствии, с которыми выстраивать свои исследования. С другой стороны, современная версия гуманитарного знания характеризуется междисциплинарным характером¹. Одна из крупнейших российских специалистов по методологии гуманитарных наук Л. Репина подчеркивает, что само понятие «междисциплинарность» во второй половине XX столетия «не раз меняло свое содержательное наполнение»². С другой стороны, именно междисциплинарность, по мнению Л.С. Репиной, является «неотъемлемой характеристикой состояния социо-гуманитарного знания»³.

Принципы междисциплинарности утвердились в таких направлениях как исследования национализма и идентичностей, интеллектуальная история, культурные исследования. Методологические принципы конструктивизма, постмодернизма, структурализма, постколониального анализа в одинаковой степени находят свое применение в изучении политической, социальной, культурной и экономической истории. В рамках западного гуманитарного исследовательского дискурса в условиях доминирования принципов междисциплинарного синтеза не существует истории, экономики или литературоведения в чистом виде. Научная автаркия в современном интеллектуальном сообществе, в том числе – и среди западных латиноамериканистов, превратилась в анахронизм.

Российские латиноамериканские исследования развиваются в соответствии не с мировыми магистральными закономерностями. Провинциализации российской латиноамериканистики способствует ряд факторов, а именно – нормативный характер большинства исследований, посвященным латиноамериканским сюжетам⁴; публикации преимущественно на русском языке, что автоматически

делает российские публикации закрытыми и недоступными для мирового научного сообщества; доминирование старых традиционных норм проведения изолированного исследования, что является наследием от советской эпохи, которая характеризуется искусственным разделением гуманитарных наук; искусственно выстроенная специализация, способствующая росту числа описательных и нормативных работ, что ведет к неоявлению междисциплинарных исследований.

Большинство российских публикаций, посвященных латиноамериканским сюжетам, характеризуется именно этими особенностями, что вовсе не означает отсутствия новых оригинальных работ⁵, авторы которых предпринимают попытку преодолеть постсоветскую методологическую замкнутость⁶. Настоящая статья позиционируется автором как продолжение более ранних работ⁷, а также как попытка ослабления и расшатывания существующего исследовательского инструментария, принимаемого консервативным большинством научного сообщества.

В центре авторского внимания в данной статье – тема фактически неисследованная в российской латиноамериканистике, а именно – бразильская военная песня⁸ как участок коллективной памяти, форма функционирования националистического дискурса и уникальный идентичностный проект. Представляется, что настоящая тема является актуальной в контексте полного отсутствия на русском языке исследований, посвященных вопросам связи культурного (музыкального) и националистического дискурсов. Музыка, музыкальная культура самым тесным образом связаны с национализмом. Среди форматоров национализма было немало композиторов, которые наряду с другими интеллектуалами, прилагали немалые усилия, направленные на институционализацию новых наций⁹. Не являются исключением и Латинская Америка¹⁰, где развитие музыкальной культуры шло рука об руку с развитием и укреплением национального чувства и политического, гражданского национализма.

Несмотря на то, что Бразилия не принимала столь активного участия в войнах как европейские государства, оставаясь «в тени других войн» («No ocaso de outras guerras») и сохраняя свой идиллический статус страны «зеленых полей и широких земель» («Verdes campos, vastas terras»¹¹), для текстов значительной части военных бразильских песен характерен политический или гражданский национализм. Образами, в рамках которых этот национализм проявляется в синтетическом виде являются образы «Pátria» и «Terra», которые являются символическими основаниями Бразилии, ради которой герои военных песен классического периода готовы «Vivemos, Morremos, Para o Brasil nos consagrar!»¹².

Их современные наследники не менее решительны. В этом контексте показательна одна из песен парашютных (десантных) войск современной Бразилии, в которой бразильцы предстают как патриоты, не забывающие о далекой Родине («Vai a sentinela da Pátria distante»), как верующие католики («Vai ele planando no templo de Deus») и как последовательные националисты, готовые ради Бразилии пожертвовать собой («Lutar em defesa do nosso Brasil»¹³). Военная лирика является отражением той сложной социальной системы культурных ролей, которая сложилась в рамках бразильского общества. Подобный феномен известен как «перформативность»¹⁴. Для военной бразильской лирики характерен мощный гражданский контент, связанный с формированием бразильцев как нации граждан («Por amor a essa Nação // Homens e mulheres do Brasil»¹⁵), объединенных политической идентичностью, основанной не вере и любви к Бразилии.

В «Canção do Exército» декларируется, что «Nós somos da Pátria a guarda // Fiéis soldados // Por ela amados» и «Quando altiva for a Terra // Rebrilha a glória // Fulge a vitória»¹⁶. Анализируя феномен военной песни, во внимание следует принимать и то, что сам акт исполнения имеет символически важное значение. Исполнение военной песни представляет в этом контексте акт воспроизводства коллективной идентичности, в рамках которой реализуется набор ролей, связанных с актуализацией самого факта принадлежности к бразильской политической нации. «Родина» и «земля» традиционно являются мощными мобилизующими стимулами для политических националистов. Военная лирика нередко способствовала формированию в значительной степени идиллического образа руральной, аграрной, патриархальной и традиционной Бразилии: «Você sabe de onde eu venho? // Venho do morro, do Engenho // Das selvas, dos cafezais // Da boa terra do coco // Da choupana onde um é pouco // Dois é bom, três é demais // Venho das praias sedosas // Das montanhas alterosas // Dos pampas, do seringal // Das margens crespas dos rios // Dos verdes mares bravios // Da minha terra natal»¹⁷.

С другой стороны, в военных песнях мы обнаруживаем и противоположный образ Бразилии – страны, не забывающей о национальных «традициях нашей земли» («a tradição de nossa terra»¹⁸), но страны будущего, динамично развивающегося государства: «Que em nossa Pátria temos // Valor imenso // No intenso // Da luta»¹⁹. В этом контексте военная песня предстает не просто как музыкальное произведение, но и как аудиовоспроизводимое и транслируемое место социальной и исторической памяти общества²⁰. В ряде текстов доминирует наступательный, экспансионистский нарратив, в рамках которого формируется образ Бразилии как страны-гиганта, созданной специально «для мира и прогресса» («Na paz, o progresso //

Na guerra, a vitória // Construir a grandeza // Lutar pela glória... Com esforço de gigante // Seguiremos sempre avante»²¹), страны с развитым империалистическим чувством, основанном не на идее политического превосходства, но на осознании необходимости экономической и технической модернизации.

В рамках песенного дискурса формируется специфический и технологически детерминированный образ бразильца как «комбатанта технологий» («Combatentes da tecnologia»²²). Технократический контент в наибольшей степени характерен для одной из песен Института военной инженерии, в рамках которой акцентируется внимание не только на причастности Бразилии к техническому прогрессу («Instituto Militar de Engenharia // Estandarte cultural de nossa Pátria // Tua missão é servir este ilustre país // Primando sempre tua raiz»), но и на светском («Teu ensino se faz cultivar // És primaz, tradição secular»²³) характере бразильской государственности. С этим образом Бразилии соотносится текст одной из песен инженерных войск, где бразилец предстает в роли «храброго пионера», действующего во имя процветания и укрепления Бразилии. Инженерные войска позиционируются как носители технического прогресса («E é esteio, do Brasil, a Engenharia»²⁴), способные обеспечить рывок Бразилии в будущее. Образ Бразилии как Родины предстает в системе своеобразных символических и астрономических координат.

Бразилия, «страна Южного Креста» предстает как страна, живущая под звездой. Образ «estrela» характерен для целого ряда военных песен, фигурируя в различных контекстах, представляя образно связанным с военными успехами Бразилии («Cavalaria, Cavalaria, Tu és na guerra a nossa estrela guia»²⁵), с бразильским флагом («Do azul mais cheio de luz // Cheio de estrelas prateadas»²⁶), мощью динамично развивающейся Бразилии («Arma ligeira que transpõe os montes // Caudais profundos, com ardor e glória // Estrela guia em negros horizontes // Pelo caminho da luta e da vitória»²⁷). В бразильской военной лирике флаг символизирует единство бразильской нации как нации граждан («Bandeira idolatrada // Altiva a tremular // Onde a liberdade // É mais uma estrela // A brilhar»), способных встать на защиту («Pelo inimigo, na paz ou na guerra // Defende a terra // Contra o perigo // Com ânimo forte se for preciso // Enfrento a morte»²⁸) своего политического Отечества.

С символически значимым образом «звезды» в бразильском националистическом дискурсе соотносится и концепт флага, символизирующий преданность бразильцев Родине и готовность националистического жертвования: «Abraçado ao canhão morre o artilheiro // Em defesa da pátria e da Bandeira»²⁹. В этом контексте военные песни были важной сферой приложения националистического воображения и конструирования идеального образа политиче-

ской Родины для бразильской политической нации. С другой стороны, песня могла играть роль актуализации исторической памяти. Именно поэтому в текстах военных песен могли присутствовать географически-литературные образы, которые имели принципиально важное значение для становления и развития бразильской идентичности. Среди этих образов-символов – Ирасема («Braços fortes de Moema // Lábios de mel de Iracema»³⁰), образ отсылающий как к индейскому романтизируемому и идеализируемому прошлому, так и традициям бразильской высокой культуры, связанной с творчеством Жозе де Аленкара.

Кроме этого их наличие в текстах подчеркивало континуитет в развитии бразильского национализма, преемственность между его романтическими и более поздними трендами. Доминирование именно гражданских трендов в военной музыкальной традиции связано не только со значительным уровнем развития политической идентичности, но и с высокой степенью консолидации бразильской нации, которая воспринималась именно как политическая. В подобном национализме роль центрального и наиболее важного политического символа играет воображаемое и / или реальное политическое отечество – национальное государство. Именно с этим фактором следует связывать то, что собственно бразильские нарративы играют в военной песенной традиции консолидирующую роль.

Подводя итоги настоящей статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Песня и военный марш представляли не только исключительно музыкальные произведения. Песня и марш принадлежат как к музыкальному, так и политическому дискурсам. Функция песни состояла в постоянном вспоминании, событийном, социально и культурно значимом воспроизводстве идентичности. Исполнение военной песни / военного марша было призвано не только воспроизводить идентичностный дискурс, но и актуализировать символическое значение песенного текста. В этом контексте военная песенная традиция обладает мощным потенциалом, который может быть использован в зависимости от ситуации для политической / военной / патриотической мобилизации, для консолидации общества в целом.

Подобная функция песни / марша свидетельствует о том, что она играет особую роль на макросоциальном уровне, является текстуализированным проявлением идентичности того или иной нации как воображаемого сообщества. С другой стороны, военная песня / военный марш относятся к числу факторов микроуровня, так как связаны с идентичностным субдискурсом бразильских вооруженных сил. Несмотря на то, что роль армии в политических процессах в Бразилии на протяжении XX века была несравнимо меньше, чем в других странах Латинской Америки, военные играли особую кон-

солидизирующую роль, оказывая определенное влияние на функционирование политического режима.

Военный переворот 1964 года не привел к попыткам ликвидации гражданской сферы в политическом пространстве Бразилии. Вооруженные Силы, наоборот, были в своей политике движимы логикой политического национализма, основанного на модернизации, в первую очередь – экономической сферы. Вероятно, именно с этим гражданским национализмом и следует связывать определенных технократический контент, присутствующий в некоторых военных песнях. Анализируя феномен бразильской военной песни, мы можем интерпретировать текст как участок исторической памяти, которая отражает противоречивый политический опыт, связанный с поиском наиболее оптимальной модели модернизации, социальной и культурной трансформации. Бразильские военные песни в подобной ситуации стали одной из форм функционирования бразильской политической нации, идеальное воображаемое отечество которой – Бразилия, наделенная различными политическими и национальными добродетелями, – была центральной темой целого комплекса текстов, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

¹ О феномене междисциплинарности см.: Могильницкий Б.Г. Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» / Б.Г. Могильницкий // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под. ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – М., 2005. – С. 14 – 42; Николаева Ю.И. Методологический синтез: «сверхзадача» будущего или реалия сегодняшнего дня? / Ю.И. Николаева // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под. ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – М., 2005. – С. 43 – 64.

² Репина Л.П. Междисциплинарная история: вчера, сегодня, завтра / Л.П. Репина // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого / ред. Л.П. Репина. – М., 2003. – С. 5.

³ Репина Л.П. Историческая наука и современное общество / Л.П. Репина // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. Сборник статей / ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 6.

⁴ О нормативной историографии в контексте развития российской латиноамериканистики см.: Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 11 – 21 // http://ejournals.pp.net.ua/ld/1/114_semenov_memoria.pdf

⁵ Российская латиноамериканистика чрезвычайно традиционна и консервативна. Некоторые работы представляют собой попытку расширить и / или пересмотреть утвердившийся исследовательский канон. Одним из немногочисленных исследований подобного плана следует признать монографию Б.Ф. Мартынова, опубликованную в 2008 году. См.: Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире / Б.Ф. Мартынов. – М.: «Наука», 2008. – 320 с.

⁶ Работ, в которых предпринимается попытка представить альтернативную латиноамериканистику, в России издается крайне мало. См.: Кирчанов М.В. *Ordem e Progresso*. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 205 с. // http://ejournals.pp.net.ua/ld/1/133_kyrchanoff_orde.pdf; Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação*. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2008. – 155 с.; Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009. – 163 с.; Кирчанов М.В. Руритания vs Мегаломания:

политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке (литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 179 с.

⁷ Подробнее см.: Кирчанов М.В. Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 39 – 53 // http://ejournals.pp.net.ua/ld/1/114_semenov_memoria.pdf; Кирчанов М.В. Паса, феминность, мускулинность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 59 – 67. // http://ejournals.pp.net.ua/ld/1/114_semenov_memoria.pdf; Кирчанов М.В. Католические тренды политического протеста и оппозиции авторитарному режиму в Бразилии (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х годов) / М.В. Кирчанов // Панорама 2008. Сборник научных материалов / под. общ. ред. А.А. Слинько, отв. ред. О.В. Шаталов. – Воронеж, 2009. – С. 134 – 144; Кирчанов М.В. Социокультурный (не)империализм в Бразильской Империи: проблемы культурной геополитики или геополитики культуры / М.В. Кирчанов // Многополярность современного мира в контексте политических изменений. Сборник статей по материалам международной научной конференции (Воронеж, 2008 г.) / общ. ред. А.А. Слинько, отв. ред. С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2009. – С. 27 – 35.

⁸ О музыке в контексте развития национализма и идентичности в Бразилии см.: Blin E. Brazilian music and social consciousness: from the plantation to tropicalia. A project submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Interdisciplinary Studies / E. Blin. – Boise State University, 2008; Enciclopédia da música brasileira: popular, erudita e folclórica / ed. M.A. Marcondes. – São Paulo, 1998; Vasco M. Vida Musical / M. Vasco. – Rio de Janeiro, 1997; Travassos E. Os mandarins milagrosos. Arte e etnografia em Mário de Andrade e Béla Bartók / E. Travassos. – Rio de Janeiro, 1997; Braga R. Batuque jêje-ijexá em Porto Alegre. A música no culto aos orixás / R. Braga. – Porto Alegre, 1998; Calado C. Tropicália. A historia de uma evolução musical / C. Calado. – São Paulo, 1997; Dreyfus D. Vida do viajante: A saga de Luiz Gonzaga / D. Dreyfus. – São Paulo, 1997.

⁹ О музыке как факторе развития национализма см.: Chernoff J.M. African Rhythm and African Sensibility, Aesthetics and Social Action in African Musical Idioms / J.M. Chernoff. – Chicago, 1979; Frolova-Walker M. Russian Music and Nationalism from Glinka to Stalin / M. Frolova-Walker. – New Haven, 2007; Jeffs N. Some People in This Town Don't Want to Die Like a Hero: Multiculturalism and the Alternative Music Scene in Sarajevo, 1992-1996 / N. Jeffs // Rock'n'Roll and Nationalism: A Multinational Perspective / eds. Mark Yoffe and Andrea Collins. – Cambridge, 2005. – P. 1 – 19; Kostelnik Br. The Decline and Fall of Rock 'n' Roll: Main Characteristics and Trends of Croatian Popular Music in the Second Half of the Nineteen-Nineties / Br. Kostelnik // Rock'n'Roll and Nationalism: A Multinational Perspective / eds. Mark Yoffe and Andrea Collins. – Cambridge, 2005. – P. 20 – 32; Simpson P. Retro-Nationalism? Rock Music in the Former German Democratic Republic (GDR) / P. Simpson // Rock'n'Roll and Nationalism: A Multinational Perspective / eds. Mark Yoffe and Andrea Collins. – Cambridge, 2005. – P. 54 – 81; Turino Th. Nationalists, Cosmopolitans and Popular Music in Zimbabwe / Th. Turino. – Chicago, 2000.

¹⁰ О музыке как факторе развития национализма в Латинской Америке см.: Aparicio F.R. Listening to Salsa: Gender, Latin Popular Music and Puerto Rican Cultures / F.R. Aparicio. – Hanover, 1998; Bigenho M. To Sell or Not to Sell the Pomade: Andean Music Boom Stories and Bolivian Nationalism / M. Bigenho // Diagonal: Journal of the Center for Iberian and Latin American Music. – 2009. – Vol. 2; Gleason D.G. La Parranda Puertorriquena: the music, symbolism, and cultural nationalism of Puerto Rico's Christmas serenading tradition. A thesis submitted for partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Music (Ethnomusicology) / D.G. Gleason. – Tufts University, 2003; Manuel P. Marxism, Nationalism and Popular Music in Revolutionary Cuba / P. Manuel // Popular Music. – 1987. – Vol. 6. – No 2. – P. 161 – 178.

¹¹ Canção do Quadro Complementar de Oficiais // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/qco.htm>

¹² Canção da Infantaria // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/infantar.htm>

¹³ Canção do Paraquedista // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/eternoh.htm>

¹⁴ О перформативистских версиях истории см.: Берк П. «Перформативный переворот» в современной историографии / П. Берк // Одиссей: человек в истории (2008. Script / Oralia. Взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время) / ред. А.О. Чубарьян. – М.,

2008. – С. 337 – 354. См. также: Burke P. Performing History: the Importance of Occasions / P. Burke // Rethinking History. – 2005. – Vol. 9. – No 1. – P. 35 – 52. Критика концепции представлена в одной из работ Е.Е. Савицкого. См.: Савицкий Е.Е. «Перформативный поворот» в историографии – другие версии / Е.Е. Савицкий // Одиссей: человек в истории (2008. Script / Oral. Взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время) / ред. А.О. Чубарьян. – М., 2008. – С. 355 – 366.

¹⁵ Canção do Quadro Complementar de Oficiais // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/qco.htm>

¹⁶ Canção do Exército // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/exercito.htm>

¹⁷ Canção do Expedicionário // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/expedici.htm>

¹⁸ Canção da Intendência // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/intenden.htm>

¹⁹ Canção da Infantaria // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/infantar.htm>

²⁰ В теоретическом плане о «местах памяти» см.: Румянцев М.Ф. «История как память»: после постмодерна / М.Ф. Румянцева // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. Сборник статей / ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 20 – 41.

²¹ Canção do Material Bélico // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/matbel.htm>

²² Canção do Quadro de Engenheiros Militares // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/qem.htm>

²³ Canção do Instituto Militar de Engenharia // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/ime.htm>

²⁴ Canção da Engenharia // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/engenharia.htm>

²⁵ Canção da Cavalaria // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/cavalari.htm>

²⁶ Canção do Expedicionário // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/expedici.htm>

²⁷ Canção da Cavalaria // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/cavalari.htm>

²⁸ Fibra de Herói // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/Fibraher.htm>

²⁹ Canção da Artilharia // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/artilhar.htm>

³⁰ Canção do Expedicionário // <http://www.exercito.gov.br/01inst/Hinoscan/expedici.htm>

НАРКОБИЗНЕС В КОЛУМБИИ:

проблемы и противоречия

В сознании многих людей, живущих в Европе, России и на других континентах, Колумбия ассоциируется не только с такими признанными богатствами, как кофе или изумруды, но и с товаром тайного производства и вывоза – наркотиками. Кроме того, Колумбия является мировым лидером по производству кокаина, также значительное количество героина и марихуаны поставляет на мировой рынок.

Наркобизнес «вписался» в политическую и экономическую жизнь Колумбии, что искоренить его практически невозможно. Наркодоллары и наркоэкономика, наркополитика и нарковойна, наркокоррупция и наркоюстиция – «все эти клише прочно закрепились в политическом лексиконе Колумбии, отражая те драматические изменения, которые произошли с превращением Колумбии в неоспоримого лидера по масштабам культивации наркосодержащих культур и, прежде всего, коки»¹.

«Власти Колумбии столкнулись с возросшим финансовым и экономическим влиянием наркокартелей Медельина, Кали и Норте, бросивших беспрецедентный вызов государству. Наркобароны, ставшие собственниками различных предприятий и держателями акций крупных компаний путём подкупа государственных чиновников и парламентариев, создали свою клиентелу во всех ветвях власти». Силовые структуры государства, которые призваны² бороться с незаконным оборотом наркотиков, были также подвержены коррупции, что сказалось на эффективности проведения антинаркотических операций армии и полиции.

В настоящее время прямо или косвенно в Колумбии связано с доходами от продаж наркотиков около полутора миллиона человек, это приблизительно 5% всего населения страны. Ежегодно в Колумбию поступают миллиарды наркодолларов. Эти поступления можно сравнить только с доходами от экспорта Колумбии золота и кофе.

В целом, по данным национального Комитета по борьбе с наркотиками, до 80% колумбийских предприятий прямым или косвенным путём были связаны с отмыванием наркодолларов. Также к наркобизнесу, как к отрасли экономики, хотя и незаконной, применяет-

ся главный закон рыночной экономики – **спрос рождает предложение.**

Колумбийцы прилагают немалые усилия для борьбы с наркобизнесом, но решить данную проблему не удаётся. Это напоминает борьбу со сказочным драконом, когда отрубая голову, а она снова начинает расти. Классическая политика Колумбии была направлена на поимку лидеров наркомафии. Но необходимо заметить, что на сегодняшний момент организация наркобизнеса характеризуется децентрализованной структурой. Не существует сейчас такого картеля, который контролировался бы одним наркобароном. Лидера заметно помельчали. И одной из главных задач, которую себе поставило правительство Колумбии, является преследование наркодельцов второго плана.

На помощь Колумбии пришли и Соединенные Штаты. Для борьбы с наркокартелями в Латинской Америке было создано «главное оружие – антинаркотическая служба DEA

(Drug Enforcement Administration). Она щедро финансируется (официальный бюджет – 2,5 миллиардов долларов), обладает многочисленным кадровым аппаратом (около 6-7 тысяч специальных агентов), сотнями самолётами»³ и т.д. При президентстве Дж. Буша-мл. нередко прослеживались и скрытые интересы этой службы: «перехват финансовых потоков наркобизнеса и ликвидация нежелательных конкурентов, постоянно возникающих на необъятных просторах столь рентабельного бизнеса. Свои удары DEA до сих пор направляла, прежде всего, на те организации наркомафии, которые враждебны её интересам»⁴.

Результаты оказались плачевными. «План Колумбия» (широкомасштабная программа по борьбе с наркобизнесом) просто-напросто провалился. Вообще, начиная с 1999 года, конгрессом США на этот план было выделено около 6 миллиардов долларов. Результаты себя не оправдали. По некоторым аналитическим документам, В Колумбии за 2008-2009 гг. было произведено кокаина около 600 тонн. Хотя необходимо было по «Плану» сократить производство кокаина до 300 тонн. Также в 2008 году в Колумбии наркобизнес расширил свои посевы кустарника коки на 26% и увеличил производство кокаина в своих секретных лабораториях на 16%.

«Провал «Плана Колумбия» самым негативным образом сказался на общей ситуации противодействия переброске галлюциногенов из Латинской Америки в США и Европу. Сомнительные успехи DEA в борьбе с наркобизнесом были восприняты организованными преступными группировками в регионе как своего рода карт-бланш на активизацию: формирование ухищрённых каналов для поставок «наркотовара», завоевание новых рынков и дальнейшее расширение армии потребителей»⁵.

Борьба с наркобизнесом в Колумбии продолжается. Но это проблема не только Колумбии, но и всего мирового сообщества. Наркобизнес приобрёл глобальный характер, и его можно сравнить с международным терроризмом. Бороться с этой проблемой необходимо сообща, чему бы способствовало бы созданию единого антинаркотического центра.

¹ Чумакова М.Л. Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора, поиски мира / М.Л. Чумакова. – М., 2002. – С.79

² Там же. – С.80.

³ США проиграли войну с наркокартелями Латинской Америки // <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/32647/>

⁴ <http://www.tiwy.com>

⁵ Там же

НАЧАЛО НОВОЙ ЭРЫ:

стратегическое партнерство Бразилии и ЕС*

Сегодня мы здесь собрались для того, чтобы заложить основы новой эры отношений между Бразилией и Европейским Союзом. Мы строим стратегическое партнёрство, мы переводим наши отношения на высоту наших возможностей, и мы проектируем общее мнение в мире, который меняется. Бразильский президент Лула де Сильва не оставляет сомнения, что его страна возлагает большие надежды на "стратегическое партнерство" с ЕС, которое в начале португальского Совета президентов 4 июля в Лиссабоне было основано. Для Бразилии это дальнейший шаг к признанию как глобального игрока в международной системе. С известным неприятным чувством правительство Лулы в последнее годы наблюдало, что наряду с США, Канадой и Россией, а также Китаем, Индией и Южной Африкой уже была получена печать "стратегического партнёра". Приём Совета президентов Португалии облегчало и ускоряло повышение статуса Бразилии.

Европа - важнейший торговый партнёр Бразилии. 22% экспорта идёт в ЕС" в прошлом году увеличился объём торговли на 50 млрд. долларов. Во многих областях существует уже тесное сотрудничество. Стратегическое партнёрство должно стать поводом для развития двусторонних отношений. Темы энергии, прежде всего, биоэтанола, экономики и технологий, окружающей среды и регионального развития для сторон имеют огромный интерес. С другой стороны, новое партнёрство должно служить платформой для дискуссии и согласования по важным глобальным вопросам. Торговля, изменение климата, энергетическая безопасность - это темы, которые не могут обсуждаться не без участия основных развивающихся стран. В Лиссабоне было решено, что через регулярные совещания высокопоставленных представителей и коллективных рабочих групп достичь прогресса сотрудничества в таких глобальных темах. Тот факт, что соглашение с Бразилией не только по глобальным вопросам, наконец-то имеется и в разных случаях: Комиссар ЕС по торговле Питер Мандельсон сделал Бразилию ответственной

* Перевод с немецкого Е.С. Ваграсовой. Печатается по: Der Beginn einer neuen Ära? Die strategische Partnerschaft zwischen Brasilien und der Europäische Union ist mit großen Hoffnungen verbunden, wird aber in Lateinamerika keineswegs einhellig begrüßt // Tópicos. – 2007. – No 3. – P. 32 – 33.

за провал Потсдамских переговоров в июне в завершении переговоров в Дохе Всемирной торговой организации (ВТО), правительство Лулы упорно отвергает, брать на себя обязательство сократить выбросы CO₂, и быстрая аренда двух боксёров в Кубу, которые пан-американские игры в Рио- де- Жанейро использовали как попытку выезда, в Европе это вызвало громкую критику по меньшей мере к некорректному обращению по темам демократии и прав человека в международных отношениях.

С другой стороны, стратегическое партнёрство также для Бразилии не гарантия для быстрых уступок или конкретной выгоды со стороны европейцев. 5 июля в Брюсселе президент Бразилии говорил о любимой теме, преимущества биотоплива по отношению к невозобновляемым источникам энергии. Европейцы на самом деле имеют к этому огромный интерес. Но о быстром снижении торговых барьеров в этой области они до сих пор не договорились.

Для внешней политики Бразилии, которая проявляла в прошедшие годы много инициативы, но в средствах массовой информации страны и от некоторых дипломатов из недостаточных конкретных событий и успеха критиковалась, стратегическое партнёрство с ЕС является важным сигналом в качестве доказательства признания растущего международного значения страны. В то же время подтверждается тенденция переоценки внешних связей к "Северу". В свои первые годы правительство Лулы под сильным идеологическим знаком проводило новую "Юг-Юг" политику. Создание в Южной Америке сообщества наций, провал торговых переговоров об американском соглашении свободной торговли с Южной Африкой и Индией (ИБСА), сближение с Китаем и Россией, организация G-20 группы представления интересов развивающихся стран в рамках ВТО, проведение встречи на высшем уровне Южной Америки с Арабской Лигой - всё это были новые инициативы, которые в конечном счёте не принесли существенного прогресса в достижении бразильских интересов: региональное лидерство в Южной Америке не было признано соседями, и с Уго Чавесом вырос конкурент, который недооценивался, бирегionalные торговые переговоры с ЕС и в рамках многосторонних отношений с ВТО остаются в состоянии застоя, география торговли страны изменялась с новым значением Китая, место в Совете Безопасности не было достигнуто, отношения с США и ЕС оставались в состоянии застоя. С началом второго срока Лула появится новое место прагматизму. Соглашение об этаноле с США весной 2007 стало первым сигналом. Стратегическое партнёрство с ЕС - это дальнейший шаг в этом направлении. Это не означает, что "Юг-Юг" отношения были отложены. Но, очевидно, добиваются сбалансированной формы внешних связей.

Стратегические партнёрские связи могут служить в качестве доказательства для нового европейского интереса в углублении диалога с Латинской Америкой, но в регионе это единодушно не приветствуется. Аргентина и Мексика (постоянные соперники) во все не были воодушевлены предпочтительным отношением Бразилии к ЕС, если речь идёт о представлении Латинской Америки на международной арене. Наоборот. В Аргентине вызвали опасения также переговоры между ЕС и МЕРКОСУР о Соглашении об Ассоциации, что Бразилия пытается одна их продолжить и завершить. Это беспокойство должны Бразилия и ЕС устранить. Если это европейцам удастся, ясно станет, что их новое партнёрство с Бразилией соответствует твёрдой цели, Латинская Америка вовлечётся сильнее в международный диалог, и в таком случае она заслужила на самом деле определение "стратегический".

ЛЕВЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Иммануил Валлерстайн

ЛЕВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ*

Пожалуй, уже ни у кого сегодня не возникает сомнения в том, что за последнее десятилетие в Латинской Америке произошел, так называемый, «левый поворот». В таком случае остается лишь понять, что именно этот поворот собой представляет.

Если мы посмотрим на результаты выборов в странах Латинской Америки начиная с 2000 года, то увидим, что в большинстве стран победу одержали партии левого толка, речь идет о Бразилии, Уругвае, Аргентине, Чили, Эквадоре, Венесуэле, Никарагуа и Парагвае, который совсем недавно присоединился к их числу. Тем не менее, несмотря на характерную для всех вышеперечисленных государств левую ориентацию, спектр политических режимов в них варьируется от левоцентристских до революционных крайне левых. Исключением является лишь небольшая группа стран, в частности, Колумбия, Перу и Мексика, хотя, что касается Мексики, то победа консерваторов на последних выборах была достигнута при том же уровне законности, что и победа Буша на президентских выборах 2000 года. Но на самом деле вопрос не в том, полевела ли Латинская Америка, а в том, насколько она полевела.

Мне представляется возможным привести как минимум четыре аргумента в пользу того, что в Латинской Америке произошел «левый поворот». Во-первых, все упомянутые страны в той или иной степени дистанцировались от США. Администрацию Буша несколько не огорчила победа их политических соперников в Латинской Америке, скорее даже наоборот. Тогда как, в прошлом стоило в какой-либо латиноамериканской стране установиться недружественному США режиму, как Вашингтон сразу же начинал

* Wallerstein I. How Far Left Has Latin America Moved? / I. Wallerstein // <http://www.iwallerstein.com/How%20Far%20Left%20Has%20Latin%20America%20Moved/> Публикуется с разрешения <http://www.iwallerstein.com/> Перевод с английского И.О. Сухомлинова.

кампанию по свержению новоиспеченного лидера и изменению государственного строя. Однако потеря определенной доли политического влияния США в мире, сопровождающаяся нарастающей озабоченностью по поводу военных действий на Ближнем Востоке, где события в последнее время развиваются не в их пользу, похоже, лишила США тех рычагов давления, которые они когда-то использовали в отношении Латинской Америки. Провал попытки свержения режима Чавеса в 2002 году тому прямое подтверждение.

Так каким же образом правительства этих латиноамериканских стран освободились из под влияния Вашингтона? Произошло это в результате целого ряда событий. В 2003 году США не смогли добиться поддержки двух латиноамериканских государств в рамках Совета Безопасности (на тот момент Латинская Америка была представлена Чили и Мексикой) по вопросам резолюции, легитимизирующей вторжение американских войск в Ирак. Во время последних выборов Генерального Секретаря Организации Американских Государств (ОАГ), впервые в истории организации поддерживаемый Вашингтоном кандидат потерпел поражение. Когда же в этом году у Колумбии, одного из немногих наиболее верных союзников США в Латинской Америке, возникли серьезные разногласия с Эквадором и Венесуэлой, вся Латинская Америка оказалась солидарна с именно двумя последними государствами. В настоящее время Эквадор отказывается пролонгировать договор о размещении американской военной базы на своей территории.

Во-вторых, непосредственной причиной «левого поворота» в Латинской Америке стал повсеместный рост активности политических движений коренного населения, в первую очередь в Мексике, Боливии и Центральной Америке. Коренное население латиноамериканских стран многие годы являлось одним из наиболее притесняемых слоев населения и, естественно, никаким образом не участвовало в политической жизни своих государств. Но сегодня президент Боливии является представителем именно коренного населения, что в очередной раз доказывает, что в Латинской Америке произошла настоящая социальная революция. Укрепление позиций этих движений в странах Центральной Америки стало их весьма отчетливой и устойчивой внутривнутриполитической тенденцией.

В-третьих, необходимо отметить возрождение теологии освобождения в Латинской Америке. Три последних понтификата были отмечены яркой борьбой Ватикана с распространением подобных идей в обществе, по сути, столь же яркой, что и борьба Вашингтона с правительствами левого толка в 50-60-е годы XX века. Сторонники теологии освобождения не имели никакой возможности свободно пропагандировать свои идеи, а симпатизирующие им священнослужители смещались, уступая свои посты ставленникам Ватикана.

Тем не менее, большое влияние теология освобождения оказала на католические движения в Бразилии, где они в значительной степени процветали. Президенты Эквадора и Парагвая оказались выходцами именно из этой среды. Учитывая, нарастающую активность протестантских евангелических групп в Латинской Америке, Ватикан, выбрав из двух зол меньшее, в конце концов, несколько ослабил давление на теологов.

И наконец, в-четвертых, нельзя не отметить тот факт, что Бразилия всеми силами пытается стать лидером региона Южной Америки. Само по себе это конечно не означает поворот Латинской Америки влево, но в контексте процессов формирования многополярной системы возникновение таких полюсов снижает политическое влияние не только США, но в целом стран глобального севера, в рамках оси Север-Юг. Активная деятельность Бразилии в работе группы стран G-20, по большому счету, лишила ВТО возможности проводить политику в неолиберальном русле.

Так что же в конечном счете все это значит? – Сразу скажем, что речь не идет о революции как таковой (в традиционном понимании этого процесса). А значит это лишь то, что политический центр тяжести в Латинской Америке сместился влево, вернувшись в положение десятилетней давности, при этом в целом нельзя не отметить, что эти события произошли не метафизически, но в силу глобальных тенденций. Я имею ввиду «левый поворот», произошедший в странах Ближнего Востока и Восточной Азии. Более того, настоящие тенденции наблюдаются даже в США. А принимая во внимания тот факт, что последствия мирового экономического кризиса в скором будущем окажутся еще более удручающими, «левый поворот» станет вполне возможным и в США.

В такой ситуации возникает логичный вопрос: что будут делать «правые»? Ответ так же вполне логичен: «правые», несомненно, окажут сопротивление, и тому есть ряд подтверждений. В Латинской Америке таким примером являются сепаратистские настроения в более богатых восточных регионах Боливии, где белокожее меньшинство не может ужиться с коренным боливийским населением, наконец-таки взявшим власть в государстве в свои руки. В силу всего вышесказанного становится очевидным, что Латинская Америка – в настоящее время один из самых политически нестабильных регионов в мире. И все же «левые силы» здесь как никогда мобилизованы и имеют сегодня все возможности для того, чтобы сформировать политический облик региона.

КРИЗИС «НОВЫХ ЛЕВЫХ» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: падение свободного рынка*

Латинская Америка движется к эпохе глубокого экономического спада, финансового кризиса, коллапса фондовых рынков, девальвации национальных валют, росту безработицы, падению прибылей, что чревато перспективой длительной социально-экономической рецессии. Экономический кризис развивается на наших глазах. Именно этот кризис оказывает значительное влияние на весь политический спектр региона, начиная с довольно-таки правого режима Урибе в Колумбии, социально-либеральных чилийских и бразильских правительств М. Бачелет и Лулы да Сильвы, заканчивая «левоцентристскими» режимами Эво Моралеса в Боливии и Рафаэля Корреа в Эквадоре. Кризис не пощадил даже левое правительство Уго Чавеса.

Не должно вызывать удивления то, что и правые режимы, которые в свое время провозгласили неолиберальный курс и оказались в состоянии зависимости от соглашений о свободной торговле с США, используют те же самые стратегии на своем пути к экономическому краху. Но кризис, который отличается тенденцией к постепенному углублению, влияет с такой же, если даже не большей силой, и на те режимы, которые условно можно называть «левоцентристскими». Речь идет о режимах Бразилии, Эквадора, Аргентины, Боливии и Никарагуа.

Коллапс латиноамериканских экономик ставит вопросы, которые не только имеют принципиальное значение, но и пересекаются с утверждениями о независимости, реформах и пост-либеральной модели, которые в последние годы были сделаны многими лидерами государств, идеологами и прогрессивными западными публицистами, пишущими о Латинской Америке.

Коллапс того, что некоторые исследователи определяют как латиноамериканский «розовый пояс», а другие, более смелые публицисты, описывали в категориях «революционных режимов» (хотя аналитики, склонные к большей научности, ввели понятие «пост-

* Сокращенный перевод с английского М.В. Кирчанова. Petras J. Latin America's "New Left" In Crisis: As the "Free Market" Collapses / J. Petras // http://axisoflogic.com/artman/publish/article_28610.shtml

неолиберальной демократии»), заставляет поставить серьезные вопросы о жизнеспособности новой динамической «неортодоксальной» модели развития, которая развивалась бы без контроля со стороны США.

Экономические кризисы, начавшиеся одновременно в Латинской Америке, США и Европе ставят под сомнение степень структурных изменений, произведенных по инициативе левоцентристских латиноамериканских режимов. Если говорить конкретнее, то необходимо внимательно анализировать континуитет между финансовыми системами, торговыми нормами, производственными структурами и политикой свободной торговли новых режимов и их неолиберальных предшественников. Все декларации о «новизне» и «разрыве с прошлым», сделанные левоцентристскими политиками, на проверку оказываются лишенными оснований.

Столкнувшись с угрозой падения левоцентристской экономической модели, ее идеологи колеблются между молчанием и отказом объяснений и простым возложением всей «ответственности» на «капитализм казино», главным проводником которого объявляются США. Последнее обвинение придает особую актуальность вопросу о внутренней политике левоцентристских режимов, которые открыли свои экономики, что, в свою очередь, сделало более уязвимыми и зависимыми от спекуляций на Уолл-стрит. Вплоть до недавнего кризиса защитники «левоцентризма» почти ничего не говорили о связях с Уолл-стрит, предпочитая заниматься восхвалением высоких темпов экономического роста, кои ставились ими в заслугу «новой неортодоксальной модели».

Попытка избежать обсуждения острых проблем и склонность к обвинению внешних сил стали теми методами, которые отказались взяты на вооружение идеологами «новых латиноамериканских левых». Именно это и отражает фундаментальное непонимание ими того, что в действительности происходит в их странах. Они предпочли заменить серьезный, но сложный, анализ политического и структурного континуитета режимов эмоциональной риторикой, которая затрагивала символические перемены, перемежавшиеся со «званными ужинами» президентов-«левоцентристов». Первым шагом на пути к осознанию и пониманию современного кризиса, который влечет за собой экономические проблемы трудящихся, должно стать отделение реальности от иллюзий.

Несмотря на значительные существующие отличия на уровне социальных структур, экономическое развитие и степень богатства «левоцентристских» режимов, их публицисты, защитники и сторонники заявляют о разрыве с неолиберализмом и переходе к абсолютно новой социо-экономической модели, к неортодоксальной экономической стратегии, которая соединила бы «рынок» и «госу-

дарство» на пути к тому, что некоторые определяют как «Социализм XXI столетия».

«Новизна» подхода левоцентристов определяется двенадцатью пунктами «трансформации». В отличие от неолиберальных режимов, левоцентристские режимы:

- воспринимают социально ответственную экономическую модель, что способствует «привлечению масс», мультикультурализму и социальной справедливости.
- провозглашают кончину «неолиберального свободного рынка», на смену которому должна прийти «государственно-рыночная модель».
- инициируют процесс «социальной трансформации» (Аргентина), «демократической и культурной революции» (Боливия), «социализма XXI столетия» (Эквадор), а также процесс долговременного роста, основанного на финансовой ответственности и социальной справедливости (Бразилия).
- провозглашают конец дискриминации и эксплуатации коренного населения (Бразилия и Эквадор) и увеличивают власть индейских сообществ (Боливия).
- ослабляют зависимость от западных рынков и прекращают господство Уолл-стрит путем укрепления региональной интеграции.
- развивают региональные экономические и политические организации, которые составляют каркас новой экономической архитектуры региона.
- поддерживают новый тип демократии участия, в рамках которой народные массы имеют больше возможности прямого воздействия на формирующиеся политики правительств.
- развивают процесс диверсификации рынков, что проявляется в росте связей с Азией (с Китаем), Европой и Ближним Востоком. Этот процесс основан на большей экономической независимости, которая проявляется в отдалении от экономики США и в прекращении американской «гегемонии».
- используют огромные резервы стабильной валюты (десятки миллиардов), за счет экспорта аграрных и минеральных продуктов, способствуя появлению механизма долговременной защиты от последующих экономических спадов.
- создают значительный профицит национального бюджета путем усиления фискальной дисциплины и отказа от «популистских» расходов на крупные проекты в социальной и инфраструктурной сферах.
- проводят политику, содействующую большему социальному равенству возможностей, налоговую политику в интересах рабочих, делают более доступными кредиты, увеличивают

потребительский импорт и расходы на продовольственную помощь пенсионерам, детям и беднякам.

- формируют общественно-частное партнерство между государством и иностранными ТНК, заменяя иностранное господство отношениями, основанными на принципах взаимной выгоды и росте доходов национальной экономики.

Согласно сторонникам левоцентристских режимов, «доказательством» присущего им прогрессивного, надежного и динамичного характера, стал период между 2005 и 2007 годами, когда высокий экономический рост, огромные доходы и торговые профициты сопровождались успехами на выборах.

Рассуждения апологетов и сторонников левоцентристских политических режимов базировались на совершенно ошибочных предпосылках, а также временном и поэтому изменчивом сочетании структурных отношений в сфере торговли, инвестиций и финансовых связей. Когда финансовый кризис и экономическая рецессия впервые ударили по экономикам США и Европе, первой реакцией латиноамериканских левоцентристов стало утверждение, что кризис не может повлиять на их экономики. Например, президент Бразилии Лула да Силва в начале и вовсе обвинял во всем американский «капитализм», утверждая, что бразильская экономика под его руководством остается здоровой и пребывающей под защитой огромных резервов, которые предохранят ее от возможных неприятностей.

С распространением финансового и экономического кризиса из Европы и США на Латинскую Америку, левоцентристские режимы и их интеллектуальные апологеты были вынуждены свою позицию пересмотреть. С одной стороны, они возложили вину и ответственность за кризис на финансовую систему США и, таким образом, уклонились от признания собственной структурной слабости проводимой экономической политики. С другой стороны, некоторые публицисты рассматривали новосозданные региональные организации как альтернативные источники выживания, средство создания механизмов, способных смягчить негативные последствия кризиса. Ни сами левоцентристские режимы, ни их интеллектуальные защитники и сторонники не продемонстрировали готовности к анализу структурной слабости и уязвимости своей социально-экономической стратегии, которой они оставались верны на протяжении всего последнего десятилетия. Они не были готовы признать, что их декларации об «изменениях», строительстве «социализма XXI столетия» были основаны исключительно на иллюзиях.

Перетекание кризиса из Европы и США на Латинскую Америку стало результатом преемственности неолиберальной политики; того, что у власти пребывали те же правящие классы, которые зани-

мались реализацией экономической стратегии, зависимой от внешних вливаний спекулятивного капитала, долгового финансирования и экспорта минеральных ресурсов и продуктов сельского хозяйства.

Несмотря на демагогию о «социализме XXI столетия» (в коей были замечены Уго Чавес в Венесуэле, Эво Моралес в Боливии, Рафаэль Корреа в Эквадоре и Даниэль Ортега в Никарагуа), «независимой модели» (Лула да Силва в Бразилии) и «социал-либеральной модели» (М. Бачелет в Чили, Васкес в Уругвае), все вышеупомянутые режимы не были не только в состоянии изменить, но даже укрепили принципиально и структурно важные черты неолиберальной модели. Они остались очень зависимыми от глобального рынка: они даже усилили его наихудшие черты, сделав акцент на экспорте сырьевых ресурсов, что было вызвано стремлением получить наибольшую выгоду из временного роста цен. В результате они стали еще более уязвимыми для внешних потрясений.

По мере постепенного углубления мировой рецессии в 2008 году, падение спроса положило конец торговым сверхдоходам, что спровоцировало резкое снижение роли всех связанных с ними экономических факторов: произошло резкое сокращение резервов иностранной валюты, доходов правительства от экспорта, национальная валюта была девальвирована, что было вызвано попытками иностранных и национальных инвесторов найти спасение путем использования более надежных финансовых инструментов.

Левоцентристские режимы основывали свои стратегии развития на партнерстве между национальным классом капиталистов, государством и иностранными инвесторами, что в корне не соотносится с национально-популистскими идеями левых центристов, заимствованными у западных интеллектуалов. В самом начале финансового кризиса иностранный капитал начал «убегать» во все стороны, обвалив тем самым торговые площадки Бразилии и Аргентины на 50 %, что вылилось в фактическую девальвацию национальных валют, от которых местные банки и инвесторы начали молниеносно избавляться, переводя свои активы в доллары, евро и иены. С приходом рецессии в экономиках ЕС и США, национальные капиталисты и финансовые элиты лево-центристских режимов начали сокращать инвестиции в сектор реального производства, что предусматривало резкое падение спроса на сырье, которое ранее экспортировалось ими. Это привело к «эффекту домино» в промышленности и сфере услуг.

Левоцентристские режимы получили «двойной удар» от финансового шока и от спада мировой экономики. Это стало прямым результатом односторонней экспортно-ориентированной политики, проводимой их лидерами, которые только на словах развивали «региональную интеграции», даже создавая административную струк-

туру, но инвестируя при этом незначительные ресурсы в данный проект. Регионалистская риторика меркла и блекла перед беспре-
станной и постепенно растущей «интеграцией» в мировой рынок,
который и оказался главным мотором роста. Принимая во внимание
значительную степень своего участия в «ресурсном буме»,
левоцентристские режимы стремились в максимальной степени
использовать возможности проникновения на внешние рынки, но
после кризиса даже региональная интеграционная модель (Мерко-
сур) столкнулась с трудностями, а Аргентина и вовсе оказалась вы-
нужденной вернуться к протекционизму.

Временные торговые и бюджетные профициты были направле-
ны на углубление экспансии сырьевого сектора, увеличение дохо-
дов агро-минеральных элит и стимулирование вливаний со стороны
инвесторов-спекулянтов.

Характер развития, предложенного в рамках левоцентристских
режимов, оказался реакционным и ретроградским, что проявилось в
поддержании экспортноориентированной экономики, но именно он
не принимался во внимание западными интеллектуалами, которые
преувеличивали второстепенные «популистские» мероприятия, а
именно: ежемесячные продовольственные пособия Лулы да Силвы
в размере 30 долларов США для бедных семей; активная борьба
Киришнера за права человека и выплаты по безработице, которые
составляли около 50 долларов на одного безработного; совместные
проекты Эво Моралеса с нефтегазовыми ТНК (которые были оши-
бочно названы «национализацией») и многочисленные декларации
Рафаэля Корреа о «социализме XXI столетия».

Идеологи подобных режимов не смогли осознать того факта,
что все эти фактически маргинальные увеличения социальных рас-
ходов имели место в рамках социально-экономической и политиче-
ской структуры, которая сохранила все основные черты неолибе-
ральной экономической модели. С коллапсом сырьевых рынков за
рубежом начались и первые сокращения правительственных про-
грамм, которые касались... борьбы с бедностью. Все эти левые ин-
теллектуалы проигнорировали тот факт, что платежный баланс и
торговый профицит, за счет которых и финансировались социаль-
ные реформы, полностью зависели от притока «горячих денег». По-
следние в силу особенностей своего появления были склонны исче-
зать так же быстро, как и появляться. Таким образом, даже относи-
тельно скромные социальные мероприятия, были изначально уязвимы
от того, что пребывали в зависимости от изменчивого поведения
спекулятивного капитала и мировых рынков.

Декларации левых о том, что Латинская Америка «отсоединяет-
ся» от рынка США путем укрепления своих связей с азиатскими го-

сударствами и расширением интеграционных процессов в контексте БРИК – в действительности оказались ошибочными.

Бразильский экспорт сельскохозяйственных и минеральных ресурсов в Азию пребывал в состоянии устойчивой зависимости от мировых цен, определяемых американским и европейским спросом, а также спросом других стран и регионов. Глубокая мировая рецессия и кризис кредитной системы серьезно отразились на азиатском экспорте США и ЕС, что привело к падению экспорта латиноамериканских ресурсов в азиатские государства. Ни одно из азиатских государств не может поддерживать свой импорт товаров из Латинской Америки, поскольку не имеют устойчивого и стабильного внутреннего рынка. Классовая поляризация в Китае существенно сдерживает массовое потребление.

Латинская Америка от экономики США вовсе не «отсоединилась» – она, став частью глобальной цепи, была тем самым намертво прикована к капризам американской и европейской экономики. Попытки бразильского президента Лулы да Силвы обвинять американский капитализм в бразильском кризисе, преследовали за собой одну цель: отвлечь критиков от политики углубления структурной зависимости и сырьевого экспорта, не касаясь при этом самой сути проблемы: политика бразильского режима сама создала условия для возникновения проблем, связанных с кризисом американского спекулятивного капитализма.

Ни один из левоцентристских режимов не пошел на отказ от неолиберальной «экспортной модели», ни один из них не принимал усилий, направленных на развитие внутреннего рынка в форме политики перераспределения. Индустриализация оказалась в зависимости от экспорта товаров. Росту капитала отдавалось преимущество по сравнению с ростом зарплат рабочих. Процентная ставка и бонусы остались непропорционально высокими в интересах капитала и поэтому ослабляли внутренний спрос. Поддержка агроэкспортных элит и сопротивление попыткам провести аграрную реформу подрывали покупательную способность миллионов безземельных крестьян, сельскохозяйственных рабочих и мелких фермеров. Налоговые послабления, введенные вместо прогрессивного налогообложения, уничтожили возможность социальных реформ, которые могли расширить местное производство и повлиять на рост инвестиций. Левые режимы не инвестировали в развитие связей между регионами и отдельными секторами национальных экономик. Вместо этого они предпочли еще в большей степени привязать внутренние районы к портам ради быстрого выхода на заморские рынки.

В период сырьевого бума некоторые левоцентристские режимы (Бразилия и Аргентина) выделили миллиарды долларов для дос-

рочной оплаты долгов МВФ и другим международным кредиторам, утверждая, что это якобы развяжет им руки и позволит проводить «независимую политику». В действительности МВФ был очень рад возникшей возможности пополнить свои запасы, тогда как уровень бедности продолжал расти угрожающими темпами, а социальная инфраструктура (жилье, больницы, школы, транспорт) деградировала. В то время, когда внешний долг сокращался, задолжности физических лиц значительно возросли. Принимая во внимание высокие внутренние процентные ставки, заимствования национального бизнеса резко выросли, а иностранные кредиторы охотно давали им в долг. Но постепенно приток капитала из-за границы иссяк, трансформировавшись в отток, что привело к снижению курса национальных валют. Бразильский и аргентинский рынки рухнули более чем на 50 % за менее чем 5 месяцев (июнь – октябрь 2008), а кредитный кризис привел к фактическому замораживанию инвестиций.

Последовавшее за этим падение цен на сырье оказало глубокое влияние на доходы государства - цены на медь упали на 60 %, с 9000 долларов США за тонну в июле 2008 года до 3900 в октябре, нефть подешевела с 147 долларов за баррель до 64 за аналогичный период. Хуже всего было то, что уменьшение внешнего долга сопровождалось ростом долга внутреннего – кредиты брались как у иностранных банков, так и у местных, национальных финансовых игроков. Последние давали в долг государству, беря в свою очередь в долг у иностранных банков – таким образом, создавалась и укреплялась зависимость от частных финансовых институтов США и ЕС. Вместо того чтобы порвать с финансовой зависимостью старых неолиберальных режимов, левые, наоборот, использовали ее при помощи национальных посредников.

Крах мировой капиталистической финансовой системы, перетекание глобальной рецессии на Латинскую Америку, управляемую левоцентристскими режимами, поставило их перед вызовами двойственного характера. Ориентируясь на экспортно-сырьевую модель развития, такие режимы оказались особенно уязвимы перед стремительным падением мирового спроса и мировых цен. Несмотря на то, что консервативная финансовая политика позволила им создать значительные финансовые резервы и профинансировать выплату внешних долгов, во внимание следует принимать и то, что оборотной стороной этой «честной финансовой политики» стал отказ от решения социальных проблем и диверсификации экономики. Снижение бедности с помощью инвестиций, аграрной реформы и развития внутреннего рынка в перспективе могло бы смягчить кризисные явления.

Под давлением мирового кризиса конфликт между трудом и капиталом может перейти в более острую фазу. Это повлечет за собой

радикализацию требований и ограничиться возрождением «кейнсианского» капитализма тогда не удастся. В подобной ситуации речь может идти о социализации экономики, переходе к социалистическому распределению общественных благ. Эта последняя возможность была бы наиболее действенной – в условиях постепенно углубляющейся мировой рецессии, падения торговли, кризиса кредитной сферы, размывания стандартов уровня жизни и всеобщей дискредитации капитализма, который начинает в большей степени ассоциироваться с кризисами, бедами и обнищанием.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА*

Хотя основное внимание мирового сообщества привлекают популистские режимы и одиозные правительства левой ориентации (Венесуэла, Боливия, Эквадор), в Латинской Америке существуют достаточно убедительные примеры социал-демократических государств — Бразилия, Чили, Уругвай. Эти примеры дают надежду на то, что, несмотря на свою историческую новизну, социал-демократия на Южноамериканском континенте продолжит свое развитие.

Различие между вышеупомянутыми социал-демократическими правительствами и их популистскими вариациями заключается в том, что первые представляют собой многопартийную, конкурентоспособную систему, что включает в себя в том числе и «левый» политический элемент. Социалистические, революционные, леворадикальные, профсоюзные движения были преобразованы и трансформированы в один их сегментов социал-демократического правительства, которое приняло в конечном результате рыночную экономику и стало на путь идеологических трансформаций, успешно конкурируя за голоса избирателей. В то же время, унаследовав часть левой идеологии, а также будучи стимулируемыми политической конкуренцией, такие правительства подчеркивают важность социальных гарантий наравне с экономическим ростом страны.

Возможности для существенных превращений и трансформаций зависят от политических ресурсов и фактического влияния таких правительств. У первого социал-демократического правительства в истории Уругвая есть преимущество перед Бразилией и Чили, поскольку социал-демократы являются партией однопартийного большинства, примиряя почти все левые партии страны и обладая серьезной поддержкой со стороны профсоюзов.

Кроме того, президент Уругвая Табаре Васкес после своей победы в первом туре на выборах в 2004 году, возглавляя государство и будучи лидером партии, укрепил президентское лидерство, чем приобрел большую известность. В итоге во время цикла экономического процветания, который длился до 2008 года и сопровождался ростом цен на товары и положительной динамикой внутреннего

* Перевод с украинского М.В. Кирчанова. Ланзаро Х. Соціальна демократія і Латинська Америка / Х. Ланзаро // <http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=278776&mainlang=ukr>

развития, правительство Васкеса сумело укрепить макроэкономическую стабильность, финансовый баланс и открытый рынок страны, поддержать конкуренцию, стимулировать внутренние и внешние частные инвестиции.

Невзирая на общую экономическую ортодоксальность, правительству Васкеса удалось реализовать важные политические нововведения: улучшилась ситуация с защитой прав человека; была проведена налоговая реформа, включая введение общего, прогрессивного подоходного налога; была создана общедоступная система охраны здоровья, была установлена система выплаты помощи для бедных, многодетных семей, домохозяек. В сфере образования была принята программа «один компьютер на одного ребенка». Благоприятная для рабочих и профсоюзов трудовая политика возродила организации, ответственные за регулирование зарплат.

Срок Васкеса заканчивается в марте 2010 года. Он не может избираться вновь, и картина президентских выборов, которая вырисовывается, представляется сложнопрогнозируемой. Действительно, несмотря на успехи правительства, могут произойти и перемены, поскольку Partido Nacional, основа правоцентристского блока, теперь бежит нога в ногу с левыми.

По результатам предварительных выборов левым кандидатом станет Хосе Мухика, который не только бросил вызов Васкесу, но и является более левым чем его ближайший Данило Астори, который связан с существующим правительством. Мухика – политик популистского плана. Его влияние основано на харизматичном характере личности, на декларировании неприязни к политическому истеблишменту и апеллированием к беднейшим слоям населения, которые убедительно звучат, если принять во внимание его участие в партизанском движении 1960-х годов и близость к правящей в Аргентине семье Киршнер.

Учитывая все это, тщательным образом построенная социал-демократическая альтернатива Уругвая может оказаться не такой стабильной. Но партийная система и внутреннее равновесие не может способствовать резкому повороту в сторону левого радикализма или популизма. Понимая, что популистская тактика, вероятно, окажется губительной для предвыборной кампании, Мухика начал поддерживать правительство Васкеса и обещал Астори должность вице-президента в случае победы на президентских выборах – должность, которая дает право брать на себя инициативу в экономической политике и принимать участие в управлении страной.

Политические структуры Уругвая неизменно будут оказывать сдерживающее влияние на любое избранное правительство — независимо от политической ориентации президента, социал-демократические реформы последних лет, вероятно, продлятся, хо-

тя с другими акцентами и значительными изменениями, обусловленными сменой экономических циклов и ограниченностью политическими ресурсами правительства.

Если левые не выигрывает первый тур выборов, то им не будет обеспечено абсолютное большинство, которое получил Васкес. Таким образом, будет ограничена способность правительства реализовать планируемые инновации. Мухика пользуется поддержкой большинства левых, но он не является единственным и единоличным руководителем партии. Мухика – лишь лидер одной из ее конкурирующих фракций. Предвыборная кампания станет своеобразной проверкой его политического веса и влияния.

Новый срок для левых будет более сложным, поскольку политическая конкуренция будет протекать более напряженно, как между партиями, так и среди левых. Эти проблемы могут, в конечном итоге, приблизить политическую ситуацию социал-демократического Уругвая к состоянию Бразилии и Чили. Как и их европейские побратимы, социальные демократические правительства Латинской Америки, в конечном итоге, должны пройти дорогой плюрализма, демократии и сложной политики компромисса, конечной целью которой является процветание.

ЛЕВОЦЕНТРИСТЫ В УРУГВАЕ:

приоритет социальной политики

На протяжении последнего десятилетия установка на целенаправленное решение социальных задач играет все большую роль в формировании государственной политики в таких странах, как Чили, Бразилия, Мексика, Аргентина. О важности социального развития заявляют лидеры большинства латиноамериканских государств. В связи с этим особенно интересен опыт Уругвая, в течение длительного исторического периода служившего в качестве примера страны с высокими жизненными стандартами, в которой 2/3 населения относили себя к среднему классу, и столкнувшегося с серьезными испытаниями накануне прихода к власти первого левоцентристского правительства под руководством Табаре Васкеса (2005 – 2010). Основные направления и результаты деятельности этого правительства, в которой главный акцент был сделан на социальную сферу, заслуживают специального рассмотрения.

Модель «государства благосостояния» стала формироваться в Уругвае уже в первой четверти XX века, чему в немалой степени способствовали реформы, проведенные выдающимся политическим деятелем Хосе Батлье-и-Ордоньесом. Социальное законодательство, принятое в этот период, одним из первых в Латинской Америке предусматривало социальную защиту граждан, гарантировало выплату пенсий и заработной платы, а также бесплатное светское образование. Либерально-реформистская политика создала основы для продолжительного периода устойчивого развития страны, заложила традицию социальной солидарности, уважения к закону и государству, расходы которого на общественные цели неуклонно возрастали.

На протяжении нескольких десятилетий XX века, вплоть конца 1960-х гг. и начала периода политической турбулентности, приведшей страну к испытанию военно-авторитарным режимом 1973 – 1984 гг., Уругвай называли «латиноамериканской Швейцарией», островом стабильности и благополучия среди других государств Латинской Америки.

Характерной особенностью развития Уругвая после 1984 г. стал тот факт, что процесс неолиберальных преобразований не приобрел здесь масштабного характера. Это было обусловлено развитым госсектором, сложившейся традицией «социального государ-

ства», а также высоким уровнем ожиданий общества от власти. В ходе плебисцита 1992 г. 72 % граждан высказалось против планов правительства приватизировать крупнейшие государственные компании. В результате было решено ограничиться периферийной приватизацией, оставить стратегические отрасли экономики в ведении государства. Как отмечает З.В. Романова, преобладающей формой приватизации стала не продажа государственной собственности частным владельцам, а ее передача в долгосрочную аренду или концессию национальным и иностранным частным компаниям¹.

Ограниченность неолиберализма имела неоднозначные последствия для национальной экономики. Однако на протяжении 1990-х гг. в Уругвае сохранялся высокий уровень жизни, с растущими социальными расходами государства, значительным сокращением бедности и практически полным отсутствием нищеты. По данным ЭКЛАК, население, живущее ниже черты бедности, составило в 1997 году 9,5 % (в 1990 г. – 18 %), ниже линии нищеты – 1,7 % (в 1990 г. – 3,4 %). Недоедающее население в 1998 г. составляло 3 % (в то время как, например, в Венесуэле – 21 %, Боливии – 23 %, Перу – 11 %)². Ожидаемая продолжительность жизни возросла с 68,7 лет в конце 1980-х гг. до 75,3 лет в 2000 году. Повысился процент молодежи, получившей высшее и средне-специальное образование (в возрасте 25 – 34 лет – 37,6 %)³. Кроме того, безработица, представляющая основную угрозу социальному благополучию, за весь период 1990-х гг. не превышала 10 %.

В 1990-е гг. постоянно росли расходы государства на здравоохранение, образование, жилье, пенсионное обеспечение. Только на систему социального страхования в 1996-97 гг. направлялось 15,4 % от ВВП, а общие социальные расходы правительства ежегодно составляли 21,3 % ВВП – больше, чем в любой другой стране региона⁴. Тем не менее, эти результаты нередко оцениваются уругвайскими социологами как скромные, поскольку и в 1960-е годы качество жизни в Уругвае было принципиально иным, нежели, например, в Боливии или Перу. (До недавнего времени здесь даже не существовало Министерства социального развития).

Кроме того, Уругвай традиционно отличался и относительно небольшим разрывом в распределении национального дохода, в сравнении с другими странами Латинской Америки (например, Аргентиной, Бразилией, Боливией, Мексикой, Чили). В 1997 г. 10 % наиболее богатых владели 25,8 % совокупного национального дохода страны, 20 % высшего среднего класса – 26,1 %, остальные 30 % представителей среднего класса имели также 26,1 %, а 40 % бедных – 22 %⁵. Это соотношение практически не изменилось и в кризисном 2002 году, несмотря на общее падение уровня жизни, и всех социальных показателей.

Внутренние причины, связанные с недостаточной конкурентоспособностью уругвайской экономики, недостаточной модернизацией производственной системы в условиях жесткой конкуренции и зависимости от мирового рынка, а также мировой валютно-финансовый кризис 1999 – 2001 гг. привели к завершению относительно длительный период стабильности и благополучия. Особенно тяжелые экономические последствия имели для страны «волны» бразильского и аргентинского кризисов. К 2001 – 2002 гг. кардинально изменилась и социальная ситуация. Бедность увеличилась до 15,4 %, почти в два раза (по сравнению с 1997 годом). Выросло число людей, живущих ниже уровня нищеты (до 2,5 %); безработица составила, по разным подсчетам, от 15 до 20 %⁶.

Кризис в наибольшей степени ударил по менее защищенным слоям населения, в частности, рядовым госслужащим, работникам неформального сектора, занятым в семейном бизнесе, на микро-предприятиях (услуги, торговля, кустарное производство), доходы которых упали в несколько раз. Ухудшилось положение молодежи, детей и подростков из бедных семей, тогда как люди старше 60 лет были относительно защищены развитой пенсионной системой и предыдущим десятилетием высокого уровня жизни. В то же время доля неформальной занятости - одной из самых распространенных стратегий выживания в других странах региона - охватила в период с 1998 по 2002 год, по официальным данным, не более 7-10 % населения⁷.

Правительство Х. Батлье Ибаньеса (2000-2005) принимало меры по снижению уровня бедности и безработицы, но экономическая конъюнктура в 2002 – 2003 гг. была не на его стороне, а инерция кризиса настигала все новые группы населения. По подсчетам ЭК-ЛАК, к 2005 г. доля населения, живущего ниже черты бедности, выросла уже до 18,8 %, а ниже линии нищеты – до 4,1 %⁸. Именно рост нищеты и безработицы, а также увеличение количества бедных среди молодежи и подростков, воспринимались в обществе особенно остро. Для жителей Уругвая, привыкших к большому экономическому благополучию и вниманию со стороны государства, сложившееся положение не имело объективных оправданий.

Таким образом, обстоятельства накануне президентских выборов 2004 г. требовали прихода новой политической силы и, возможно, новой политической личности. 31 октября 2004 г. президентом был избран социалист Табарé Васкес. Врач по образованию, к этому моменту он был опытным политиком, лидером коалиции «Широкий фронт – Прогрессивная встреча – Новое большинство», прошедшей непростую политическую эволюцию от антисистемного, лево-радикального движения 1970-х гг. до объединения умеренных центристских партий, стоящих на позициях прагматизма и

реализма. Под руководством Т.Васкеса было создано первое в истории страны левоцентристское правительство, которому предстояло определить новые подходы и новые ориентиры, прежде всего – в улучшении социальной ситуации.

Программа Т. Васкеса была направлена на широкие слои уругвайского общества, заинтересованные в смягчении последствий кризиса, в преодолении бедности и безработицы. Это был проект развития страны, в котором ценности демократии и устойчивого роста сочетались с идеей компенсации социальных издержек сложившейся экономической модели, но без крайностей «левого» или «правого» радикализма. Обещания Т. Васкеса носили вполне конкретный и соответствующий моменту характер. В одном из предвыборных выступлений он заявил: «Самые бедные потеряли больше всех, им надо вернуть их доходы как можно быстрее»⁹.

Координация различных социальных программ возлагалась на созданное в 2005 г. Министерство социального развития.

Стержневым элементом социальной политики нового президента стал Национальный план срочной социальной помощи («PANES»). Этот план был рассчитан на 2005 – 2007 гг. и первоначально предусматривал программу помощи 200 тыс. человек (6,2 % населения), находящимся в ситуации крайней бедности. Для его реализации было выделено 200 млн. долларов¹⁰. Основной задачей Плана была разносторонняя поддержка беднейших домохозяйств по всей стране, включавшая: предоставление временной работы, финансовые субсидии, улучшение санитарных условий жизни, медицинскую помощь, организацию образовательных курсов профессиональной переподготовки. Особую роль играло также вовлечение участников программы в «социальные сети» - всевозможные организации гражданского общества, деятельность которых очень развита в стране. Отдельное направление представляла работа с «людьми улицы» - маргиналами, бродягами и т.д., для которых организовывались приюты с питанием, медицинским обслуживанием, предоставлялась одежда и по возможности – временная работа¹¹.

Результаты осуществления плана «PANES» в количественном выражении оказались успешнее, чем предполагалось первоначально. За 2 года было охвачено 320 тыс. человек (10 % населения), из них 170 тыс. составили молодые люди и подростки из бедных семей – одна из самых уязвимых групп общества.

В то же время, существенной проблемой для развития проекта стала разработка дальнейших путей выхода из программы срочной социальной помощи. В связи с этим предполагалось «переключать» более благополучные категории населения на другие программы – например, «Работа в Уругвае», или «План Равенства», которые помогают человеку получить необходимую профессиональную подго-

товку, работу и закрепиться на новом уровне доходов¹². «План равенства», нацеленный на повышение конкретности социальных мер, действует с 2008 г. и задуман как логическое продолжение предыдущего этапа. Однако преемственность новых и старых программ, а также прогноз их дальнейшей эффективности все еще остаются слабым звеном в формировании реалистичной социальной политики.

Важным моментом деятельности правительства стал переход к разработке ряда программ «нового поколения», нацеленных не только на преодоление бедности и нищеты, но и на общее повышение качества жизни широких слоев населения, совершенствование и развитие человеческого капитала. Со второй половины 2008 г. началась реализация серьезных реформ в области образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения. Целью этих преобразований является переход к большему социальному равенству, более высокому уровню образования и медицинского обслуживания, распространение современных достижений на беднейшие группы общества.

Приоритетным направлением было признано образование, на которое с 2009 г. предполагается расходовать 4,5 % ВВП ежегодно (в 2006 г. было 3,0 %). Несмотря на то, что Уругвай является страной с высоким уровнем грамотности населения (98 %), в удаленных от столицы районах не хватает квалифицированных кадров, современных учебных центров, оборудования, необходимых для реализации инновационного подхода в сфере образования. В 2008 г. в рамках международной программы «Каждому ребенку – компьютер» в школы было направлено 120 тысяч компьютеров. В 2009 г. это количество увеличилось до 400 тысяч, что сделало уругвайский пример образцовым для других стран Латинской Америки, как отметили в Национальном агентстве по исследованиям и инновациям¹³. Реализация этих задач предполагает переход к следующему этапу реформы – программе «Интернет в каждый дом», которая направлена в первую очередь на малообеспеченные семьи.

Важным направлением социальных усилий правительства стала работа с детьми и подростками из бедных семей. Одним из примеров нового подхода в этой области явилась реализация программы «Проект 300», суть которой состоит в распространении обязательного школьного обучения на «детей улицы», рано покидающих или вообще не посещающих школу.

В плане общей социальной поддержки семей с 1 января 2009 г. было увеличено ежемесячное пособие на ребенка до 18 лет (в пересчете с курса национальной валюты - 40 долларов на дошкольников и младших школьников, 50 долларов – на старшекласников)¹⁴. Ко-

личество детей, получающих пособие, предполагается увеличить в ближайшее время с 330 тыс. до 500 тысяч человек¹⁵.

Традиционно большое внимание в стране уделяется здравоохранению, физической культуре и спорту, пропаганде здорового образа жизни. Действуют различные программы медицинского просвещения детей и подростков, защиты от сексуального и семейного насилия, программа борьбы с наркотиками и курением, в которой активно участвуют учебные и медицинские заведения, организации гражданского общества и волонтеры, спортивные центры. Уроки физкультуры объявлены обязательными для всех школ страны.

С 2009 г. правительство начало программу подключения 500 тысяч детей (практически всего детского населения) к обязательному бесплатному медицинскому обслуживанию¹⁶. В 2006 г. в Уругвае зафиксирован самый низкий процент детской смертности за всю историю страны (10,5 человек на тысячу, родившихся живыми). Это исключительно низкий показатель для Латинской Америки (например, в Боливии он составляет 45, в Парагвае и Гватемале – свыше 30, в Бразилии – 25 человек). Уругвай в данном случае, как и по показателям материнской смертности, входит в группу стран с самым высоким уровнем здравоохранения (наряду с Кубой, Чили, Коста-Рикой и Аргентиной)¹⁷.

Именно развитие программ, связанных с повышением качества и доступности образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения можно считать переходом к новому этапу социальной политики. В то же время, необходимо отметить, что в Уругвае этот «новый» этап является в значительной степени отходом от неолиберального социального курса, с его жесткой дифференциацией и принципом «каждый за себя», и связан со стремлением вернуться к прежнему уровню общественного благополучия. Однако, как считают уругвайские эксперты, одних финансовых усилий для реформ в таких сложных областях, как образование и здравоохранение, недостаточно. Необходима четкая координация работы на всех направлениях, сочетание технических и политических методов в решении проблем, выработка общей стратегии развития и постановка конкретных, последовательных задач¹⁸. В Уругвае создана серьезная база для реализации этих инициатив, однако экономические риски и последствия кризисного периода 1999-2002 гг. вынуждали правительство пока делать акцент на «срочной» социальной помощи, а не на долгосрочной стратегии, связанной с повышением качества человеческого капитала.

В целом социальная политика левоцентристов привела к улучшению ситуации в стране и некоторому сокращению бедности и нищеты (до 18,1 % и 3,1 % в 2007 году)¹⁹. Эти показатели являются

вполне терпимыми, если сопоставить их с числом бедных в других латиноамериканских странах (например, в Мексике – 32 %, Бразилии 33 %, Эквадоре – 43 %, в Боливии – 64% населения). Однако достигнутые правительством Т.Васкеса результаты оказались далеки как от «золотого века» 1960-х гг. и благополучного уровня середины 1990-х гг., так и от обещания приблизиться в 2015 г. к странам с наилучшими социальными показателями (например, к Чили). Эффективность действующих программ в значительной мере сдерживалась экономическими проблемами и недостаточной модернизацией страны.

В то же время, политика «Широкого фронта», направленная на решение социальных проблем, получила поддержку населения. По данным различных социологических опросов, в 2009 г. рейтинг президента составлял от 55 до 60%, он был назван одним из самых харизматичных политиков страны за последние несколько десятилетий. Однако, согласно конституции, Т.Васкес не имел права немедленного переизбрания на новый президентский срок. 9 ноября 2009г. в Уругвае состоялся второй тур президентских выборов, в результате которого победу одержал кандидат от «Широкого фронта», бывший участник военно-партизанской организации Тупама-рос, Хосе Мухика. В споре со своим соперником, представителем Национальной партии Луисом Альберто Лакалье, он получил 52,85% голосов. Таким образом, несмотря на противоречивые предвыборные прогнозы, уругвайцы во второй раз поддержали левоцентристов, продемонстрировав высокий уровень доверия уходящему президенту - Табаре Васкесу, и его политике. Каковы будут приоритеты нового правительства, станет ясно после марта 2010 г., когда Т.Васкес официально передаст полномочия избранному президенту Х.Мухике.

¹ Малые страны Латинской Америки: смена экономической модели. – М., 2002. – Кн. 2. – С.11 – 38.

² CEPAL. Panorama social de América Latina 2005. – Santiago, 2006. – P.71; Panorama social de América Latina 2002-2003. – Santiago, 2004. – P. 85.

³ De Armas G. Sociedad y Políticas Sociales en Uruguay desde la Transición Democrática al Gobierno del Frente Amplio / G. De Armas // América Latina Hoy. – 2006. – No 44. – P. 42, 48, 45.

⁴ CEPAL. Panorama social de América Latina 2002-2003. – P.176.

⁵ CEPAL. Panorama social de América Latina 2005. – P.333.

⁶ Ibid. – P.71; Uruguay 1998-2002: características de los cambios en el perfil de la distribución del ingreso // CEPAL-SERIE Estudios y perspectivas. – 2004. – No 1. – P. 14.

⁷ Ibid. – P. 14.

⁸ CEPAL. Panorama social de América Latina 2007. – Santiago, 2008. – P.57. Различные источники расходятся в оценке количества бедных. По данным национальной статистики, в конце 2004 г. около 1 млн. человек (1/3 населения) находилось ниже черты бедности. Безработица составила 19,8%. (De Armas G. Op.cit. – P. 57).

⁹ <http://www.aporrea.org/>

¹⁰ De Armas G. Op.cit. – P. 57.

¹¹ <http://www.asamblea.org.uy/>

¹² De Armas G. Op.cit. – P. 57.

¹³ http://noticias.aol.com/articulos/_a/

¹⁴ По данным национального института статистики, в 2008 г. стоимость потребительской корзины в столице составила 90 долл., а в провинции – 65 долларов.

¹⁵ <http://www.asamblea.org.uy/articulo.aspx?id=279>

¹⁶ <http://www.asamblea.org.uy/>

¹⁷ CEPAL. Objetivos del desarrollo del Milenio. La progresión hacia la salud en América Latina y el Caribe. 2008. – P. 41, 51.

¹⁸ <http://www.asamblea.org.uy/>

¹⁹ CEPAL. Anuario estadístico de América Latina y el Caribe, 2008. – Santiago, 2009. – P. 74.

ЕВРОПЕЙЦЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т.Е. Багатурия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСПАНСКАЯ (КАСТИЛЬСКАЯ) ЭМИГРАЦИЯ В МЕКСИКЕ:

некоторые проблемы истории

В период Гражданской войны в Испании (1936 – 1939), а также в послевоенный период, многие граждане были вынуждены покинуть свою родину по идеологическим соображениям или под страхом репрессий нового политического руководства, с приходом которого, был установлен авторитарный режим. Основными странами, приютившими политических эмигрантов, стали Аргентина, Франция, Мексика, а также Чили, Куба, Доминиканская республика, Советский союз, США и Великобритания. В последующие годы, с завершением переходного периода и установления демократии в Испании, стало возможным и постепенное возвращение беженцев на родину. Хотя среди них было много таких, которые в силу степени интегрированности в общество, которое дало им убежище, предпочли не возвращаться.

К концу XX века в Мексике проживало одно из наиболее крупных испанских сообществ в Латинской Америке, численность которого составляла около 55 500 потомков испанских политических эмигрантов и беженцев. География расселения испанцев охватывает практически всю Мексику, включая мелкие города. Испанцы занимают второе место среди иностранных диаспор в Мексике и первое место среди выходцев из Европы. Несмотря на то, что большинство испанского населения сосредоточено непосредственно в столице Мексики, в Мехико, значительная их часть также рассредоточена в таких крупных городах, как Гуадалахара, Монтерей, Пуэбла де Саргоса, Сантьяго де Керетаро, Леон, Сан Луис Потоси, Гуэрнавака,

Веракруз, Тихуана и Канкун. Стоит отметить, что в этих городах испанское население достаточно успешно приобщилось к местным традициям и законам. По всей Мексике можно встретить множество ассоциаций, центров культурного развития, различных спортивных организаций, к которым непосредственное отношение имеет испанское население.

Первая волна беженцев прибыла в Мексику на судах «Синая», «Ипанема» и «Мехико». По оценкам историков, Мексика приняла около 25 тыс. испанских беженцев в период с 1939 по 1942 год и большую часть из них при правительстве президента Лосаро Карденаса. Значительную часть эмигрантов первого поколения составляли рабочие и крестьяне, а также много военных, пилотов, моряков, государственных деятелей, экономистов и бизнесменов. Среди них 25 % составляла так называемая «интеллектуальная иммиграция» или «элита». Следует упомянуть тот факт, что еще в 1937 году в Мексику стали прибывать первые группы иммигрантов из Испании. Это были в основном дети около 15 лет, приглашенные мексиканскими властями, чтобы защитить их от ужасов войны. Вместе с ними переехало и около тридцати представителей испанской интеллигенции, чтобы они могли работать и проводить исследования в своей области в мирной обстановке, подальше от военных действий. Для них специально был создан «дом Испании» в Мексике, в создание которого огромный вклад внесли сами представители испанского сообщества в Мексике. Впоследствии «дом Испании» был переименован в el colegio de México, который сейчас считается крупнейшим исследовательским центром¹.

Первым, кто стал инициатором подобной идеи о защите и сохранении испанской республиканской интеллигенции путем ее, как предполагалось, временного и вынужденного переезда в Мексику был Даниэль Косио Вильегас, один из испанских дипломатов в Португалии. Другие испанские политики также принимали активное участие в судьбе республиканцев и вывозе имущества, принадлежавшего Республике. По словам Фернандо Гамбо, известного мексиканского музееведа, художника, дипломата и деятеля культуры, он с неистовством вспоминает о том героическом эпизоде в Валенсии 1937 году, когда Луис Буньюэль, Родольфо Альффертер, Лекарства Варо, Роберто Фернандес Бальбуена, вместе с Санчес Кантон, Альберти, Ренау и Сеферино Колинас, спасли сокровища Музея Прадо, транспортируя его коллекции в Женеву, под огнем воздушных бомбардировок.

По данным Ассоциации испанских беженцев (изгнанников) около 25 тысяч мексиканских граждан смогут приобретать испанское гражданство, благодаря закону исторической памяти. Закон всецело направлен на то, чтобы признать и расширить права тех,

кто страдал в период Гражданской войны (1936 – 1939) и репрессий диктатуры Франсиско Франко (1939 – 1975)². Закон был принят в октябре 2008 года, а в декабре этого же года вступила силу одна из инструкции статьи семь, согласно которой испанское гражданство могут получить также дети и внуки эмигрантов и беженцев периода Гражданской войны и режима Франко. Помимо этого право на гражданство Испании имеют дети родители, которых были рождены в Испании, но на данный момент не проживают в стране.

Испанское сообщество в Мексике разделено по принципу тех регионов, откуда прибыли испанские политические эмигранты. Испания отличается разнообразием своих регионов. Всего в Испании 15 провинций, которые отличаются между собой по величине и значимости, но вместе с тем, каждая из них обладает своей неповторимой самобытностью. Такое разнообразие оказывает влияние и на население страны, поэтому, говоря об испанских эмигрантах, очень важно упомянуть представителем какого региона они являются.

Сообщество арагонцев в Мексике насчитывает около 4.600 членов. Главным образом их присутствие заметно в промышленной сфере. Впервые испанские арагонцы начали прибывать в колониальный период, но самый большой поток беженцев приходится на период 30-х годов XX века. Один из тяжелейших периодов в истории Испании, когда большинству населения пришлось спасаться бегством от ужасов Гражданской войны, а впоследствии диктаторского режима Франко³.

Самое многочисленное сообщество в Мексике составляют выходцы из испанской провинции Астурия. Всего они насчитывают около 17.000 представителей⁴. Появление первых астурианцев на мексиканской земле ознаменовано колониальным периодом. Об их длительном пребывании в Мексике свидетельствует Астурианский спортивный центр, созданный по инициативе мексиканцев астурианского происхождения. Этот центр воплощает собой попытку воссоздания иберийской культуры вне масштабов ее исконной географии. Особенно примечательной среди его участников является музыкальная группа, играющих на волынках, под названием «Ла Пайоса».

Выходцы из Андалусии, юга Испании, составляют около 13000 человек⁵. Как и многие испанцы из других провинции впервые появились в Мексике еще в колониальный период. Иммигрировав в другую страну андалусцы, тем ни менее не забывали о своих исторических корнях и отчасти перенесли с собой все многообразие Андалузской культуры. Типичная для юга Испании кухня, а также неутомимые ритмы Фламенко нашли свое воплощение в «доме Андалусии», который был создан в столице Мексики. Однако же, Ме-

хико не является единственным городом сосредоточения испанских эмигрантов из Андалусии. Они охватывают довольно таки обширную географию по всей Мексике. В частности, это города Веракруз, Гуадалахара и Сан Луис Потоси. Среди особой группы мигрантов данной провинции можно выделить андалузских цыган, которые не имеют какой-то одной точки сосредоточения, а вместо этого кочуют по всей территории Мексики.

Выходцы из испанской провинции Кастилия пребывали в Мексику еще с колониального периода, а политическая республиканская эмиграция насчитывают около 28 000 человек⁶. Главным образом это – выходцы из Кастилия-ла-Манча, Кастилия и Леон, и из Мадрида. Влияние кастильской культуры на мексиканское общество выражено прежде всего в изысканной кастильской кухне и неповторимом фольклоре. Географически кастильцы также распространены по всей территории Мексики.

Выходцы из северной провинции Испании Кантабрия, или как их еще называют, горцы, бежали от преследования диктаторского режима в Мексику. Численность их достигает около 4500 человек. В основном они сосредоточены в Мехико, в Халиско, Сан Луис Потоси, Сонора, Новом Леоне. Самым малочисленным сообществом среди испанских эмигрантов являются выходцы из Канарских островов. Их насчитывает около 1600 человек. Основной поток переселенцев приходится на период 1930-х годов. Согласно данным, которые предоставило испанское посольство в Мексике среди этого потока самыми малочисленными являются выходцы из Наварры, Болеарских островов, из Сеуты и Мелильянос, из Рьехи. Их численность не превышает и тысячи человек.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что испанская политическая эмиграция имела положительные последствия как для самой Испании, так и для Мексики. Испанским республиканцам в изгнании удалось безболезненно и в достаточно короткие сроки адаптироваться в реалии новой для них страны. Немаловажную роль здесь сыграл общий для двух стран язык – испанский. Все это позволяло гармонично сосуществовать двум культурам на протяжении многих лет. В условиях существования в Испании авторитарного режима политическая эмиграция в Мексике стремилась сохранить самое ценное достояние испанского государства – интеллигенцию. Мексика, приютив беженцев, приобрела в их лице тысячи новых сограждан, которые впоследствии трудились на пользу мексиканского общества, при этом, не забывая о своем испанском происхождении.

¹ Breve Historia de El Colegio de México / http://www.colmex.mx/info_gen/historia.htm

² Medidas de desarrollo de la ley de memoria // <http://www.exiliados.org/entrada/Frameset.html>

³ Ordoñez Alonso M. Los científicos del exilio en Mexico: un perfil/M. Ordoñez Alonso// http://clio.rediris.es/clionet/articulos/cientificos.htm#*

⁴ Guía de Documentos de los Archivos Consulares de la II República en el Consulado Gral. de España en la ciudad de México// <http://www.exiliados.org/entrada/Frameset.html>

⁵ Ordoñez Alonso M. Los científicos del exilio en Mexico: un perfil/M. Ordoñez Alonso// http://clio.rediris.es/clionet/articulos/cientificos.htm#*

⁶ Guía de Documentos de los Archivos Consulares de la II República en el Consulado Gral. de España en la ciudad de México// <http://www.exiliados.org/entrada/Frameset.html>

ИНТЕГРАЦИЯ ИНОСТРАНЦЕВ В «РЕСПУБЛИКУ МЕТИСОВ»*

Термин «функция» [...] указывает на такое историческое явление, как мексиканская организация, которое имеет сходство и даже тесную связь с «христианскими республиками» западноевропейских обществ. Анник Ламперьер (2003) смог найти комплексную организацию между некоторыми особыми группами мексиканцев, которые гласят о том, что «мексиканская власть рождается от части сессии суверенитета». В самом деле, начиная с колониальной эпохи (1521-1821), некоторые люди отдали часть своего патриархального суверенитета для того, чтобы создать группу граждан [...]

Статус гражданина, если не был присвоен от рождения, зависит от связей и знакомств, проверенных временем. Его можно доказать с помощью свидетелей. Статус не связан с этническим происхождением [...] Он также не связан с принадлежностью к какому-либо социально-экономическому уровню. Эти аспекты в данной ситуации категорически ни к чему. La vecindad представляет привилегию воспользоваться всеобщим благосостоянием. Осуществление "тихого и мирного" пользования собственностью и другими правами на нужды жизни.

В этом духе, граждане соглашались подчиняться в обмен на коллективные права, коллектив одновременно уступал кодам города, лишь бы городской совет решал споры и конфликты общности. Города и общества признавали высший авторитет «кастильскую корону», которая гарантировала защиту от иностранного врага, милость, а также она не забирала частные денежные средства или казённые деньги без всяких оснований.

Хотя эта социальная форма правления потеряла контроль над политикой, укоренения республики и федерализма, которые написаны в конституции (1917) как режим национальной сплоченности доказывают стремление мексиканцев к единому проекту совместной жизни, не смотря на этнические и культурные различия.

Политический и социальный комплекс, который мы только что излагали, даёт нам возможность понять этот этнокультурный «синтез», который осуществился в государстве Мексика. Мексиканские

* Paredes A. L'intégration des étrangers dans la «république métissée»: le Mexique / A. Paredes // <http://alhim.revues.org/index1292.html#tocto3n2> Перевод с французского Виани Муниенге. Печатается в сокращении.

историки, писатели и философы говорят о Мексике, как о «народе метисов» следуя мифу о рождении первого метиса после связи конкистадора, Фердинанда Кортеса и коренной мексиканки La Malinche: «когда первый метис с испанской и коренной кровью родился, наша нация родилась вместе с ним».

Однако современные мексиканские историки, такие как, Луис Гонсалес (2001) не признают этот миф и утверждают что в Мексике «не существует идеального культурного и этнического смешения». В связи с этим, Эрик Жофре (1986) проливает свет на то, как в Мексике произошло объединение людей: "Планы, идеи, принципы, тексты имеют искупительные добродетели, они есть и Библия и Евангелие ". Действительно, проекты законов, предлагаемых компанией мексиканских просвещенных кругов приобрели с течением времени "священный" характер, государственные и национальные программы окрашены оттенком «мессианизма» дарует порядок для всех жителей страны. [...]

[...] источник государственного, национального, мексиканского единства представляет собой продукт слияния единого государства и граждан. Этот союз закреплён в конституции Мексики(1857 - 1917), по мнению Жофре, это своего рода «новый завет», который освободит мексиканцев от старого феодального и теократического режимов (существование в тот период властных отношений феодального характера имело зависимость по отношению к церковным учреждениям в некоторых отдаленных провинциальных городах).

В результате в Мексике появилась «патриотическая религия» благодаря мощности представленных республиканских идей равенства, демократии и свободы. Они материализовались в высокочтимые символы и всем, кто придерживался им независимо от их этнической принадлежности (белый, индийской или смешанный): флаг, гимн, героев из ацтекской мифологии. [...]

В этом контексте становится ясно, почему Мексика знала во всей своей истории размещение отдельных групп иностранцев, в основном мужского пола из Европы (Barcelonnettes). Республиканский план предусматривал со времен Мексиканской Революции независимости (1821) внедрить в национальное сообщество "иностранцев способных обучать мексиканцев наукам и искусствам" вносить вклад в развитие страны

Иностранцы, которые откликнулись на этот призыв, пользовались социальными, политическими более менее идеальными условиями, которые гарантировала либеральная Республика Мексика.

Несмотря на свою архаичность, Мексика оказалась потенциально, довольно богатой страной. [...] В случае французов, первые из которых прибыли в 1840 году, - также отмечается большим успехом. Они начали активно заниматься торговлей и быстро раз бо-

гатели. Прибывающие целыми семьями из долины Кера и Юбе, желали на примере своих родителей или своих соседей поймать фортуна за хвост.

Этот приход иммигрантов из Франции многое внёс в республиканскую интеграцию. Другими словами, существовал договор для успешного совместного сотрудничества (о том, где жить - и жизни в либеральном режиме) между Мексикой и иммигрантами из Франции, которые обогащались и в тоже время государство имело возможность развивать свою экономику. [...]

На основании этого договора, мы стараемся проанализировать, каким образом французы интегрировались в структуру Мексиканской Республики. Сначала, в конце девятнадцатого века, им было разрешено объединиться в общину под названием Колония Франсе-са (Французское сообщество). По мнению некоторых авторов, таких как Патрис Гуи (1980), это сообщество принимало участие в общественной жизни, внося вклад в развитие рыночной инфраструктуры и финансовых ресурсов мексиканского государства-нации.

Затем, мексиканские законы и конституция достигли такой степени открытости, что наделили иностранцев правами почти эквивалентными тем, которыми пользуются сами мексиканцы. Это право на работу или на собственный бизнес, представлять интересы общества. Это напоминает нам о том, что говорилось выше, и как статус *vecino* был предоставлен членам мексиканских общин. Французские эмигранты были признаны гражданами Мексиканской Республики, а их пребывание на территории страны считалось полезным.

Включение иностранцев-французов в общество республики со временем позволило осуществиться "полному смешению" их с местными *vecindad* во всех общинах, включая Мексику. Это подтверждают дипломатические документы и свидетельские показания того времени (Франсуа Арно, Эмиль Chabrand Agusta Генин, Эмиль Charpenel). Помогают также помочь нам разобраться в природе существования местных и иностранцев.

Члены французской колонии никогда не составляли большинства иностранцев в Мексике, но влияние Франции было твердо установлено, как твёрдая опора между производителями и коммерсантами. Влияние в экономической, но и литературной, художественной и нравственной областях. [...]

Конечно, существует множество работ, свидетельствующих о важности культурного влияния имперской Франции в Латинской Америке. Но не забывайте, что были и другие эмигранты с различных уголков Европы, в том числе и креолы. Действительно, национальные группы на протяжении девятнадцатого века образовали

мультикультурное мексиканское общество, состоящее из наследия коренных народов (американских индейцев и испанцев) и французских культурных заимствований (присутствие интеллектуальной и политической элиты и многих европейских иммигрантов), но также постарались собрать в общий проект, а именно: установить республиканская модель "сосредоточившись на принципах 1789 года".

[...] не только культурное смешение явилось основой национального государства Мексики, но и наличие общей идеологии народов Мексики. Существование большей сплоченности "субъектов" мексиканского штата в связи с социальной борьбой (революционный период 1910-1919), явление, которое привело к принятию конституции 1917: "Те, кто хочет принадлежать к народу Мексика обязаны поддерживать мир и общественный порядок, и они должны сотрудничать в развитии институтов [...] они должны быть в состоянии внести свой вклад в развитие страны

В ходе этой социальной борьбы, иностранцы, в основном французы, так или иначе, оказались втянутыми в конфликты между мексиканцами (крестьянами и рабочими) и их руководством (представителями финансовой олигархии и промышленной политики "испорченные власти"). Так, например французские поселенцы находились в районе реки Наутла (Веракрус). Среди них были люди, которые, будучи полностью интегрированы в жизнь города, заявили о том, что они участвуют в политике в Мексике и они не могут одновременно служить двум государствам. Эти замечания были высказаны французскими эмигрантами для того, чтобы не участвовать в мобилизации во время войны во Франции 1914-18 гг. [...]

Народы, которые составляли мексиканскую нацию, и иностранные общины были связаны одной общей целью: работать и жить в правовом государстве: «В этом большом огне революции, труда и солидарности, потомки французских окончательно стали мексиканцами». Единение людей с различными культурными традициями вызвано революцией 1910 года, совместная борьба за права на землю и труд - это то, что Жан-Кристоф Дамар (2002) называет "политической интеграцией мексиканских французов".

Наши мысли совпадают с мыслями Демара, таким образом, чтобы попытаемся объяснить то, что многие авторы считают "мексиканизацию" французской колонией. Это процесс, по существу с экономическим и политическим характером срабатывает с одной стороны, путем сохранения территории жилой площади, предоставляющий защиту имущества или активов, приобретенных во время пребывания в "главной стране", с другой стороны, поддерживает хорошие отношения с некоторыми коренными жителями, которым близки национализм и / или ксенофобия (revolucionarios).

То, что касается последней капли, не стоит забывать, что эта революция началась с краха одного представителя класса "иностраных колонистов" принадлежащего к элите министра Лаймантора. Он уже не участвовал в гонке за пост президента Мексиканской Республики в 1900 году в связи с его происхождением: «Барранда [министр образования], вероятно, соглашаясь с Диасом, заметил, что Лаймантор, сын француза, не имел права претендовать на пост президента республики». [...]

[...] реформы, начатые националистическими революционерами предлагали жителям Мексики модель "нации по-французски". [...] Статья 27 Конституции 1917 фактически восстановила мексиканский суверенитет за счет "иностранной вездесущности", "иностраный капитал всегда приветствуется при условии, что признает экономические права трудящихся, и не стремится иметь больше привилегий, чем мексиканский». Это шаги французской экономической и социальной интеграции в конечном итоге отложили их национального происхождения на второй план, с тем, чтобы принять новые ценности общества, в котором они жили или хотели бы остаться.

Иными словами, сплоченность народа вокруг центральной власти или государства, изученная в начале этого доклада была усилена изменениями, внесенными в Республике Мексика на учредительном собрании 1917 года, а затем и политика, принятая постреволюционным правительством. Таким образом, общество, отказываясь от части своего суверенитета в "верховой власти" (центральная конституционной власти) обеспечило существование «мексиканского народа». Общество образованное французской колонией, вовлечённое в результате этих событий, также передали свои полномочия в качестве автономной организации с точки зрения экономической, социальной и даже политической власти и ради существования в "стране пребывания". [...]

[...] Потомки французов частично отказались от своего происхождения, чтобы воспользоваться льготами и правом вступления в политические круги Мексики. Так что же произошло с точки зрения их культурной принадлежности? Видимо, нынешний мексиканский националистическое течение, основанное на модели французского национализма попытались в начале двадцатого века "стереть культурное и этническое разнообразие страны, которая может представлять собой мозаику наций" 52. Государство-нация сделало большие усилия, чтобы успешно сделать культурное смешение, но это не уничтожило "памяти и бесценные показатели равновесия [социокультурного] Barcelonnettes и других французских людей Мексики". [...]

[...] В заключение, приведенная выше цитата позволяет нам констатировать, что для некоторых людей, даже в общинах французских иммигрантов, произошла на самом деле политическая интеграции. Зато принадлежность к этнокультурной и социальной группе не может быть вычеркнута, несмотря на все усилия политиков-националистов: "Мы хотим сохранить память и подлинность французских потомков в Мексике и также мы готовы защищать культурное наследия нашего общества ". Вот такие цели были у ассоциации потомков французских иммигрантов в Мексике, основанной в октябре 2003 года. Можем ли мы тем самым показать, что этнокультурные принадлежности «не ограничиваются или прописаны раз и навсегда в рамках национального государства»? Во всяком случае, Мексиканская Республика продемонстрировала открытость для социальных изменений, которые, как правило, притягиваются к этнокультурным требованиям, официально признавая разнообразие народов. Это стало возможным благодаря реформе статьи 2 Конституции о "единстве" и "неделимости" мексиканской нации, в апреле 2001 года...

СОВРЕМЕННАЯ БРАЗИЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ

Иммануил Валлерстайн

ДАВНЯЯ ДИЛЕММА ЛЕВЫХ: бразильский опыт*

По случаю празднования 30-летней годовщины со дня основания Рабочей Партии Бразилии (РП) главная независимая газета левого толка *Brasil de Fato* опубликовала интервью с четырьмя видными представителями бразильской социал-интеллигенции. Все они когда-то были активными членами РП, более того участвовали в ее основании. Трое из них покинули ряды партии. Историк Мауро Иаси вступил в Коммунистическую Партию Бразилии (КПБ), социолог Франциско де Оливейра - в Партию Социализма и Свободы (ПСС), а историк Руда Ричи предпочел остаться независимым политиком-левоцентристом. Что же касается четвертого политика – историка Валтера Понера, то он и по сей день является ключевой фигурой в левой фракции Рабочей Партии Бразилии.

Их оценки того, что Ричи называет «давней дилеммой бразильских социалистов: как пользоваться популярностью и в то же время оставаться социалистом» разительно отличаются одна от другой. Однако же с этой дилеммой испокон веков сталкивались социалисты не только в Бразилии, но и по всему миру. И так продолжается по сей день.

Бразилия – самая подходящая страна, на примере которой можно проанализировать данную дилемму, более того, посмотреть, что происходит на практике. Почему? Во-первых, потому что Бразилия – это страна с давней и активно развивающейся политической традицией, и на сегодняшний день многопартийная система прочно заняла свои позиции. Во-вторых, Бразилия – это страна, где за по-

* Wallerstein I. Ancient Dilemma of the Left: The Case of Brazil / I. Wallerstein // <http://www.iwallerstein.com/ancient-dilemma-of-the-left-the-case-of-brazil/> Публикуется с разрешения <http://www.iwallerstein.com/> Перевод с английского И.О. Сухомлинова.

следние годы наблюдается бурный экономический рост. И наконец, Бразилия – это страна, имеющая огромное политическое влияние в регионе Латинской Америки. Итак, возникает вопрос: как нам измерить уровень «популярности» партии и как оценить ее социальные достижения?

Перед началом интервью корреспондент газеты *Brasil de Fato* упомянул о двух вещах: во-первых, о том, что Президент Луиз Инасио Лула да Силва («Лула») является очень харизматичной политической фигурой, а со времен редемократизации самым популярным президентом Бразилии; во-вторых, о том, что в ходе своей 30-летней деятельности Рабочая Партия привлекла на свою сторону большое количество избирателей из числа беднейшей прослойки населения. Он подчеркнул также, что для того, чтобы стать еще популярней, «партии придется стать более прагматичной».

Как же отреагировали интервьюируемые на такое условие? Ричи обозначил «Лулизм» как приоритет в работе партии, что противоречит первоначальной концепции РП. По его словам, РП стала слишком «американизированной». На сегодняшний день партия представляет собой всего лишь избирательный механизм. Левым тяжело приобретать популярность, потому что они слишком привержены своим «европейским теоретическим корням». Как он говорит, массовая культура является «многогранным и консервативным явлением», а Лула полностью вписывается в концепцию массовой культуры. Что же касается РП, она является сторонницей административно-командной экономики в силу чего, по духу консервативна и прагматична. Проблема состоит в том, чтобы вернуться к первоначальной «утопичной идее РП социал-демократического направления, не становясь при этом элитистами».

Иаси считает РП одной из двух главных партий Бразилии, левоцентристской партией с мелкобуржуазной программой. Эта партия заплатила свою цену за получение поддержки, а именно «отшла от своих первоначальных принципов и политических целей». «Лулизм» или «популизм» - это своеобразный способ привлечения народных масс к поддержке той политики, которая на самом деле не соответствует их интересам.

Оливейра, для которого РП образовывалась на основе теологии освобождения, а также движения демократизации, сейчас видит партию просто как часть в составе «сборной солянки» многопартийной системы Бразилии. Социалистическая концепция – это не та, которая основана на поддержке «бедных», а та, которая основана на классовом анализе. Говоря о программе РП о национализации, можно сказать, что она давно уже устарела и является частью «инфантильного заболевания административно-командной экономикой». Эта программа призвана усилить мощности бразильской про-

мышленности, однако никоим образом не связана с левым движением или социализмом.

Понер же видит ситуацию совсем по-другому. Он согласен с тем, что в начале своей деятельности правительство Лулы имело социально-либеральную направленность. Однако с 2005 года политические взгляды партии сдвинулись влево. По его словам, партия действительно придерживается теории девелопментализма. Однако существует две разновидности данной теории, одна из них консервативного толка, а другая – демократического. Учитывая, что капитализм находится в кризисе, «социализм возвращается на политическую сцену».

Поразительно то, что во всех этих трех критических оценках деятельности Рабочей Партии присутствует страх перед «популизмом». И поразительно то, что во всех этих четырех обзорах отсутствует всякое упоминание о геополитике.

Через несколько дней после выхода статьи в *Brasil da Fato* Фидель Кастро опубликовал свои традиционные «Размышления» в *La Jornada* в Мехико. Это как раз совпало со встречей Кастро и Лулы. Кастро отметил, что знаком с Лулой уже 30 лет, то есть, со дня основания Рабочей Партии. Учитывая сложную историю Кубы в течение последних пятидесяти лет, Кастро заявил, что недавняя встреча в Канкуне, на которой было решено создать Сообщество Латиноамериканских и Карибских государств, куда была включена Куба и исключены США и Канада, являлась действительно априори важной для его страны. По большей степени эта встреча являлась заслугой Лулы.

Кастро подчеркнул «большую важность и символизм» этого недавнего визита Лулы, пока он еще являлся президентом Бразилии. Так же он описал свою «эмоциональную встречу с Лулой, его супругой и детьми» в их бедном простеньком домишке в 80-х годах и восхвалил то «удовольствие и безупречную скромность, с которыми Лула вел свою борьбу». Как мы видим, какая-либо критика в сторону Лулизма отсутствует вообще.

Все то, что представители левой бразильской интеллигенции раскритиковали, Кастро вознес на пьедестал – технологическое развитие Бразилии, рост ВВП, скорое вхождение страны в десятку самых крупных экономик мира. Он даже не обвинил Лулу за производство этанола, хотя вообще-то отрицательно к этому относится. Вот что он на это заявил: «Я прекрасно понимаю, что у Бразилии просто нет другого выхода, кроме как повысить производство этанола, так как она столкнулась с суровой конкуренцией со стороны США и Европы».

Заканчивает Кастро так: «Одна вещь остается неоспоримой: рабочий-металлург своими собственными усилиями превратил себя

в уважаемого государственного деятеля, к мнению которого прислушиваются на всех международных конференциях и саммитах».

Почему же у бразильских социалистов и Кастро настолько разное представление о Луле? Очевидно, что они говорили о двух совершенно разных вещах. Представители бразильской левой интеллигенции рассматривали преимущественно внутреннюю жизнь страны и оплакивали тот факт, что Лула был *в лучшем случае прагматиком, который в своих политических убеждениях был чуть левее центра*. Кастро же скорее рассматривал геополитическую роль Бразилии и самого Лулы, который, как он это видит, является серьезным союзником в борьбе против своего основного противника, американского империализма.

Что же предпочтительнее для левых политиков? Этот вопрос касается не только Бразильской политической жизни. Это вопрос, который может быть задан практически по всему земному шару, рассматривая, конечно, историю и геополитическое положение отдельно взятой страны.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В БРАЗИЛИИ:

социальная политика Лулы против неолиберальной экономической политики?^{*}

Последние месяцы [перед выборами, запланированными на 2010 год – *прим. ред.*] показали, что это очень трудно в Бразилии, втайне в маленькой комнате принять решение: очевидно, Лула сделал ставку на то, что со своим кандидатом Дилмой Роуссффом будет вести двойную предвыборную борьбу. Уже в первой половине 2009 года примерно за полтора года до выборов шло обсуждение противоречия «Социальная политика Лулы – неолиберальная экономическая политика Фернанду Энрикеша». В таком случае для избирателей появилась чёткая альтернатива.

Вместе с тем Лула хотел свою огромную популярность передать своей кандидатке. Но действительность этот план разрушила, и кандидатка Марина Силва начала предвыборную гонку за Зелёную Партию. Марина была 20 лет в Партии Трудящихся и в 2008 году как министр окружающей среды в знак протеста экономической и экологической политики Лулы ушла в отставку. Она обладает харизмой и даёт для активистов Партии Трудящихся всё то, что отсутствует у Дилмы. Это потрясло возможности Дилмы и открыло следующему кандидату из правительственного лагеря пространство: Серу Гомешу – члену парламента из Сеары.

Точно остаётся то, что до сегодняшнего момента не существует одного официального кандидата в президенты. Вопросы социальной и экономической политики будут играть значительную роль. Лула дальше будет пытаться клеймить оппозицию как «неолиберальную», которая ставит точку на государственной социальной политике как «Bolsa Família».

«Bolsa Família» включает в себя на сегодняшний момент 11 миллионов семей с приблизительно 45 миллионами человек, которые являются целью данной пропаганды. Я надеюсь, что политика в области образования с целью так же, как и ранее делать упор на недостаточное качество школьного образования для широких кру-

^{*} Перевод с немецкого Е.С. Варгасовой. Печатается по: Lulas Sozialpolitik gegen neoliberale Wirtschaftspolitik? // Tópicos. – 2009. – No 3. – P. 8.

гов будет темой предвыборной борьбы, для того чтобы там наконец-то что-то было бы сделано. Лула уже начал предвыборную борьбу с темы «Pré-Sal», запланирована эксплуатация огромных месторождений нефти у берегов Бразилии, которая находится под слоем соли. Нефть поэтому будет добываться с помощью больших инвестиций. Здесь Лула хотел государственному контролю по средствам новой государственной фирмы и государственному контролируемому нефтяному гиганту Petrobras отдать приоритет перед крупными инвестициями. Оппозиция будет предпринимать коррупцию и экономический саботаж в институтах правительства и при союзниках Лулы. Недавние скандалы предлагают для этого богатый материал.

Возможно, это будет способствовать переходу избирателей из образованных слоёв Партии Трудящихся к другим партиям. Как раз многие люди поддерживали и выбрали Партию Трудящихся как этическую альтернативу к традиционной бразильской политике. Тем временем, Лула стёр границы, что многие сторонники разочаровались. Если в Бразилии не было бы обязательного участия в выборах, то можно было бы ожидать низкую явку избирателей. Но поскольку закон выше...

В области экономической политики они могли бы быть снова позитивной позицией к механизму рынка и сдерживающей роли государства, например, при добыче нефти. Это могло бы быть модернизацией государственной социальной политики, которая ставит на консерватизм и в частности за счёт улучшенного школьного образования откроет выход из круга бедности и недоразвитости. И это может быть внешнеполитический курс, который даёт Бразилии много свободы действия по отношению к популистическим идеологам на континенте и ему облегчает вместе с тем реализацию своих законных интересов. Во внешней политике Латинской Америки существуют на сегодняшний момент явные различия между Лулой и оппозицией; они будут иметь очень слабое влияние на решение большинства избирателей.

Сокращение абсолютной нищеты за счёт государственных трансфертных программ и дальнейшего роста Бразилии как незаменимого актора на международной арене (G-20). В этом контексте принадлежит также продолжение политики стабильности, которая показала себя как решающая для их успешного преодоления особенно сегодня в условиях финансового кризиса. Может быть названа также стабилизация демократии в сложном латиноамериканском регионе, так как Лула преодолел все давление и искушения изменить конституцию для дальнейшего переизбрания.

БРАЗИЛИЯ:

Лула и «неолиберализм с человеческим лицом»*

В конце января 2003 года, на Всемирном Социальном Форуме в Порту-Алегри, проходившем под лозунгом "Другой мир возможен", десятки тысяч участников, прибывших со всех уголков земного шара, приветствовали антиглобалистскую позицию Луиса Инасиу да Силвы - "Лулы". И ни один из докладчиков Форума, среди которых были представители интеллигенции, профсоюзные лидеры и общественные деятели, не заметил, что правительство Лулы уже передало макроэкономические бразды правления Уолл-Стриту и Международному Валютному Фонду (МВФ).

В то время как представители прогрессивных сил дружно аплодировали Луле, на другом конце политического спектра другой деятель также демонстрировал свой энтузиазм относительно Лулы. Этим деятелем был не кто иной, как Хорст Кёллер, директор МВФ.

В самом начале исполнения своих полномочий, участвуя во Всемирном Экономическом Форуме в Давосе, Лула счел необходимым заверить иностранных инвесторов, что "Бразилии не грозит дефолт по своим долговым обязательствам, как это случилось с нашим соседом Аргентиной".

Если это действительно так, то почему тогда Лула назначил на пост директора Центрального банка Энрике ди Кампуса Мереллеса, бывшего президента и генерального директора банка "Бостон Флит", который сыграл важную роль в аргентинском крахе? Насколько известно, этот банк был замешан в сомнительных финансовых операциях, которые способствовали драматическому падению аргентинского песо. Банк "Бостон Флит" - седьмой по значимости в Соединенных Штатах и второй (после "Ситигруп") крупнейший кредитор Бразилии.

"Бостон Флит" является также одним из финансовых и банковских учреждений, которые спекулировали против бразильского реала в 1998-1999 годах, что привело к грандиозному обвалу котировок на Бирже Сан-Паулу в "черную среду" 13 января 1999 года.

* Публикуется в сокращении по: Чосудовский М. Бразилия: Лула и «неолиберализм с человеческим лицом» / М. Чосудовский / пер. с франц. Е. Вешнякова, под ред. А. Тарасова // <http://saint-juste.narod.ru/lula.htm>

Согласно оценке "Латин Финанс" от 6 августа 1998 года, банк "Бостон" (который впоследствии слился с "Флит") отхватил 4,5 миллиарда долларов в рамках Плана "Реал" - при начальном вкладе всего в 100 миллионов долларов.

Бразилия сейчас находится в финансовых тисках. На ключевых постах, определяющих банковскую и финансовую политику в администрации Лулы, находятся лица, назначенные Уолл-Стритом, а Центральный банк контролируется банком "Бостон Флит".

Касиу Кашебу Лиме, бывшему топ-менеджеру "Ситигруп", было даровано руководство государственным "Банку ду Бразил". Первоначально, в 1976 году, Лима был приглашен на работу Энрике Мереллесом из банка "Бостон". Иначе говоря, руководитель "Банку ду Бразил" имеет личные и профессиональные связи с двумя самыми главными кредиторами Бразилии: "Ситигруп" и "Бостон Флит".

Новая команда, назначенная Партией трудящихся в Центральный банк, есть точная копия команды предыдущего правительства бразильского президента Энрике Фернанду Кардозу. Ушедший со своего поста президент банка Арминиу Фрага являлся бывшим сотрудником нью-йоркского "Квантум Фонда", принадлежащего Джорджу Соросу, финансисту и биржевому спекулянту с Уолл-Стрита.

Новый управляющий Энрике ди Кампус Мереллес продолжил это сотрудничество с Уолл-Стритом и МВФ и сохранил все принципы политики своего предшественника: жесткие финансовые ограничения, строгую экономию, высокие кредитные ставки и послабления в регламентации внешней торговли; последняя мера содействовала спекулятивной игре против бразильской валюты и утечке капитала из страны. В результате налицо еще один виток спирали увеличения внешнего долга.

Можно предвидеть, что МВФ и впредь будет провоцировать разрушение государственной банковской системы. И можно безошибочно утверждать, что новый руководитель "Банку ду Бразил" будет играть в этом процессе ключевую роль.

Неудивителен поэтому энтузиазм МВФ. Ведь главные рычаги финансово-экономического управления Бразилии находятся в руках основных кредиторов страны. В этих условиях неолибералы чувствуют себя великолепно, и "альтернативный" макроэкономический подход в "духе Порту-Алегри" попросту невозможен.

Новый президент Центрального банка Бразилии Энрике Мереллес являлся пламенным поклонником скандально известного министра финансов Аргентины Доминго Кавалло. Именно Кавалло в составе правительства Менема привел страну к глубочайшему социально-экономическому кризису.

В интервью, данном в 1998 году агентству "Латин Финанс", Мереллес заявил, что "самым важным событием для Латинской Америки было осуществление плана стабилизации Доминго Кавалло в Аргентине. Подход был иным: это не был контроль над ценами и денежными потоками. Это был контроль над денежной эмиссией и государственными расходами".

Этот пресловутый "контроль над денежной эмиссией", на который ссылается Мереллес, означал исключительно замораживание кредитования отечественных предприятий, что привело к падению деловой активности.

Результаты оказались впечатляющими: длинная череда банкротств, безработица и нищета. Не выдержав политики министра финансов Кавалло, на протяжении 1990-х большинство из числа находившихся под государственным контролем провинциальных и общенациональных банков (которые предоставляли займы промышленности и сельскому хозяйству) было продано иностранным банкам. "Сити Банк" и бостонский "Флит Банк" были в числе извлекущих выгоду из "реформ", осуществленных от имени МВФ.

Доминго Кавалло был также и архитектором "долларизации". Действуя по указке Уолл-Стрита, он осуществил привязку курса песо к курсу доллара. Центральный банк стал, таким образом, простым, чисто колониального типа, отделением Управления производства денежных знаков Министерства финансов США. Это привело к еще одному витку в спирали возрастания внешнего долга и к развалу национальной финансовой системы.

Разрушению финансовых структур страны, проведенному под руководством министра Кавалло, активно способствовали Уолл-Стрит и в особенности "Ситигруп" и "Флит Банк".

Через Управление производства денежных знаков печатание денег ставится под контроль иностранных кредиторов. Центральный банк практически больше не существует. Правительство в принципе не может осуществлять никаких внутренних инвестиций без согласия иностранных кредиторов. Федеральная резервная система США устанавливает контроль над денежной эмиссией; кредиты отечественным производителям могут быть предоставлены исключительно посредством увеличения внешней задолженности, исчисляемой в долларах.

Когда в 2001 году кризис в Аргентине достиг своего апогея, главные банки-кредиторы выкачали из страны миллиарды долларов. Расследование 2003 года установило ответственность за происшедшее не только министра Доминго Кавалло, но и многих иностранных банков, включая "Сити Банк" и "Бостон Флит" (директором последнего тогда был Энрике Мереллес).

То, что Центральный банк и министр финансов находятся под контролем Уолл-Стрита, ведет Бразилию к еще одному финансовому кризису, подобному тому, который потряс страну в 1998-1999 годах.

Макроэкономическая политика, избранная президентом Лулой, может, очевидно, привести в недалеком будущем к дефолту платежей по внешним долгам, а это будет иметь последствия дестабилизацию национальной валюты, реала, толкая Бразилию на путь "долларизации". Тогда может быть внедрено управление финансовой системой Бразилии Управлением производством денежных знаков под наблюдением Уолл-Стрита, то есть то, что было навязано Аргентине. Это будет означать, что американский доллар станет де-факто денежной единицей Бразилии. Результатом будет потеря экономического суверенитета. Центральный Банк утратит все свои функции, а валютно-финансовая политика, как и в аргентинском случае, будет определяться Федеральной резервной системой Соединенных Штатов.

Хотя это и не являлось официальной темой переговоров в рамках обсуждения Зоны свободной торговли обеих Америк, но, тем не менее, принятие американского доллара в качестве общей денежной единицы Западного полушария было темой дискуссий за закрытыми дверями. Уолл-Стрит, ищет, таким образом, пути расширения зоны своего контроля по всему полушарию, исподтишка, ловко захватывая национальные банки, включая и бразильские.

Зеленая банкнота уже была навязана в качестве национальной валюты в пяти латиноамериканских странах, в числе которых Эквадор, Панама, Сальвадор, Гватемала. Последствия этой долларизации в перечисленных странах выглядят катастрофическими: Уолл-Стрит и Федеральная резервная система США уже контролируют там финансовую политику напрямую.

Бразильское правительство должно извлечь уроки из аргентинского краха, где методы МВФ по "оздоровлению экономики" способствовали впадению страны в глубокий социально-экономический кризис. Если только в ее политике не произойдет глубоких изменений, то Бразилия придет к краху, подобному аргентинскому.

В то время как новое правительство Партии трудящихся претендует на то, чтобы быть "альтернативой" неолиберализму, имея своей целью уменьшение бедности и перераспределение богатства, его денежная и налоговая политика находится в руках кредиторов с Уолл-Стрит.

МВФ и Всемирный Банк хвалят Лулу за его добровольное обязательство следовать основополагающим принципам экономики неолиберализма. Согласно МВФ, "Бразилия на верном пути". Все-

мирный Банк также похвалил бразильское правительство, заявив, что "Бразилия следует смелой социальной программе в сочетании с ответственной налоговой политикой".

О какой "альтернативе" может идти речь, когда правительство, взявшее на себя обязательство "бороться с неолиберализмом", становится страстным защитником "свободного рынка" и "шоковой терапии"? Неолиберальная политика правительства Лулы, прикрываемая популистской риторикой, остается неизменной.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БРАЗИЛИИ, 2003 – 2010:

«Партия трудящихся» у власти

На современном этапе Бразилия – современное демократическое государство, идущее по пути обновления, экономического и социального реформирования. Бразилия – одна из ключевых стран развивающегося мира, его лидеров. По объему ВВП она занимает первое место в Латинской Америке, являясь основной экономикой в МЕРКОСУР.

Интерес к Бразилии – стране, столь удаленной от России и географически, и исторически – в последние годы резко возрос и постоянно продолжает расти. В числе причин этого явления – глубокие изменения, происшедшие в системе международных отношений после завершения эпохи «биполярного мира», смена внешнеполитических ориентиров РФ (преодолевших замкнутость и разделение мира на «своих» и «чужих»), а также беспрецедентные процессы в странах Латинской Америки, ознаменовавшиеся переходом от эпохи диктатур к демократии. Каждая из стран этого континента избрала собственный вариант «перестройки», выдвинула своих лидеров. Опыт каждой из них заслуживает изучения и осмысления, но опыт и практика политических процессов в Бразилии и на этом фоне выделяются как своими масштабами, так и глубиной воздействия на политическую ситуацию на всем континенте. В немалой степени интерес к Бразилии связан и с развитием российско-бразильских отношений, и с активной деятельностью обоих государств в рамках БРИК – инновационной системы, намечающей перспективы будущего мироустройства.

В последние два десятилетия демократического режима в Бразилии, эта страна обрела статус региональной державы, что доказывалось главенствующей ролью Бразилии в Зоне свободной торговли стран Южного конуса (МЕРКОСУР). Партнерство с латиноамериканскими соседями, наращивание усилий по линии Юг-Юг, борьба за установление справедливого мирового экономического порядка и за изменение географии мировой торговли, по выражению президента Лулы де Сильва, – все это является разными сторонами одного процесса, а именно – продвижения Бразилии к обретению глобального актора международных отношений¹.

Данная статья посвящена особенностям развития Бразилии в период правления президента Лулы де Сильва, который начинается с президентских выборов 2002 года и продолжается по сей день.

Выборы 2002 года полностью вписывались в бразильскую традицию избирательных кампаний этапа демократического транзита и консолидации демократии, если иметь в виду свободное и энергичное соревнование кандидатов, демократический и строго конституционный характер выборов.²

В предвыборную борьбу вступили шесть кандидатов. Каждый из них был видным политическим деятелем, известным всей стране. Жозе Серра, министр планирования, а затем здравоохранения в кабинете Кардозу, друг и соратник последнего, впервые выдвигался на выборы, выступая в качестве преемника действовавшего президента³ (Фернанду Энрике Кардозу, был президентом Бразилии с 1995 по 2003 гг.). Сиро Гомес, кандидат от социалистической народной партии (ППС). Антониу Раротинью представлял Бразильскую социалистическую партию. Еще два кандидата – губернатор штата Мараньян Розеана Сарней и Энеас Карнейру стали – по разным причинам – аутсайдерами предвыборной кампании. Однако абсолютным фаворитом предвыборной гонки являлся лидер левой Партии трудящихся (ПТ), руководитель профсоюзного движения Луис Инасиу да Сильва (в Бразилии его называют Лула). Да Сильва баллотировался в четвертый раз. Почему на этот раз он выиграл? Как это знают средние бразильцы и журналисты, - экономический кризис, безработица и растущая инфляция вынудила даже многих консервативных избирателей отдать голоса за да Сильву⁴. Большая надежда бразильских рабочих, крестьян и жителей городских трущоб возлагалась на победу Лулы. Голосование за Лулу было всеобъемлющим отказом от политики всех прошлых администраций по соглашательству с международными банками. Во время своей кампании Лула критиковал политику свободной торговли и контроль США над Латинской Америкой. Он пообещал, что его основным приоритетом будет создание миллионов рабочих мест. Его происхождение из среды рабочего класса и карьерный рост в среде бедности также сыграли большую роль в победе этого кандидата.

На президентских выборах в октябре 2002 г. среди основных претендентов фигурировали исключительно представители левых и левоцентристских партий. Луис Инасиу Лула да Сильва набрал 46,4% голосов в первом и 61,3 % во втором туре. В результате выборов впервые в истории страны произошла смена политических элит.

Сходная ситуация наблюдалась и на всеобщих выборах в октябре 2006 года. Основная борьба развернулась между кандидатами Партии трудящихся и Партии бразильской социал-демократии. Лула да Сильва и Жералду Алкмин получили соответственно 48,6% и

41,6% голосов в первом и 60,8% и 39,2% во втором туре. Поскольку программы обоих политиков были сходными, существенную роль в предпочтениях электората сыграли личности президентов. Умеренный политический курс администрации Лулы во время первого срока правления обеспечил ему поддержку довольно широкого спектра центристских и левых политических сил⁵.

В 2010 году намечаются новые президентские выборы, что означает конец правления Лулы. Поэтому на сегодняшний день уже можно сделать выводы о значимости его фигуры в развитии Бразилии и дать комплексный анализ его внутренней и внешней политике.

В целом можно сказать, что победа Лулы на президентских выборах в 2002 году ознаменовала новую веху современной истории Бразилии. Наступил период постепенных, продуманных и необходимых реформ. Пожалуй, самой важной и необходимой в этот момент была борьба с голодом в Бразилии. «Именно в силу всех этих причин я определяю в качестве приоритетной цели моего правительства реализацию продовольственной безопасности «Нет голоду». Повторю слова, сказанные мною в моем первом выступлении после победы на выборах: если в конце моего президентского срока все бразильцы смогут завтракать, обедать и ужинать, я буду считать свою жизненную миссию выполненной»⁶ - заявлял Лула в начале своего президентского срока. Для того чтобы реализовать эту программу требовались не малые финансовые затраты. Поэтому Лула заявил о приостановке действия контракта по закупке истребителей для ВВС страны. Программа борьбы с голодом имела жизненное значение для Бразилии, поскольку на тот момент в этой стране недоедало огромное количество человек, по разным оценкам, от 44 до 46 млн. человек. 3 февраля началось действие программы, включавшей в себя распределение продовольствия и денежных выплат (50 реалов в месяц) для наиболее нуждавшихся 500 семей, а также проекты по обучению грамоте взрослого населения и строительства жилья. Программа финансировалась как из федерального бюджета, так и из федерального бюджета так и из фондов ЮНЕСКО⁷. Большим плюсом в реализации этой программой было то, что решение проблемы голода не сводилось к простой раздаче еды и денег, а было направлено на борьбу со структурными, глубинными причинами голода и нищеты, такими как безработица, низкая оплата труда, недоступные для бедняков цены на продовольствие. Это обусловило необходимость внедрения новой экономической модели, ориентированной на экономический рост, развитие внутреннего рынка, создание новых рабочих мест, повышение зарплат и снижение цен. Программу поддержало огромное количество населения, причем не только малоимущие граждане, а также предприниматели и армия

выступили за и оказали большое влияние на успешное проведение данного проекта. Однако, несмотря на это итоги реализации программы носили неоднозначный характер. С одной стороны, это стало важным шагом в преодолении социального неравенства и помощи голодающему населению. Были ассигнированы средства на создание «народных столовых» и подсобных хозяйств. С другой стороны в реализации программы выявилось немало трудностей. Например, то, что программу поддерживали лишь 5 штатов, отсутствие аграрной реформы забюрократизированность программы и медлительность ее реализации оказали негативное влияние на ход проекта.

Другая крупнейшая программа – «Семейный бюджет» к концу первого мандата Лулы охватила около 11 млн. семей, причем 6 млн. человек вышли из состояния крайней бедности. В стране было создано дополнительно 5,5 млн. новых рабочих мест.

Стоит заметить, что не все намеченные правительством Лулы реформы получили одобрение. Так пенсионная и налоговая реформы подверглись жесточайшей критике со стороны среднего класса (в частности, госслужащих). Не лучше обстояли дела с реформами в области здравоохранения и образования, где не удалось достигнуть существенных сдвигов. Глубинные причины неудачи ПТ – замедление реформ в социальной сфере, отсутствие ощутимых результатов и общее разочарование электората, недовольство средних слоев оказали большое влияние на популярность партии и доверие к президенту. Согласно социологическим опросам, проведенным в марте 2004 года, число одобрявших политику правительства снизилось с 75% в марте 2003 г. до 54% в марте 2004 г. Доверяли Луле в марте 2003 г. 80%, а в марте 2004 г. – 60% опрошенных⁸.

По итогам первого мандата Лулы де Сильва, несмотря на критику его политики, к положительным результатам можно отнести следующее:

1. правительству удалось не допустить финансовой дестабилизации, был достигнут определенный прогресс по ряду экономических показателей.
2. удалось установить контроль над инфляцией, снизить внешний долг и существенно ограничить воздействие внешних шоков на финансово-экономическое положение страны.
3. социальные программы, направленные на борьбу с голодом и бедностью в целом привели к положительному результату.

Успехи политики правительства в социальной сфере, харизматичная личность Лулы и его стремление поднять Бразилию до

уровня развитой державы способствовали переизбранию Лулы на второй президентский срок в 2006 году.

Вернувшись в сою резиденцию – президентский дворец Плана-лту, Лула выступил с речью. Он вновь подчеркнул свою неразрывную связь с народом и с теми маргинализированными группами, которые, даже составляя «социальное меньшинство», все равно являются частью народа. Свое выступление он закончил такими словами: «Хочу сказать вам, что я действительно являюсь президентом всех бразильцев – всех, невзирая на религиозные и идеологические различия. Но, чтобы никто не обманывался на сей счет, скажу, сто, даже будучи президентом всех бразильцев, я буду продолжать делать то, что делает любая мать: прежде всего я буду опекать самых нуждающихся, самых слабых, тех, кто в наибольшей степени нуждается в помощи государства».

В этих словах бразильского президента - ключ к пониманию его стратегии на период второго мандата – с 2007 по 2010 гг.⁹

В период второго пребывания на президентском посту Лула продолжил преобразования в социальной сфере. Также был запущен новый проект – «Программа ускоренного экономического роста», в которой рост экономики рассматривается как главное средство активизации социальной политики. «Программой» предусмотрено осуществление крупных проектов в области инфраструктуры, объявлено о крупных инвестициях в энергетику, строительство жилья и здравоохранение. Лула объявил об амбициозном проекте в области образования, назвав его главной задачей и главным вызовом своего второго мандата¹⁰. Речь здесь идет о значительном улучшении качества образовательной системы, введении обязательного среднего образования, выделении финансов на подготовку учителей и компьютеризацию школ.

В июле 2007 года правительство заявило о направлении крупного пакета инвестиций (примерно 1,25 млрд. евро) для борьбы с криминогенной обстановкой в фавелах Рио-де-Жанейро. Деньги предполагается направить на строительство дорог, системы канализации, жилья, детских садов и учреждений городского хозяйства.¹¹

При этом правительство не снимает с повестки дня осуществление важных структурных реформ (бюджетная, налоговая, пенсионная, судебная, административная), которые смогут закрепить макроэкономическую стабильность.

Международные эксперты констатировали прогресс в деле продвижения Бразилии по пути реформ. В 2007 г. ООН включила Бразилию в группу стран с высоким показателем ИЧР, что свидетельствовало об успехе социальных программ правительства. По данным Фонда Жетулиу Варгаса за время президентства Лулы средний класс вырос до 52%. В сентябре 2008 г. Лула заявил, что

большая часть доходов от недавно открытых месторождений нефти будет направлена на развитие социальной сферы¹².

На сегодняшний день промышленность страны активно развивается. В Бразилии производят высококачественную и конкурентно способную продукцию целлюлозно-бумажной, сталелитейной и горнодобывающей промышленности, также ведется добыча природного газа и нефти, развивается авиационный комплекс, в больших количествах производится этанол и мясная продукция.

Среди различных отраслей производства наибольший рост наблюдается в строительной промышленности (8%). Горнодобывающая промышленность в 2008 году выросла на 4,3% , благодаря ежегодному увеличению в 5,2% добычи нефти и газа¹³.

В абсолютном исчислении ВВП Бразилии составил в 2009 году 1,775 трлн. долларов, отмечает IBGE. Несмотря на то, что ВВП Бразилии потерял в 2009 году 0,2% (для сравнения Китай +8,7% и Индия +6,5%), его динамика оказалась лучше, чем в большинстве развитых стран, таких как США(- 4,1%) и стран Евросоюза(- 2,4%)¹⁴. По прогнозу бразильского правительства и экономических аналитиков, в этом году рост ВВП Бразилии превысит 5%¹⁵.

Изменения, происходящие в реальном секторе экономики, свидетельствуют, что при всех трудностях и проблемах, в большинстве отраслей наблюдаются позитивные сдвиги. Идет достаточно успешный процесс модернизации за счет внедрения современных технологий, роста производительности труда и улучшения качества товаров и услуг. Все это дает основания предполагать, что в Бразилии экономическое развитие «по-восходящей» будет продолжено.

Главный упор властей в ближайшем будущем будет направлен на оживление внутренней деловой активности и потребления. При этом широкая собственная сырьевая база лишь облегчит Бразилии выход из экономического спада, так как обеспечит производство дешевым и доступным сырьем.

В начале февраля 2009 года Лула да Силва объявил о мерах, которые должны подхлестнуть экономический рост. «Я работаю с учетом вероятности, что мы можем испытать экономический спад в бразильской экономике, но я не думаю, что Бразилия пострадает в той же степени, что развитые страны, – заявил Лула да Силва, выступая перед журналистами в Рио-де-Жанейро. – Я убежден в том, что если в мире существует страна, которая быстро выберется из кризиса, то это Бразилия»¹⁶.

Главнейшим приоритетом правительства Лулы да Силвы на всем протяжении его президентства, несомненно, явились внутренние реформы. Однако не менее важным для кабинета стали вопросы внешней политики: она рассматривалась как рычаг, инструмент, призванный создать позитивный образ Бразилии за рубежом, при-

влекать новых союзников и партнеров, которые поддержали бы на международной арене глубокие социальные реформы внутри страны.

Присутствовало сознание того факта, что провозглашенное стремление обеспечить Бразилии достойное место на мировой арене нуждалось не в отдельных шагах, а в построении новой внешнеполитической концепции.

Отчет новой внешней политики начался с середины «переходного периода» – с декабря 2002 г. Формулирование нового курса и новых приоритетов Бразилии в международных делах, кристаллизация новых концепций складывались в ходе первых визитов Лулы в качестве избранного президента в ряд латиноамериканских стран и США. По итогам этих переговоров и визитов (еще до вступления Лулы в должность президента) главным внешнеполитическим приоритетом новой администрации было провозглашено «укрепление МЕРКОСУР и максимальное сближение с Аргентиной и Чили на двусторонней основе»¹⁷. На сегодняшний день МЕРКОСУР рассматривается правительством и МИДом Бразилии как средство более активного подключения страны к процессам глобального Регулирования в XXI веке. Укрепление МЕРКОСУР по-прежнему остается приоритетной задачей для Бразилии¹⁸.

В 2003 году получила практическое оформление озвученная в начале того же года идея Лулы о налаживании преференциального сотрудничества стран-гигантов, к числу которых были отнесены не только Китай, Россия и Индия, но и ЮАР¹⁹. Члены БРИК характеризуются как наиболее быстро развивающиеся крупные страны. Выгодное положение этим странам обеспечивает наличие в них большого количества важных для мировой экономики ресурсов. Бразилия — богата сельскохозяйственной продукцией, Россия — крупнейший в мире экспортёр минеральных ресурсов, Индия — дешёвые интеллектуальные ресурсы, Китай — обладатель дешёвых трудовых ресурсов. Это главные ресурсы, на которые опираются экономики этих стран. Высокая численность населения стран обуславливает дешевизну труда в них и, соответственно высокие темпы экономического роста. В конечном итоге, прогнозируется, что значительные размеры экономик этих стран в будущем позволят им трансформировать экономический рост в политическое влияние, что приведёт к формированию новой экономической элиты и снизит влияние «золотого миллиарда»²⁰. Проблематика БРИК рассматривается Бразилией в контексте построения многополярного мира, установления правового порядка в международных отношениях и создания новой системы международной безопасности. Немаловажное значение придается также тому, что, по словам Лулы,

должно выглядеть как «новая география международных торгово-экономических и финансовых связей»²¹.

Бразильско-американские отношения, начиная с 2003 года, характеризуются неоднозначностью. Серьезными раздражителями являлись такие события как включение в июне 2004 г. Вашингтоном Бразилии в «черный список» стран, якобы тайно готовящихся создать ОМП (Оружие массового поражения); отказ Бразилией в апреле 2005 г. допустить наблюдателя от США на встречу в верхах лидеров Латинской Америки и арабских государств в Бразилиа²² и др. Фоном для этих и других противоречий стал тот факт, что Лула, защищая национальные интересы, отверг американскую модель создания АЛКА (Всеамериканская зона свободной торговли), что привело к краху всего проекта. По сегодняшний день отношения США и Бразилии остаются достаточно сложными. В частности, Бразилия и США продемонстрировали разницу в подходах к таким темам, как иранская ядерная программа и демократия в Венесуэле. После трехчасового разговора с министром иностранных дел Селсу Аморимом госсекретарь США, Хиллари Клинтон осторожно намекнула в беседе с представителями СМИ, что Иран ловко лавирует и водит за нос Бразилию, Турцию и Китай. Также она отстаивала введение новых санкций против Тегерана. Но позиция президента Лулы да Силва по вопросу иранской ядерной программы пока что остается неизменной. Он заявил: "Не благоразумно загонять Иран в угол. Необходимо вести переговоры. Я хочу для Ирана того же, чего я хочу и для Бразилии: использовать атомную энергию в мирных целях. Если Иран выкинуть из этого процесса, мы не сможем прийти к согласию". Разногласия между США и Бразилией в оценке режима венесуэльского президента, Уго Чавеса, также стали очевидными. Хиллари объявила, что венесуэльское правительство «подрывает свободы» своих граждан и наносит ущерб соседним странам. Аморим уцепился за такой подход Хиллари, чтобы выделить разницу в отношении бразильского правительства, которое рассматривает Венесуэлу как полностью демократическое государство. "Я согласен, что Венесуэла должна иметь более крепкие связи с Югом. По этой причине мы сделали Венесуэлу членом МЕРКОСУР, а это будет положительным во всех отношениях", сказал министр²³.

В 2004 году состоялся первый в истории двусторонних отношений визит в Бразилию президента РФ, отмеченный подписанием конвенции об избежании двойного налогообложения и провозглашением курса на создание технологического альянса между странами. На этой основе президенты сочли возможным заявить об установлении между Бразилией и Россией «привилегированного

партнерства» в энергетике. Качественным сдвигом во взаимодействии двух стран стало их сотрудничество в формате БРИК²⁴.

Убедительная победа Лулы на выборах 2006 г., как представляется, ставит точку в спорах о том, имеет ли место в Латинской Америке феномен, получивший в зарубежной политологической литературе название «левый переворот». Бразильская модель этого переворота просматривается со всей определенностью. Важно учитывать, что в случае с Бразилией речь идет не о радикальном, а об умеренном варианте перемен. Приоритет социальных проблем, ликвидация нищеты, сужение сферы бедности – вот главные опорные пункты политики Лулы. Именно политика демократического правительства позволила встать на путь решения социальных проблем, преодоления тяжелого наследия 1980-х-1990-х гг., безработицы, бедности и неравенства. Следует отдать должное и реализму самого Лулы, прагматизму его ближайшего окружения, которые позволили осуществить реальные позитивные изменения в стране. Та траектория, которая задана нынешним президентом Бразилии, свидетельствует, что, в конечном счете, курс бразильских левых способствует позитивному изменению традиционного имиджа Бразилии, а в глобальном плане символизирует поступательное продвижение страны по пути развития, роста, модернизации.

¹ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. – 2006 г.) / Л.С. Окунева. – М.: МГИМО – Университет, 2008. – С. 9.

² Там же. – С. 37.

³ Там же. – С. 564.

⁴ <http://farc.narod.ru/outside/associ37.html>

⁵ Бразилия – восходящий центр экономического и политического влияния / Под ред. В.М. Давыдова. – М.: ИЛА РАН, серия «Саммит», 2008. – С. 20.

⁶ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. – С. 617.

⁷ Там же. – С. 637.

⁸ Couto C.G. El gobierno de Lula en busca de un rumbo / C.G. Couto // America Latina Hoy – Salamanca, 2004. – No 37. – P. 36

⁹ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. – С. 739.

¹⁰ Там же. – С. 766.

¹¹ Бразилия – восходящий центр экономического и политического влияния. – С. 24.

¹² Там же. – С. 25.

¹³ <http://www.brazil.gov.br/sobre/economy/economy-sectors/industry>

¹⁴ <http://www.rosinvest.com/news/661002/>

¹⁵ http://russian.china.org.cn/international/txt/2010-03/12/content_19593458.htm

¹⁶ <http://www.brazil.ru/ru/articles>

¹⁷ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. – С. 678.

¹⁸ Бразилия – восходящий центр экономического и политического влияния. – С. 47.

¹⁹ Там же. – С. 24.

²⁰ О взаимодействии в формате БРИК // Сайт Президента РФ. (рус.) — 17.06.2009.

²¹ Бразилия – восходящий центр экономического и политического влияния. – С. 51.

²² Там же. – С. 57.

²³ <http://www.inosmi.ru/latamerica/20100304/158445473.html>

²⁴ Бразилия – восходящий центр экономического и политического влияния. – С. 61.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Хайме Партии

ГЕГЕМОНИЯ, ПРОСТРАНСТВО И СООБЩЕСТВО В КОЛОНИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ:

земельная собственность в Пуэрто-Рико*

Ismael García-Colón. Land Reform in Puerto Rico: Modernizing the Colonial State, 1941-1969. New Directions in Puerto Rican Studies. Gainesville: University Press of Florida, 2009. 184 pp. \$69.95 (cloth), ISBN 978-0-8130-3363-1.

Во введении к своей работе «Земельная реформа в Пуэрто-Рико», ее автор Исмаэль Гарсия-Кольон информирует читателя, что данное исследование является комбинацией нескольких теоретических подходов: социальной и исторической антропологии, политической науки и истории. Гарсия-Кольон использует устные интервью, опросы участников событий и изучение архивных документов, чтобы проанализировать специфический исторический процесс, который способствовал консолидации нового, «современного» колониального государства в Пуэрто-Рико. Он пишет, что его «целью при выборе данного подхода являлось помочь объединить пуэрториканские, латинские, карибские и латиноамериканские исследования» (стр. 6). В достижении этой цели Гарсия-Кольон достиг завидных успехов.

Гарсия-Кольон изучает результаты определенных серий земельных реформ в Пуэрто-Рико, начиная с Земельного Акта 1941 года. Он анализирует изменения, произошедшие в результате принятия этого и других законодательных актов в контексте общей стратегии 1940-х и 1960-х годов, направленной на «модернизацию» сельских поселений, особенно в Латинской Америке. В своей работе автор рассматривает подчиненный класс безземельных сельскохозяйственных рабочих Пуэрто-Рико, функционирующий в такой

* Публикуется по: Jaime Partsch. Review of García-Colón, Ismael, Land Reform in Puerto Rico: Modernizing the Colonial State, 1941-1969 // H-LatAm, H-Net Reviews. November, 2009 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=25142> Перевод с английского А.А. Болдырихина.

социальной системе, где динамический вопрос использования и значения земельных ресурсов является весьма сложным и проблематичным. Он старается показать, как для *agregados* (безземельных работников на фермах) не только были разработаны правительственные программы по интеграции их в «современное колониальное государство», но и сами эти работники являлись сторонниками и активными участниками реорганизации общества, управления экономикой и поиском своего места в новых социальных условиях, которые и были собственно результатом земельной реформы. Автор использует гегемонистские теории Антонио Грамши для того, чтобы объяснить взаимоотношения между сообществами *agregado* и новой колониальной бюрократией в Пуэрто-Рико. Гарсия-Кольон преподносит развитие этих сообществ как пример согласия и принуждения, которые, согласно Грамши, и составляют гегемонистскую динамику. Даже несмотря на то, что сельские жители поначалу могли и поддерживать цели правительства, преследуемые в ходе реформ, в течении последующих десятилетий и они, и чиновники скорректировали свои взгляды и поставили новые задачи, сообразуясь с изменяющейся экономической ситуацией на острове. В итоге автор демонстрирует, как планы по индустриализации и перераспределении земельных ресурсов в современном Пуэрто-Рико, потерпели неудачу и правительство не смогло привлечь достаточно рабочих на заводы и фабрики, чтобы переориентировать экономику на производственную сферу.

При рассмотрении земельной реформы в Пуэрто-Рико автор придерживается концепции «восходящего» анализа. Он ярко иллюстрирует те изменения, которые имели место в данных сообществах, с точки зрения *parceleros* (так называли тысячи безземельных пуэрториканцев, которые получили земельные участки в рамках правительственной программы реформ). Десятки устных интервью дополняют общую картину и помогают лучше понять менталитет граждан. С этой же целью автор обращается и к своему личному опыту. Он сам является сыном *parcelero*. Несмотря на то, что распределение земельных участков по программе «Новое дело» было проведено в начале 1930-х годов, только в середине 1940-х годов началась широкомасштабная кампания по вовлечению безземельных фермеров в процесс реформирования. В своей работе Гарсия-Кольон уделяет особенное внимание опыту своего родного сообщества, *Parcelas Gándaras*, что в городе Сидра, расположенном в центре Пуэрто-Рико. С этой позиции он рассматривает роль жителей *parcelas* в создании своих сообществ. Подобный «взгляд изнутри» придает книге особенно сильное чувство личного духовного единения автора с *agregados* и *parceleros*.

Работа четко структурирована и все основные темы хорошо разработаны. Вторая глава дает всю необходимую общую информацию о экономических и политических процессах в городе Сидра. Глава третья делает эффективное обобщение предпосылок земельной реформы, которые существовали до принятия закона 1941 года. В четвертой главе освещаются первоначальные шаги по перераспределению земельных ресурсов в рамках «Программы по переселению *agregado*», включая и сообщество *Parcelas Gándaras*. Пятая глава исследует и анализирует работу Администрации по социальным программам, которая была создана для формирования нового класса «граждан» в сообществах *agregado*. Главы 6 и 7 посвящены рассмотрению некоторых побочных эффектов программ земельной реформы. В этих двух главах автор обращает особое внимание на то, как во многих случаях жители данных сообществ, пользуясь поддержкой государства, быстро осваивались в новой обстановке и организовывали жизнь сообщества согласно своим личным интересам, зачастую полностью противоречащим целям, которые преследовало государство в процессе реформирования. В главе 7 Гарсия-Кольон наглядно показывает, что к 1960-м годам программа перераспределения земельных ресурсов де-факто полностью трансформировалась и стала более всего напоминать жилищную реформу, полностью утратив связь со своей первоначальной задачей по развитию сельского хозяйства и повышения его продуктивности. Программа индустриализации началась в конце 1940-х годов и затем была расширена путем введения администрацией Луиса Муньос-Марина подобной же программы под названием «Операция по начальной загрузке», которая ставила своей первоочередной задачей развитие промышленного производства как основного условия создания эффективной экономической системы на острове. Правительство старалось в дальнейшем создавать сельскохозяйственные сообщества в непосредственной близости к новым заводам и фабрикам, что способствовало притоку дешевой рабочей силы на промышленные предприятия и создавало для бывших сельскохозяйственных работников более высокодоходные рабочие места. В течение последующих двух десятилетий жители сельскохозяйственных общин утратили связь с земледелием и переквалифицировались в заводских рабочих. Тем не менее, сложившаяся ситуация была непростой, так как в результате «Операция по начальной загрузке» не удалось создать устойчивую индустриальную базу с привязкой к островной экономике. В итоге, спад производства в течении последних десятилетий оставил бывших крестьян без работы и без земли. В заключении к данной работе автор изучает влияние этой тридцатилетней программы на формирование характеристик современного Пуэрто-Рико.

Здесь Гарсия-Кольон утверждает, что большинство исследователей проблемы земельной реформы и политических процессов в Пуэрто-Рико двадцатого века, недооценили важность «Программы по переселению *agregado*». Недавние события на острове только подтвердили релевантность тем, которые освещает данная работа. Использование политиками земельного законодательства и механизмов реформы в своих целях остаются для острова актуальными и на сегодняшний день. Самый последний тому пример — это ситуация в городе Сан Хуан. Около тридцати пяти тысяч окрестных жителей заявили протест на намерения мэра лично распределять собственность среди населения этих мест. В ответ на это мэр заявил, что приостановит предоставление коммунальных услуг в данных районах, если протесты не прекратятся*. В дополнение к этому островные газеты ежедневно сообщают об угрозах правительства принудительно выселить сообщества сквоттеров в городе Тоа Баха. Политическое значение земельной реформы с 1941 года изменялось, но борьба между господствующими и подчиненными группами населения за эффективный контроль над спорными территориями на острове продолжается и в двадцать первом веке.

Земельная реформа в Пуэрто-Рико будет интересна для тех, кто желает узнать больше о подобных латиноамериканских проектах середины двадцатого века. Персональные интервью, изучение исторических источников и серьезная аналитика выводят данную книгу в список рекомендованных к прочтению.

* Preparado Santini para repartir títulos de propiedad Caño Martín Peña // El Vocero de Puerto Rico. — 2009. — June 25

РОССИЙСКОЕ БРАЗИЛОВЕДЕНИЕ:

между консервативной стабильностью,
методологическим кризисом и
маргинализацией

Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире / Б.Ф. Мартынов. – М.: Наука, 2008. – 320 с. ISBN 978-5-02-036838-5

Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. – 2006 г.) / Л.С. Окунева. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 823 с. ISBN 978-5-9228-0378-6

Современные гуманитарные исследования развиваются в условиях междисциплинарности, постоянно возрастающей роли сравнительного подхода для изучения исторических, политических, культурных и интеллектуальных процессов. Западные «региональные исследования» известные в России как «регионоведение», «регионалистика», «регионология» стали проявлением тенденции к междисциплинарности и полидисциплинарности гуманитарного знания. В рамках современной модели гуманитарного знания в Европе, Северной и Южной Америке не существует и никогда не существовало «региональных исследований» в чистом, изолированном, виде. Западные *Latin American Studies*, «латиноамериканские исследования», и *Brazilian Studies*, «бразильские исследования» (как проявление специализации или более частная форма «латиноамериканских исследований») представляют собой совокупность исследовательских школ, сфокусированных на междисциплинарном изучении Латинской Америки в целом и Бразилии в частности.

Современная российская латиноамериканистика в отличие от западных аналогов развивается иначе: лишенные методологической основы в виде принципов полидисциплинарности и компаративности российские латиноамериканские исследования пребывают на периферии гуманитарного знания и имеют в ряде случаев маргинальный и политизированный характер¹. Подавляющее большинство работ, посвященных Латинской Америке, словно свидетельствует о том, что «интеллектуальное раскрепощение» (термин Н.Е. Ко-

посова²), пережитое российскими гуманитариями в 1990-е годы, почти не коснулось латиноамериканистики, Российская латиноамериканистика, несмотря на распад СССР, в «эпоху нулевых» (2000-х гг.) продолжает использовать старый и устаревший методологический аппарат и инструментарий, развиваться по инерции, унаследованной от советской эпохи, что проявляется в сохранении не только организационной структуры, основанной на доминировании ИЛА РАН как единственной специализированной научно-исследовательской институции, но и в применении, как правило, советского и, поэтому, морально устаревшего инструментария проведения научного исследования.

Инерционная модель развития гуманитарного знания, сосредоточенного вокруг узкоспециализированных институтов, в том числе – и ИЛА РАН, привела к тому, что латиноамериканистский дискурс в современной России функционирует как «традиционно эпистемологический», а сами латиноамериканисты (в первую очередь – представители старшего поколения) склонны именно российскую (а некоторые – и советскую) рассматривать как «непререкаемую ценность»³. Именно поэтому российская латиноамериканистика обладает рядом особенностей, которые отличают ее от востоковедения или американистики и канадоведения, а именно: значительная централизация научного производства в условиях доминирования ИЛА РАН; практически полное отсутствие региональных исследовательских центров; политизация конечного научного продукта. С другой стороны, доминирование подобных тенденций не исключает появления новых оригинальных и интересных исследований, которые будут в центре авторского внимания в настоящей статье.

Монография Л.С. Окуновой «Бразилия: особенности демократического проекта» к настоящему времени (книга вышла относительно недавно, в 2008 году, после ее публикации подобных по масштабу изданий не было) претендует на то, чтобы стать крупнейшей (по крайней мере, по страничному показателю – 823 страницы) работой, посвященной проблемам как истории политической науки в Бразилии, так и особенностям процесса демократизации в этой стране. Вместе с тем, книга отличается громоздкой структурой, неся в себе родовые травмы монографии, написанной на основе более ранних работ и диссертационного исследования.

Книга, состоящая из трех разделов и десяти глав, охватывает события, начиная с 1960-х годов. В центре внимания Л.С. Окуновой в первом разделе, названного «В преддверии “демократического прорыва”». Интеллектуальная элита Бразилии и ее роль в процессах политического обновления», проблемы развития «политической мысли» в 1960 – 1990-е годы. Л.С. Окунова детально анализирует наиболее интересные, на ее взгляд, тенденции в развитии бразиль-

ского гуманитарного дискурса, рассматривая роль различных политологических и социально-экономических концепций («теория зависимости», теория модернизации, концепция демократии) в развитии бразильской политологии, уделяя значительное внимание также проблемам статуса политических наук в Бразилии, взаимосвязи политических исследований с политической конъюнктурой.

Второй раздел монографии Л.С. Окуновой «На старте демократизации (вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.). Противоречивость демократического проекта: что показал опыт Бразилии» посвящен проблемам политической демократизации во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов. Эта часть рецензируемой книги содержит претензию / заявку на междисциплинарность. Автор пытается анализировать как экономические (особенности бразильской модели приватизации, направления борьбы с инфляцией, политика борьбы с бедностью), так и политические (точнее – политологические) измерения демократического транзита в Бразилии. Особое внимание в настоящем разделе уделено интеллектуальным противоречиям, связанным со спецификой развития политической культуры и ролью традиционализма в новейшей бразильской истории. Кроме этого, благодаря главам, посвященным деятельности президента Ф. Коллора и попытке сравнительного анализа реформ в Бразилии и позднем СССР, раздел кажется в значительной степени перегруженным.

Третий раздел «От старта демократизации к демократической консолидации: особенности и противоречия, парадоксы и достижения Бразилии (первая половина 1990-х – 2006 гг.)» несет в себе родовые травмы двух предыдущих, сочетая анализ проблем, которые вполне заслуживают самостоятельных разделов. С одной стороны, одна из двух глав раздела посвящена «эре Кардозу», в то время как вторая – «эпохе Лулы». Подобное сочетание придает разделу характер фрагментарности и незавершенности.

Структура рецензируемой монографии Л.С. Окуновой может быть определена как «комодная». Подобный термин применил при рецензировании «Истории России с древнейших времен до 1918 года» П. Милюкова и Ш. Сеньобоса, вышедшей в 1932 году, Люсьен Февр⁴. Характерной чертой методологии Л.С. Окуновой является несовременность. Используя аналогию, предложенную Л. Февром, рецензируемая в настоящем обзоре монография Л.С. Окуновой, представляет собой огромный и неповоротливый комод: в верхнем ящике – политическая мысль (теория зависимости, рядом другие социальные науки), в среднем ящике – теории модернизации и зависимости, а в самом нижнем, который получился и наиболее большим, все остальное, чему не нашлось места в двух верхних – от Ф. Коллора до Лулы.

Книга Л.С. Окуневой в некоторой степени является дискуссионной, в первую очередь в той части, которая посвящена проблемам развития интеллектуального сообщества в Бразилии. На некоторых из положений концепции Л.С. Окуневой следует остановиться более подробно. Вероятно, Автор в некоторой степени преувеличивает ту роль, которую в интеллектуальном дискурсе Бразилии играла теория зависимости. Следует принимать во внимание то, что социально-культурные теории Жилберту Фрейри и бразильская версия девелопментализма, предложенная Сельсу Фуртаду, пользовались не только большей популярностью, но и оказали значительное влияние на формирование и развитие интеллектуального дискурса в Бразилии.

Анализируя теорию зависимости, Л.С. Окунева полагает, что та сформировалась под влиянием «кубинской революции и роста популярности идей марксизма». Подобный рост имел место, но не следует его связывать исключительно с кубинским влиянием. Во внимание необходимо принимать то, что значительная часть бразильских интеллектуалов, пришедших в науку на протяжении 1960 – 1980-х годов, получила образование в США, откуда ими были принесены идеи лефтизма, которые имели больше точек соприкосновения не с марксизмом, о котором пишет Л.С. Окунева, а с англосаксонским неомарксизмом⁵, интеллектуальное воздействие со стороны которого оказалась вне сферы авторского внимания в рецензируемой книге.

Вызывает сомнение и список бразильских политологов и экономистов «с мировым именем», приведенный на странице 38. Из семнадцати авторов к числу «классиков» могут быть отнесены лишь трое – Сельсу Фуртаду, Флорестан Фернандес и Октавиу Ианни. Второй превращен Л.С. Окуневой в «патриарха бразильской социологии» несмотря на то, что основные параметры и границы социологии как науки в Бразилии были заложены не в 1960-е, а в 1930-е году усилиями Жилберту Фрейри⁶ и Нестора Дуарти⁷. Вне сферы внимания Л.С. Окуневой остались не только исследования этих бразильских ученых, но и более поздняя литература, посвященная их научному наследию⁸. Усилиями Л.С. Окуневой классик бразильской литературы Машаду де Ассиз⁹ превратился «в бразильского философа XIX века», хотя в Бразилии Машаду де Ассиз имеет репутацию именно одного из создателей современной бразильской литературы, а не философии.

Кроме этого, интеллектуальная история Бразилии сведена Л.С. Окуневой почти исключительно к экономике и / или политической экономии в то время, как научный дискурс формировался культурологами, антропологами и литературоведами, создавшими междисциплинарное интеллектуальное пространство¹⁰. Игнорирование

многочисленных работ бразильских интеллектуалов свидетельствует, вероятно, о неприятии автором рецензируемой монографии принципов междисциплинарного анализа, основанного на разного рода постмодернистских исследовательских практиках. Именно поэтому, анализируя особенности интеллектуальной ситуации в Бразилии, Л.С. Окунева упускает из внимания то, что истоки интеллектуального прорыва 1960 – 1980-х годов были заложены в более ранний период, связанный с культурно-политическими дебатами 1930-х – первой половины 1940-х годов.

Не менее слабыми являются попытки Л.С. Окуновой связать рост числа изданий по гуманитарным наукам с отзвуками студенческих протестов 1968 года в Европе. Бразильские интеллектуалы, действительно, испытали мощное воздействие и влияние со стороны Франции, но не студенческих бунтов, а социально и культурно детерминированной модели исторического анализа, предложенной «школой Анналов»¹¹. О влиянии этого интеллектуального течения на бразильскую науку свидетельствует не только значительное число переводов¹², но и оригинальные исследования, которые остались вне сферы внимания Л.С. Окуновой, что делает ее работу односторонней.

Среди французских интеллектуалов, оказавших, как полагает Л.С. Окунева на бразильские политические и социальные исследования, Автором упомянуты Л. Альтюссер, Ж.-П. Сартр, А. Лефевр и Л. Голдман, но в этом списке мы не находим Ф. Броделя¹³, влияние которого на бразильскую науку не вызывает сомнений. Известно, что Ф. Бродель начинал свою научную карьеру именно в Бразилии¹⁴, оказав значительное влияние на развитие гуманитарных исследований, что не нашло отражения в работе Л.С. Окуновой. Кроме этого не менее значимым был фактор интеллектуального влияния со стороны идей Мишеля Фуко¹⁵, работы которого Л.С. Окуновой не упомянуты вовсе. Это относится и к американским и европейским концептам, связанным с ролью интеллектуалов в политических переменах и процессах¹⁶, а также работам ряда бразильских авторов, тесно связанных с американским научным сообществом, что, например, относится к Симону Шварцману¹⁷, которые оказались вне сферы авторского внимания в рецензируемой монографии.

Вне сферы внимания Л.С. Окуновой оказались работы, связанные с постмодернистскими концепциями гуманитарного знания как междисциплинарного проекта¹⁸. В этой ситуации попытки Л.С. Окуновой анализировать бразильскую политологию в чистом виде, отсекая культурные и социальные исследования, являются искусственными, что свидетельствует о методологическом консерватизме автора, зависимости от принятых в рамках консервативного течения в латиноамериканистике историографических схем и клише,

основанных на самодостаточности латиноамериканистике как таковой и полном отказе от анализа западных работ, что оправдывается якобы изначальной враждебностью Запада политическим aspirations Латинской Америки.

Незнакомство или неиспользование Л.С. Окуновой работ, о которых речь идет выше, привело к тому, что в ее исследовании складывается дегуманизированная версия новейшей бразильской истории, которая развивается вокруг политического центра. В этом контексте российская латиноамериканистика функционирует как узко провинциальная, если принять во внимание, что американские и собственно бразильские специалисты по новейшей истории Бразилии проявляют значительный интерес к «исторической антропологии»¹⁹ и микроистории²⁰ как формам междисциплинарного синтеза, который дает свои интересные результаты и формирует новые измерения исследования.

Всего этого в рецензируемой книге Л.С. Окуновой мы не найдем. Выдержанная в духе нормативной историографии, история Бразилии в прочтении Л.С. Окуновой получилась серийной и унифицированной. Л.С. Окуновой был создан такой продукт гуманитарного знания, который в конце 1980-х годов был определен французскими историками как «история коллективов и больших чисел»²¹. С другой стороны, использование междисциплинарного подхода и принципов исторической антропологии и микроисторического анализа бразильскими и американскими исследователями дает весьма интересные результаты при изучении проблем бедности и региональных особенностей Бразилии и, хотя Л.С. Окунева так же затрагивает эти факторы, тем не менее, ее интерпретация отличается излишним традиционализмом. Дегуманизация относится к числу родовых признаков российской латиноамериканистике, который она унаследовала от своей советской предшественницы, интересовавшейся почти исключительно экономическими и социальными процессами, искусственно сводимыми к политическим антагонизмам и классовой борьбе. На страницах книги Л.С. Окуновой мы сталкиваемся исключительно с несколькими десятками политологов, экономистов, политиков, министров, что полностью исключает из сферы анализа «человеческое» измерение бразильской истории 1960-х – начала 2000-х годов.

Появление книги Л.С. Окуновой в 2008 году, вероятно, свидетельствует о том, что для современной российской латиноамериканистики сохраняют свою актуальность, вопросы, сформулированные французскими авторами более тридцати лет назад и относящиеся к гуманитарным наукам в целом. В 1988 году французскими авторами был поставлен ряд вопросов, а именно: какие формы обобщения знания являются наиболее оптимальными? применимы

ли в исторических исследованиях иные формы аргументации, отличные от тех, которые уже используются? как работать исследователю на стыке различных дисциплин?²². Книга Л.С. Окуновой не дает ответа ни на один из этих вопросов. Само ее появление, наоборот, подчеркивает не только то, что эти вопросы для современной российской латиноамериканистики сохраняют свою актуальность, но и показывают крайне незначительную степень интеграции отечественного бразилиоведения в мировое.

В этом отношении в теоретическом плане работа Л.С. Окуновой выдержана в рамках нормативной историографии, что делает ее более близкой к старой традиции советской латиноамериканистике, отдаляя от формирующегося междисциплинарного исследовательского мэйн-стрима. Подобное столь избирательное отношение Л.С. Окуновой к западной гуманитаристике свидетельствует о наличии крайне пагубной тенденции в развитии российского бразилиоведения, которая проявляется в почти полном игнорировании текстов, которые формируют основу современного научного дискурса. Это подчеркивает и то, что российская латиноамериканистика подвергается процессу постепенной маргинализации, оказываясь на периферии мирового гуманитарного знания. Истоки этой тенденции следует искать в нездоровом изоляционизме и склонности к автаркии. Подобные «научные» стратегии старшего поколения российских латиноамериканистов способствуют почти полному неприятию принципов междисциплинарности в рамках официального латиноамериканистского дискурса в России.

Автор настоящей рецензии осознает и то, что столь жесткая критика с его стороны живых классиков российской латиноамериканистики может вызвать не только ответную критику, но и неприятие, лишенное научных и методологических оснований. В период работы над настоящим обзором автор не ставил в качестве своей цели исключительно критику работ исследователей старшего поколения исключительно на основе того, что работа Л.С. Окуновой написана с принципиально чуждых для него позиций, хотя следует признать и то, что эта статья задумана и написана с целью расшатывания сложившейся в российской латиноамериканистике консервативной стабильности. Настоящей рецензией автор пытается если не предложить новую программу того, как надо изучать Латинскую Америку, то, по меньшей мере, показать то, что изучение латиноамериканской проблематики с опорой на старые и устаревшие методы (что в полной мере демонстрирует монография Л.С. Окуновой), является контрпродуктивным.

Монография Б.Ф. Мартынова по своему объему несравнимо меньше (320 страниц) исследования Л.С. Окуновой, обладая при этом рядом достоинств. Структурно книга, построенная на анализе

дихотомии «Бразилия» / «мир», состоит из двух разделов и двенадцати глав. Первый раздел «Мир и Бразилия» сфокусирован на некоторых тенденциях в развитии и трансформациях политической, культурной и расовой идентичности в Бразилии. В центре авторского внимания во втором разделе «Бразилия и мир» пребывают те вызовы, с которыми сталкивается современный южноамериканский гигант. Б.Ф. Мартынов анализирует вопросы глобализации, безопасности, интеграции, бедности, энергетики, экологии, которые не сходят с международной повестки дня современности.

В рецензируемой монографии Б.Ф. Мартынов предпринимает одну из первых попыток проанализировать специфику развития идентичности в Бразилии. Разделы, связанные с настоящей проблематикой, интересны как своеобразная попытка относительно системно ознакомить российского читателя с различными течениями в бразильской интеллектуальной традиции. Б.Ф. Мартынов показывает ту несомненную и фундаментальную роль, которую играли в формировании и функционировании современного интеллектуального бразильского дискурса такие исследователи как Жилберту Фрейри и С. Буарке де Оланда, формировавшие канон исследовательской и научной культуры.

Для подхода Б.Ф. Мартынова характерно и редко встречающееся в российской латиноамериканистике (в советский период отечественные националисты критиковали пресловутый «американский империализм» более жестко чем латиноамериканские левоориентированные радикальные националисты и революционеры) взвешенное отношение к американской историографии, в частности – к работам Томаса Скидмора. Особое внимание Автор уделил проблемам расы, показав, что в Бразилии категория «раса» в наименьшей степени была связана с расовой политикой, более тесно пересекаясь с процессами формирования политической нации бразильцев как нации граждан.

Интересными следует признать и попытки Б.Ф. Мартынова не только интегрировать в схему «большой истории» Бразилии имперский период (который в советской латиноамериканистике был подвергнут излишней идеологизации), но и противоречивую эпоху Варгаса, историографическая судьба которого в советской историографии складывалась не просто. Анализ проблем, связанных с различными направлениями и формами бразильских модернизаций и трансформаций в XX веке, позволил Б.Ф. Мартынову прийти к заключению о том, что современная Бразилия развивается как государство, которое «в достаточной мере» определило «свою модель внутреннего и внешнего развития в глобализирующемся мире», то есть смогло выработать формы эффективного функционирования

гражданской идентичности как основы политической стабильности и экономического развития.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Интеллектуальное пространство в рамках современной российской латиноамериканистики фрагментировано в меньшей степени, чем в других областях гуманитарного знания, что связано с институциональной и методологической преемственностью в развитии латиноамериканских исследований в России. Анализируя рецензируемые работы, во внимание следует принимать и то, что в современной отечественной латиноамериканистике мы можем выделить два тренда. Первый представлен традиционными работами, выдержанными в соответствии с канон нормативной историографии. Текст написан в соответствии с негласными нормами исследования, которые в той или иной мере соотносятся если не с политической конъюнктурой в целом, то с политическими предпочтениями автора.

Монография Л.С. Окуневой, о которой речь шла выше, относится именно к первой группе. Вторая группа представлена работами не только иного содержания, но и совершенно другого качества. Речь идет о монографии Б.Ф. Мартынова. Книга словно пребывает на стыке традиционной постсоветской латиноамериканистики и западных «бразильских исследований». По своим методологическим и теоретическим основам, общим и конкретным выводам текст Б.Ф. Мартынова явно превосходит работу Л.С. Окуневой, несмотря на то, что уступает ей по объему более чем в два с половиной раза. Автор полагает, что монография Л.С. Окуневой обладает немалой ценностью и значением, в первую очередь – для студентов, но издать ее следовало четырем – пяти годами ранее.

Для начала 2000-х монография Л.С. Окуневой вполне могла стать методологическим прорывом, в то время как на современном этапе ее преимущества и достоинства более чем сомнительны. С другой стороны, работа Б.Ф. Мартынова выглядела бы вполне респектабельно, если бы Автор издал ее... на португальском или английском языке. Стиль, выводы и содержание монографии в целом свидетельствует о том, что Автор очень хорошо знаком как с современной бразильской гуманистикой, так и теми исследовательскими тенденциями, которые доминируют в рамках «бразильских исследований» в целом. Не исключено, что именно это может сыграть негативную роль в судьбе книги Б.Ф. Мартынова, способствуя ее искусственной и намеренной маргинализации, принудительному замалчиванию в рамках профессионального исследовательского сообщества, которое отличается чрезмерно развитым чувством внутрикорпоративного консерватизма.

Анализируемые в рамках настоящей обзорной статьи тексты демонстрируют не только две возможные тенденции в развитии современных латиноамериканских исследований в Российской Федерации, но и указывают на то, что в случае дальнейшего изучения проблематики, пребывающей в центре рецензируемых работ, усилиями российских латиноамериканистов закладываются основы для дальнейшего развития отечественного бразилиоведения. Проблема вектора это развития продолжает оставаться открытой. В подобной ситуации чрезвычайно важное значение приобретают проблемы не только авторской позиции, но и корпоративной ответственности исследовательского сообщества...

¹ Автор позиционирует настоящую обзорную статью как продолжение более ранней работы, опубликованной в 2008 году. См.: Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинко (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 11 – 21.

² Копосов Н.Е. Как думают историки / Н.Е. Копосов. – М., 2001. – С. 6.

³ О подобных тенденциях в развитии гуманитарного знания в России см.: Копосов Н.Е. Как думают историки. – С. 23.

⁴ Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991. – С. 64.

⁵ Бразильские интеллектуалы получили возможность ознакомиться с идеями неомарксизма в 1960 – 1970-е годы. Неомарксистские концепции проникали, в том числе, и благодаря работам Э. Хобсбаума. См.: Hobsbawm E. Nações e nacionalismo desde 1780 / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002); Hobsbawm E. Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E. Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991 / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995; Hobsbawm E., Ranger T. A Invenção das tradições / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984. Опосредованную роль в контактах между бразильскими авторами и западными неомарксистами сыграли и работы Б. Андерсона, который является не только известным исследователем национализма, но и братом одного из теоретиков неомарксизма и «новых левых» Пэрри Андерсона. См.: Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. Problemas dos nacionalismos contemporâneos / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: um inquitto observador de estrelas // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15.

⁶ См. например: Freyre G. Regionalismo Brasileiro / G. Freyre // Folha de São Paulo. – 1978. – Setembro 6; Freyre G. A Propósito de um livro em 3ª edição “Casa grande e senzala” / G. Freyre // Revista do Brasil. – 1938. – Vol. 1. – No 1. – P. 33 – 40; Freyre G. Atualidade da sociologia / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Outubro 8; Freyre G. Os interesses do Brasil / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1938. – Novembro 10; Freyre G. Estudos afro-americanos / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1942. – Março 21; Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.

⁷ Duarte N. A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira) / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939.

⁸ О Жилберту Фрейри см.: Amaral A. Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental / A. Amaral // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Bastos E. Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil / E. Bastos // ES. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72. См. также: Кирчанов М.В. Теории экономического и политического развития Бразилии в XX – начале XXI века / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2010. – С. 74 – 79.

⁹ Andrade G. de, Pensamentos e reflexões de Machado de Assis / G. de Andrade. – Rio de Janeiro, 1990; Camargo de Godoi R. O Rio lusófono de Machado de Assis Análise da personagem Marcela das Memórias Póstumas de Brás Cubas / R. Camargo de Godoi // RECH. – 2006. – No 2; Chalhoub S. Diálogos

políticos em Machado de Assis / S. Chalhoub // A história contada: capítulos de história social da literatura no Brasil / eds. S. Chalhoub, L. Pireira. – Rio de Janeiro, 1998; Ferreira Martins R.A. Machado De Assis e a Literatura Brasileira do Oitocentos: um Projeto de Literatura Nacional / R.A. Ferreira Martins // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 9 – 32. Более полная библиография работ, посвященных Машаду ди Ассису доступна в ряде исследований Автора настоящей статьи. См.: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008; Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, «Научная книга», 2008.

¹⁰ Обращение к работам бразильских интеллектуалов, которые придерживаются принципов интердисциплинарности, могло оказать позитивное влияние на текст книги Л.С. Окуновой. См.: Amaral A. *Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental* / A. Amaral // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Araujo R.B. *Guerra e Paz: Casa-Grande e Senzala e a obra Gilberto Freyre nos anos 30* / R.B. Araujo. – São Paulo, 1994; Bastos E.R. *Gilberto Freyre e a Questão Nacional* / E.R. Bastos // *Inteligência Brasileira* / ed. R. Moreas, R. Ferrante. – São Paulo, 1986; Gilberto Freyre e os estudos latino-americanos. – Pittsburgh, 2005; Baêta Neves L.F. *História intelectual e história da educação* / L.F. Baêta Neves // RBE. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 377; Fico C. *Reinventando o optimismo: Didatura, propaganda e imaginário social no Brasil* / C. Fico. – Rio de Janeiro, 1997; Ferreira T.M. *Palácios de destinos cruzados: bibliotecas, homens, livros no Rio de Janeiro, 1870 – 1920* / T.M. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1999; Lopes M.A. *A história do pensamento político dos Grands Doctinaires à história social dea idéias* / M.A. Lopes // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127; Santos A.C. *A invenção do Brasil* / A.C. Santos // RH. – 1985. – No 118. – P. 3 – 12.

¹¹ На португальском языке изданы фундаментальные работы французских авторов, которые оказали значительное влияние на развитие исследовательского сообщества в Бразилии. См.: Bloch M. *Introdução à história* / M. Bloch / trad. Maria Manuel e Rui Gracio. – Porto, [n.d.]; Furet Fr. *Pensando a revolução francesa* / Fr. Furet / trad. Luiz Marques, Martha Gambini. – Rio de Janeiro, 1989; Le Goff J. *A nova história* / J. Le Goff / trad. Eduardo Brandão. – São Paulo, 2005; Simiand Fr. *Método histórico e ciências sociais* / Fr. Simiand / trad. Jose Leonardo do Nascimento. – Bauru, 2003.

¹² О влиянии «школы «Анналов»» на бразильские гуманитарные исследования свидетельствуют многочисленные переводы. См.: Burke P. *A escola dos Annales – 1929-1989: a revolução francesa da historiografia* / P. Burke / trad. Nilo Odália. – São Paulo, 1992; Chartier R. *À beira da falésia: a história entre incertezas e inquietudes* / R. Chartier / trad. Patricia Ramos. – Porto Alegre, 2002; Chartier R. *A história cultural: entre políticas e representações* / R. Chartier. – Lisboa, 1990; Le Goff J., Nora P. *História: novos objetos* / J. Le Goff, P. Nora. – Rio de Janeiro, 1976; Duby G. *Para uma história das mentalidades* / G. Duby. – Lisboa, 1999. На русском языке о «школе «Анналов»» см.: *Анналы на рубеже веков. Антология* / ред. А.Я. Гуревич, сост. С.И. Лучицкая. – М., 2002; Браун Е. *Школа Анналов – «новая историческая наука»* / Е. Браун // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / пер. с франц. Н. Авдониной и др., сост. В. Анашвили, А. Погорельский. – М., 2007. – С. 7 – 23.

¹³ Ряд работ Ф. Броделя переведен на португальский язык. Braudel F. *Escritos sobre a história* / F. Braudel / trad. Jaco Guinsburg, Tereza da Mota. – São Paulo, 2005.

¹⁴ О роли Ф. Броделя в развитии бразильской интеллектуальной традиции см.: Rodrigues H.E. *Levi-Strauss, Braudel e o tempo dos historiadores* / H.E. Rodrigues, Braudel and the time of the historians / H.E. Rodrigues // *Revista Brasileira de História*. – 2009. – Vol. 29. – No 57. – P. 165 – 186.

¹⁵ О методологическом влиянии М. Фуко, который в 1965 году читал лекции в Сан-Паулу, на бразильских интеллектуалов см.: Эрибон Д. *Мишель Фуко* / Д. Эрибон / пер. с франц. Е.Э. Бабаевой. – М., 2008.

¹⁶ Вызывает сожаление, что Л.С. Окунова проигнорировала мощное интеллектуальное влияние со стороны Х. Арендт (Arendt H. *Entre o passado e o futuro* / H. Arendt / trad. Mauro de Almeida. – São Paulo, 1992) на бразильские гуманитарные науки.

¹⁷ Л.С. Окунова ссылается лишь на две работы С. Шварцмана, хотя Симон Шварцман является автором большого числа исследований. В рецензируемой книге Л.С. Окуновой не нашло отражения и то, что Симон Шварцман принадлежит к той группе интеллектуалов, которая связана американской научной традицией. В 1973 году С. Шварцман получил степень Доктора Философии в Университете Беркли (Калифорния). См.: Schwartzman S. *Regional Cleavages and Political Participation in Brazil. A dissertation presented to the Graduate Division of the University of California at Berke-*

ley in partial fulfillment of the requirements for degree of doctor of philosophy 1973 / S. Schwartzman. – Berkeley, 1973. Для последующих исследований С. Шварцмана характерно сочетание достижений мировой политологии и бразильской традиции политического, социального и экономического знания. См.: Schwartzman S. Celso Furtado: subdesenvolvimento e estagnação na América Latina / S. Schwartzman // Revista Latino-Americana de Sociologia. – 1967. – No 1; Schwartzman S. Desenvolvimento e abertura política / S. Schwartzman // Dados. – 1969. – No 5; Schwartzman S. Representação e cooptação política no Brasil / S. Schwartzman // Dados. – 1970. – No 7; Schwartzman S. São Paulo e o estado nacional / S. Schwartzman. – São Paulo, 1975; Schwartzman S. Bases do autoritarismo brasileiro / S. Schwartzman. – Rio de Janeiro, 1988. О Симоне Шварцмане см.: Кирчанов М.В. Теории экономического и политического развития Бразилии в XX – начале XXI века / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2010. – С. 84 – 88, 132 – 134.

¹⁸ Работы Питера Берка, в том числе – и переводы на португальский язык (Burke P. *Hisrória e sociologia* / P. Burke. – Porto, 1980; Burke P. *A arte de converção* / P. Burke. – São Paulo, 1995; Burke P. *A Escola dos Annalles, 1929 – 1989. A revolução francesa da historiografia* / P. Burke. – São Paulo, 1991; Burke P. *A fabricação do rei* / P. Burke. – Rio de Janeiro, 1993) оказались вне сферы внимания Л.С. Окуновой, что свидетельствует о крайне поверхностном знании современной интеллектуальной ситуации в Бразилии.

¹⁹ Об исторической антропологии см.: Сэбиан Д.У., Кром М., Альгази Г. История и антропология: путь к диалогу / Д.У. Сэбиан, М. Кром, Г. Альгази // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX – XXI веков / ред. М. Кром, Д. Сэбиан, Г. Альгази. – СПб., 2006. – С. 8 – 32. Аннотированная библиография работ по исторической антропологии доступна в: История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX – XXI веков / ред. М. Кром, Д. Сэбиан, Г. Альгази. – СПб., 2006. – С. 302 – 311.

²⁰ О микроистории см.: Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / К. Гинзбург // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история / К. Гинзбург / пер. с итал., послесловие С. Козлова. – М., 2004. – С. 287 – 320; Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе / Ю. Шлюмбом, М. Кром, Т. Зоколл // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории / ред. М. Кром, Т. Зоколл, Ю. Шлюмбом. – СПб., 2003. – С. 7 – 26. Аннотированная библиография работ по микроистории доступна в: Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории / ред. М. Кром, Т. Зоколл, Ю. Шлюмбом. – СПб., 2003. – С. 260 – 265.

²¹ Попробуем поставить опыт // *Анналы на рубеже веков. Антология* / ред. А.Я. Гуревич, сост. С.И. Лучицкая. – М., 2002. – С. 17.

²² История и социальные науки: поворотный момент? // *Анналы на рубеже веков. Антология* / ред. А.Я. Гуревич, сост. С.И. Лучицкая. – М., 2002. – С. 11 – 14.

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО

М.К.

LATIN AMERICAN STUDIES **(ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)** **В ДЬЮКСКОМ, КОЛУМБИЙСКОМ,** **МЭРИЛЭНДСКОМ И БЕРКЛИЙСКОМ** **УНИВЕРСИТЕТАХ**

Отличительной особенностью развития латиноамериканских исследований в США является принцип интердисциплинарности, что предусматривает отсутствие латиноамериканистики как дисциплины в российском понимании в американских университетах. Особенности системы ученых степеней, связанные с существованием одной степени – Доктор Философии – делают невозможным искусственное разделение на политологию, историю, социологию, филологию. Отсутствие факультетов в российском понимании также позитивно влияет на развитие латиноамериканских исследований в США, что проявляется в создании специализированных исследовательских центров, некоторые из которых будут в центре авторского внимания в настоящем обзоре.

Центр латиноамериканских и карибских исследований, Дьюк. Дьюкский Университет в США является не только одним из центров международных исследований, но и играет значительную роль в изучении латиноамериканской проблематики. При Университете действует Центр латиноамериканских и карибских исследований (Center for Latin American & Caribbean Studies). Начало латиноамериканским исследованиям в Дьюкском Университете было положено в начале 1920-х годов. До 1978 года в структуре Университета латиноамериканскими проблемами занимались в рамках существовавшего Совета испанских исследований (Council on Hispanic Research), преобразованного в Совет латиноамериканских исследований (Council on Latin American Studies). На протяжении 1980 – 1990-х годов имело место расширение числа программ и рост инициатив, связанных с изучением именно Латинской Америки.

В 1990 году латиноамериканисты Дьюкского Университета стали инициаторами создания специального Консорциума латиноамериканских и карибских исследований (Consortium in Latin American and Caribbean Studies), созданного совместно с Университетом Северной Каролины в Чэпэл Хилл. Консорциум занимается не только научными исследованиями и образовательными программами, но и уделяет в своей деятельности значительное внимание популяризации в США культуры латиноамериканских государств. В частности, Консорциум стал инициатором проведения ежегодного фестиваля латиноамериканского кино (Annual Latin American Film Festival), а так же различных выставок и презентаций, которые касаются политической, культурной и экономической жизни стран Латинской Америки.

К настоящему времени Центр является одним из старейших научно-исследовательских учреждений, занятых в сфере изучения Латинской Америки, которые существуют на территории США. Целью Центра является стимулирование интереса со стороны студентов к латиноамериканским исследованиям, а так же всемерное и всестороннее развитие латиноамериканистики на принципах междисциплинарности. В реализации латиноамериканских инициатив в Дьюкском Университете принимают участие Джил Меркс (Gil Merckx), исполняющая обязанности директора программы, Даян Нэлсон (Diane Nelson), курирующая программу культурных исследований, касающихся латиноамериканской проблематики, а так же – Кристин Бейл (Christine Beaule), Сьюзен Эшли Вилсон (Susan Ashley Wilson), Тамэра Марко (Tamera Marko), Кэти Микуш (Katie Mikush).

Деятельность Центра развивается по трем направлениям. Первое направление – непосредственно образовательная деятельность, направленная на подготовку бакалавров и магистров, специализирующихся в латиноамериканских исследованиях; второе – научные исследования стран Латинской Америки, что проявляется в организации конференций и издании специализированной литературы; третье – создание социальных сетей и развитие исследовательского сообщества (установление и поддержание контактов с подобными исследовательскими институтами в США и за границей). В рамках третьего направления значительное внимание уделяется программам обмена, что дает возможность студентам Дьюкского Университета обучаться в стране изучения.

Курсы, предлагаемые Центром, отличаются разнообразием, охватывая проблемы, как истории, так и современности латиноамериканского региона. Среди читаемых курсов – «Развитие и системы правосудия в Латинской Америке» («Development and Justice Sys-

tems in Latin America»), «Социальный капитал в Южной Америке» («Social Capital in South America») и другие.

В своей деятельности Центр значительное внимание уделяет именно научным исследованиям Латинской Америки. В связи с этим практикуется приглашение в Дьюкский Университет для выступлений с лекциями и докладами специалистов из других американских университетов, а так же из стран изучаемого региона. Значительное внимание уделяется интеграции в исследовательское сообщество молодых латиноамериканистов, получивших степень магистра и работающих над докторскими диссертациями.

Специально для этого при Центре действует программа «Tertulias», в рамках которой организуются выступления докторантов, чьи диссертации посвящены латиноамериканской проблематике. Например, в марте 2008 года в рамках этой программы состоялось выступление Кристин Винтерстин (Kristin Wintersteen), чье диссертационное исследование сфокусировано на проблемах развития рыболовной отрасли в экономиках Перу и Чили («The Stench of Success: Anchovies, protein politics, and the making of a fishmeal empire in Peru and Chile, 1950-2000»). В апреле 2008 года в рамках проекта выступил Энвер Касимир (Enver Casimir), диссертация которого посвящена проблемам соотношения между спортом и националистическим движением на Кубе («Kid Chocolate, the Golden Age of Boxing and the Origins of the close link between Sports and Cuban Nationalism»).

Центр латиноамериканских и карибских исследований при Дьюкском Университете – одна из крупнейших и старейших исследовательских институций в сфере Latin American Studies, которая продолжает традиции латиноамериканских исследований в Северной Америке и активно участвуя в формировании современного канона этого междисциплинарного тренда современного гуманитарного знания.

Институт латиноамериканских исследований, Нью-Йорк. Среди исследовательских учреждений, которые действуют на территории США и занимаются изучением латиноамериканской проблематики, существуют не только специализированные центры, действующие при университетах, но и более крупные структурные подразделения, институты, которые так же связаны с теми или иными американскими университетами.

Например, при Колумбийском Университете в Нью-Йорке (Columbia University in the City of New York) функционирует Институт латиноамериканских исследований (Institute of Latin American Studies). Институт был основан в 1962 году в условиях значительной необходимости, которую испытывали Соединенные Штаты в специалистах по Латинской Америке.

В реализации программы латиноамериканских исследований принимают участие Хосе Мойя (Jose C. Moya), Томас Требат (Thomas J. Trebat), Элиза Квон-Ан (Eliza Kwon-Ahn), Рут Боргмэн (Ruth E. Borgman). Хосе Мойя известен своими исследованиями, посвященными политической, культурной и интеллектуальной истории Аргентины¹. Часть исследований Т. Требата касается бразильской проблематики².

Среди основных направлений деятельности Института – научное изучение стран Латинской Америки; подготовка бакалавров, магистров и докторов, специализирующихся в сфере латиноамериканских исследований; публикация исследований с целью популяризации латиноамериканской тематики и привлечения к ней интереса, как читателей, так и исследовательского сообщества.

Институт ведет активную образовательную деятельность. В рамках образовательных программ по латиноамериканским исследованиям читаются разнообразные лекционные курсы, а так же проводятся семинары и коллоквиумы. Среди читаемых курсов – «Финансовые проблемы в Латинской Америке» («Financial issues in Latin America»), «Политическое, социальное и экономическое развитие в Бразилии» («Political, social and economic development in Brazil»), «Политическая экономия Мексики» («Political Economy of Mexico»), «Латиноамериканская политика в сравнительной перспективе» («Latin American politics in comparative perspective»), «Католицизм и демократизации в Латинской Америке» («Catholicism and democratization in Latin America»), «Политика, общество и культура в Аргентине» («Politics, Society and Culture in Argentine»), «История Бразилии» («History of Brazil»), «Рабство и расовые теории в Бразилии» («Slavery and race theories in Brazil») и другие.

По инициативе Института регулярно проходят научные конференции. В феврале 2008 года состоялась конференция «Что могут сделать Соединенные Штаты для изучения чилийских реформ» («What Can the United States Learn from Chile's Reforms?»). В ходе конференции был поднят значительный круг вопросов, связанных с экономическими и социальными процессами в Чили, с одной стороны, и их восприятием в США, с другой. В рамках конференций значительное внимание уделяется экономическим проблемам. В феврале 2008 года состоялась конференция «Растущий поток: экономические и политические отношения между Китаем и Латинской Америкой» («A Rising Tide: Economic and Political Relations between China and Latin America»), в центре внимания участников которой были проблемы экономического сотрудничества и взаимодействия Латинской Америки и Китая как двух динамично растущих и развивающихся регионов современного мира.

Институт активно занимается научной деятельностью, одной из форм которой является организация открытых лекций и выступлений, посвященным проблемам Латинской Америки. Например, в мае 2008 года в Институте выступили Бродвин М. Фишер (Brodwyn M. Fischer) с докладом, посвященным проблемам развития современного бразильского города и городской субкультуры («Settling the Urban Sertão: Notes on the History of Brazil's Informal Cities») и Эмилио Каури (Emilio Kourí), доклад которого касался проблем социального и экономического фрагментирования современного Мехико («A Pueblo Divided: Business, Property, and Community in Papantla, Mexico»).

Тематика выступлений сотрудников Института и приглашенных гостей разнообразна. Значительное внимание уделяется, например, Бразилии. В частности в феврале 2008 года с открытой лекцией на тему «Современные проблемы расы и расовые отношения в Бразилии» («Contemporary Issues of Race and Race Relations in Brazil») выступила профессор Университета Сан-Паоло Лилиа Шварч (Lilia Schwarcz). Кроме этого в феврале 2008 года состоялось выступление Эннэт Хэстэр (Annette Hester), посвященное Бразилии как крупному игроку на рынке энергоресурсов («Brazil and the Energy Politics of the Hemisphere: vassal or kingmaker»).

В марте 2008 года в Институте выступил профессор-эмиритус, один из основателей бразильских исследований в Колумбийском Университете, Алберт Фишлоу (Albert Fishlow) с лекцией («Brazil's Changing Role in the Global Economy: An Analysis of Trade and Trade Policy»), в которой он проанализировал изменяющуюся роль Бразилии в мировой экономике в контексте торговой политики. Среди гостей Института – известные политики и экономисты. В феврале 2008 года с лекцией выступил Паулу Виэйра да Кунья (Paulo Vieira da Cunha), бывший директор международных программ Центрального Банка Бразилии. В центре его лекции («The Turbulence in the Global Economy and the Outlook for Brazil») были проблемы нестабильности в мировой экономике и их влияние на экономику Бразилии.

В апреле 2008 года в Институте прочитал лекцию «Мексиканская иммиграция и американо-мексиканские отношения» («Mexican Immigration in US-Mexican Relations») профессор Нью-Йоркского Университета и бывший министр экономики Мексики Хорхе Кастанеда (Jorge Castaneda). Часть открытых лекций касается проблем экономического развития стран Латинской Америки. Это, например, относится к лекциям Родольфо де ла Карза (Rodolfo de la Garza) и Хосе Антонио Окампо (Jose Antonio Ocampo), которые анализировали фактор миграции в контексте развития экономики («Political Economy of Mexico Series: “The Immigration Debate: A Differ-

ent View”») и макроэкономические особенности экономического роста в Латинской Америке («The Macroeconomics of the Latin American Boom»).

Кроме этого в марте 2008 года состоялась лекция «Международная интеграция, промышленный рост и рынок труда в Мексике» («International integration, Industrial upgrading and the labor market in Mexico») Эрика Верхугена (Eric Verhoogen), посвященная проблемам экономической интеграции в контексте развития рынка труда в Мексике. Некоторые лекции носят междисциплинарный характер. Например, в феврале 2008 года в Институте с лекцией выступил Жоржэ Майерс (Jorge Myers), лекция которого «История латиноамериканских интеллектуалов в XIX веке: проблемы и перспективы» («The History of Latin American Intellectuals in the Nineteenth Century: Problems and Perspectives») была посвящена направлениям и особенностям теоретического и методологического исследования и восприятия интеллектуальной истории стран Латинской Америки.

Центр латиноамериканских исследований, Мэрилэнд. Латиноамериканские исследования – одно из направлений исследовательской деятельности в Университете Мэрилэнда (University of Maryland), где функционирует Центр латиноамериканских исследований (Latin American Studies Center).

Сотрудники Центра занимаются не только научными исследованиями, но и преподавательской деятельностью. Курсы читаются на английском и испанском языке. Кроме этого возможны консультации не только на английском, но так же на испанском, португальском и кечуа. Среди читаемых курсов – «Проблемы латиноамериканских исследований» («Issues in Latin American Studies»), «Актуальные темы латиноамериканских исследований: раса и этничность в Бразилии. Социальная история» («Special Topics in Latin American Studies: Race and Ethnicity in Brazil: A Social History»), «Актуальные темы латиноамериканских исследований: право и идентичность» («Special Topics in Latin American Studies: Law and Identities»), «Актуальные темы латиноамериканских исследований: новые социальные движения в Латинской Америке» («Special Topics in Latin American Studies: New Social Movements in Latin America»), «Актуальные темы латиноамериканских исследований: аргентинская литература XIX и XX веков» («Special Topics in Latin American Studies: 19th and 20th Century Argentinean Literature»), «Актуальные темы латиноамериканских исследований: современные проблемы латиноамериканского общества и культуры» («Special Topics in Latin American Studies: Contemporary Issues in Latin American Society and Culture»).

Основные направления исследовательской деятельности Центра – культура, демократия, политические процессы, социальные

трансформации, литература и этничность в Латинской Америке. Центр – организатор лекций и выступлений, посвященных различным проблемам латиноамериканских исследований. В 2007 году Центр выступил в качестве организатора лекций Инеке Фаф-Райнбергер (Ineke Phaf-Rheinberger), Фл. Фиоруччи (Flavia Fiorucci), Жилберту Кампеллу (Gilberto Campello), посвященных проблемам колонизации Бразилии («Colonization in Brazil and Angola in the 17th Century»), интеллектуальной истории Аргентины в контексте перонизма («Peronismo, Intelectuales y Cultura»), африканской музыки в контексте бразильских культурных традиций («Afro-Brazilian Music: Rhythms and Cultural Aspects»).

Весной 2008 года в Центре с докладами «La causa de oriente: El orientalismo argentino (1900-1940)» и «Orientalismo en la literatura Hispanoamericana», посвященными проблемам ориентализма в латиноамериканском культурном дискурсе, выступил Аксель Гаскет (Axel Gasquet). Центр издает «Newsletter», посвященный развитию латиноамериканских исследований и научной жизни в Университете Мэрилэнда. По инициативе Центра выходят и «Working Papers»³ на английском и испанском языке. Центр – издатель специализированного журнала «Revista de Literatura», редактором которого является Саул Сосновски (Saúl Sosnowski).

Центр латиноамериканских исследований, Беркли. Среди наиболее активных и крупных подразделений, занимающихся латиноамериканской проблематикой – Центр латиноамериканских исследований (Center for Latin American Studies) Университета Калифорнии в Беркли. Центр входит в число ресурсных центров в сфере латиноамериканистики в США.

В качестве задач Центра декларируются организация научных и общественных мероприятий с приглашением ведущих ученых и политиков, поддержка научной деятельности преподавателей и студентов, публикация исследований и других работ с целью популяризации латиноамериканистики, создание и развитие сети исследователей-латиноамериканистов.

Центр активно выступает в качестве организатора открытых лекций и выступлений, а так же конференций. Тематика выступлений, проходящих в стенах Центра, отличается значительным разнообразием. В феврале в Центре состоялось выступление Альфредо Корхадо (Alfredo Corchado) и Рикардо Сандовала (Ricardo Sandoval) «Как работать в Мексике, но не быть при этом арестованным, убитым или похищенным» («How to Report in Mexico Without Being Jailed, Kidnapped or Killed»), посвященное тем сложностям, с которыми сталкиваются в Мексике иностранные граждане, в первую очередь – журналисты.

В феврале 2008 года в центре выступления «Долой Concertación! Да здравствует Concertación!» («The Concertación Is Dead! Long Live the Concertación!») Кирстен Сенбрух (Kirsten Sehnbruch) были проблемы, с которыми столкнулось в Чили правительство Мичель Бачалет⁴. Кирстен Сенбрух попыталась проанализировать, почему политические и экономические меры, предпринимаемые чилийской администрацией, способствуют росту числа скептиков и тех, кто предрекает скорый политический и экономический крах проводимым реформам. В апреле 2008 года в центре лекции «Альтернативная энергия и Америки» («Alternative Energy and the Americas») Стэнфорда Овшински (Stanford Ovshinsky) были проблемы, связанные с глобальным рынком энергоресурсов и участием в торговле сырьем и потреблении энергии латиноамериканских государств.

Среди гостей Центра – известные политики. В мае 2008 года в Центре прочла лекцию «Трансформация Чили» («The Transformation of Chile») Президент Чили Мичель Бачалет. В марте 2008 года с лекцией, посвященной проблемам бедности («Can Democracy Afford to Neglect the Poor?»), выступил бывший президент Перу Александро Толедо (2001 – 2006). Весной 2008 года с лекцией «Венесуэла смотрит в будущее» («Venezuela Faces the Future») выступил Теодоро Петкофф (Teodoro Petkoff). Теодоро Петкофф – одна из знаковых фигур в венесуэльской политике «до Уго Чавеса». Петкофф был партизаном, университетским профессором, депутатом, дважды кандидатом в президенты Венесуэлы. В Венесуэле профессор Т. Петкофф известен как один из наиболее последовательных критиков политики У. Чавеса.

В марте 2008 года в Центре с лекцией, посвященной перспективам урегулирования конфликта на Гаити («The U.N. Mission in Haiti») выступил Хуан Габриэль Вальдес (Juan Gabriel Valdés), который ранее являлся представителем Чили при ООН (2000 – 2003). Центр реализует и ряд специализированных проектов, связанных с изучением отдельных стран Латинской Америки. «The U.S.-Mexico Futures Forum» – один из подобных специализированных проектов.

Центр в рамках реализации этого проекта, посвященного проблемам и перспективам американо-мексиканского сотрудничества, сотрудничает с Факультетом международных отношений Автономного технологического Института Мехико (Instituto Tecnológico Autónomo de México). В феврале 2008 года с докладом «Striking Copper Miners in Cananea, Mexico – Fighting for Their Lives» в рамках проекта выступила Гарретт Браун (Garrett Brown), проанализировав проблемы социального движения в Мексике на примере сообществ шахтеров. В апреле 2008 года в рамках реализации проекта выступил Альфонсо Валензуэла Агилера (Alfonso Valenzuela Aguil-

era), доклад («Surveillance, Territory and the Rule of Law in Mexico City») которого был посвящен социальным идентичностям и культурам на примере маргинальности и преступности современного Мехико.

Центр реализует так же проект «Конфликт, память и политический транзит» («Conflict, Memory and Transitions»). В 2002 году в рамках проекта был показан фильм «Дети Пиночета» («Pinochet's Children») Полы Родригес (Paula Rodriguez), посвященный проблемам социализации маленьких и юных чилийцев в период правления военных. В рамках проекта предусматривается проведение исследований, посвященных проблемам насилия, памяти и страха, а так же различных политических процессов, связанных с примирением и национальной консолидацией в транзитных обществах Латинской Америки.

Центр так же реализует проект «Brazil in Berkeley», связанный с изучением Бразилии. Целью проекта является стимулирование и развитие бразильских исследований. В рамках проекта практикуется приглашение с докладами и лекциями ученых и политиков. Весной 2002 года был организован специальный семинар «Leituras Brasileiras: Pensamento Social e Literatura no Brasil», в рамках которого его участники под руководством профессоров Марии Ангелики Мадейры (Maria Angelica Madeira) и Маризы Велозу (Mariza Veloso) анализировали проблемы, связанные с развитием бразильской культуры и идентичности. В 2003 году Центр в рамках бразильского проекта организовал «Rio Branco Forum on Brazil», в рамках которого были представлены доклады, посвященные политическим процессам в современной Бразилии. В апреле 2008 года с докладом «Бразилия: экономика, торговля и отношения с Соединенными Штатами» («Brazil: The Economy, Trade and U.S. Relations») выступил посол Бразилии в США Роберту Абденур (Roberto Abdenur).

Центр реализует и другие проекты – «Современная Куба» («Contemporary Cuba»), посвященный кубинским исследованиям; «Development, Labor Standards, and Economic Integration in the Americas», связанный с исследованиями проблем экономического развития и социальных трансформаций в регионе Латинской Америки. Центр занимается активной издательской деятельностью. Среди издательских проектов – «Working Papers», тематика которых отличается значительным разнообразием⁵.

Подводя итоги настоящего обзора, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием латиноамериканских исследований в университетах США. Большинство исследований, проводимых американскими специалистами по Латинской Америке, выполняются и реализуются как междисциплинарные. Склон-

ность к методологическому синтезу характеризует научное сообщество латиноамериканистов в США как динамично развивающееся. Синтез в рамках проводимых исследований методов исторической науки, политического анализа, критики текста способствует получению не только оригинальных результатов, но и является гарантией от консервации научного сообщества. Принципы интердисциплинарности существенно влияют на качество публикаций, посвященных Латинской Америке, способствуя его повышению и оказывая влияние на интеграции латиноамериканские исследований с другими гуманитарными и политическими науками.

¹ См. например: Moya J.C. Cousins and Strangers: Spanish Immigrants in Buenos Aires, 1850 – 1930 / J.C. Moya. – Berkeley, 1998.

² Trebat Th. J. Brazil's State-owned Enterprises: A Case Study of the State as Entrepreneur / Th. J. Trebat. – Cambridge University Press, 1983.

³ Kliksberg B. Un tema estratégico: el rol del capital social y de la cultura en el proceso de desarrollo / B. Kliksberg. – University of Maryland Press, 2007 (Working Papers. No.1); Ramírez S. Vigores dispersos (Centroamérica: los retos pendientes de la construcción democrática) / S. Ramírez – University of Maryland Press, 2007 (Working Papers. No.2); Kliksberg B. The Role of Social and Cultural Capital in the Development Process / B. Kliksberg. – University of Maryland Press, 2008 (Working Papers. No. 3).

⁴ См.: Sehnbruch K. The Chilean Labor Market: A Key to Understanding Latin American Labor Markets / K. Sehnbruch. – Palgrave Macmillan, 2008.

⁵ Gallagher K.P., Porzecanski R. Coalitional Choices and Strategic Challenges: The Landless Movement in Brazil, 1970–2005 / K.P. Gallagher, R. Porzecanski. – Berkeley, 2007 (Working Papers, No. 19); Torture, Human Rights, and Terrorism. – Berkeley, 2007 (Working Papers, No. 17); The Chilean Presidential Elections of 2005–2006: More Continuity than Change. – Berkeley, 2006 (Working Papers, No. 16); Privatized Unemployment Insurance: Can Chile's New Unemployment Economic Integration and the Environment in Mexico. – Berkeley, 2005 (Working Papers, No. 13); Sehnbruch K. Urban Planning: Innovations From Brazil / K. Sehnbruch. – Berkeley, 2004 (Working Papers, No. 11); Wilhelm J. La evolución política de Chile (1988–2003) / J. Wilhelm. – Berkeley, 2004 (Working Papers, No. 10).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Багуатурия Тамила Елгуджаевна** – студентка факультета международных отношений ВГУ, специальность «Международные отношения», научный руководитель – доц., к.и.н. Е.В. Кардашова
- Беденко Ксения Васильевна** – студентка факультета международных отношений ВГУ, направление «Регионоведение», научный руководитель – проф., д.полит.н. А.А. Слинько
- Болдырихин Александр Александрович** – аспирант факультета международных отношений Воронежского государственного университета, научный руководитель – проф., д.полит.н. А.А. Слинько
- Иммануил Валлерстайн (Immanuel Maurice Wallerstein)** – Д-р Философии, ведущий исследователь (Senior Research Scholar) Факультета социологии Йельского Университета (Yale University)
- Варгасова Елена Сергеевна** – студентка факультета международных отношений ВГУ, направление «Регионоведение», научный руководитель – проф., д.полит.н. А.А. Слинько
- Дьякова Людмила Владимировна** – к.полит.н., старший научный сотрудник ИЛА РАН, Москва
- Кирчанов Максим Валерьевич** – к.и.н., преп., факультет международных отношений, Воронежский государственный университет (Воронеж, РФ)
- Хорхе Ланзаро** – Д-р Философии, профессор Института политических наук Университета Республики, Уругвай
- Армандо Паредес** – докторант Университет Париж VIII (Université Paris 8), Франция
- Хайме Партиш (Jaime Partsch)** – Д-р Философии, Университет Восточной Каролины (Universidad del Este Carolina), Пуэрто-Рико
- Джэймс Петрас (James Petras)** – Д-р Философии, профессор-эмеритус Бингхэмптонского Университета, адъюнкт-профессор Университета св. Марии, Галифакс, Нова Скотия, Канада
- Петер Фишер-Боллин (Peter Fischer-Bollin)** – Д-р Философии, Представитель Фонда Конрада Аденауэра в Бразилии
- Вильгельм Хофмейстер** – Д-р Философии, Представитель Фонда Конрада Аденауэра в Бразилии
- Мишель Чоссудовски (Michel Chossudovsky)** – Д-р Философии, профессор-эмеритус, Университет Оттавы, Канада

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник статей памяти С.И. Семенова

Составители: А.А. Слинько, М.В. Кирчанов

Выпуск 6

На русском языке
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать _____.____.2010 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02

ISBN 1104201006 -3

